

КАК В ПЕРВЫЙ РАЗ...

меня нет таланта стихосложения, но когда я думаю об этом человеке или общаюсь с ним, то мне на ум приходят прекрасные строки Бориса Пастернака, которые как нельзя лучше раскрывают необыкновенный талант и дарование Учителя, философа, человека:

*Во всем мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте..
Все время схватывая нить
Судеб, событий,
Жить, думать, чувствовать, любить,
Свершать открытья..*

Уважаемые читатели, вашему вниманию предлагается интервью с заведующим кафедрой философии гуманитарных факультетов, Заслуженным деятелем наук РФ, академиком АГН, профессором, доктором философских наук В.А. Коневым. Но не только этими громкими званиями и признанием со стороны государства и научного сообщества отличается имя В.А. Конева. Он бесконечно дорог для нас, учеников его школы, коллег по кафедре и научному сообществу, как уникальный человек, громадная личность, замечательный ученый, которому по плечу и решение научных проблем, и разработка оригинальной научной концепции, и организация кафедры и научной школы, а главное, В.А. Конев создает уникальную человеческую и нравственную атмосферу, позволяя нам понимать и чувствовать мир как уникальное событие нашего существования. Жизнь и творчество В.А. Конева – это Урок, который он дает себе, это Урок всем другим, это Урок слова и мысли, которые открывают нам необыкновенный мир философского опыта (мерцания собственной мысли-понимания), чувства и мужества быть. В нем причудливо и прихотливо соединяются черты Ученого, Лирика и Учителя. Романтическая традиция называла таких людей героями, ницшеанская приписывала им черты и возможности сверх-человека, а мы просто горды, радостны и бесконечно счастливы быть людьми, в которых он вкладывает частицу своего таланта, божественный дар мысли, способность жить и свершать поступок, скрепляя его собственной подписью как скрижалью ответственной причастности к бытию..

Светлана Соловьева, Артур Костомаров: Владимир Александрович, мы рады встретиться с Вами по поводу Вашего предстоящего юбилея и задать Вам несколько вопросов, которые были навеяны не только нами, кафедрой, но и про-

ректором П.С. Кабытовым как представителем научного сообщества и ректората. Ваша судьба, Ваше научное творчество, позиция в университетской корпорации значительны и представляют для всех нас огромный интерес. Кроме того, наша беседа – не просто попытка вспомнить о примечательных событиях жизни, но и замечательный повод поговорить о планах, которые Вы строите.

В.А., вы закончили филологический факультета Уральского университета. Каковы были мотивы обращения к философии? Это желание возникло под влиянием преподавателей, семьи, окружения, или это внутренний запрос? Откуда вообще появляется потребность к философствованию?

Владимир Александрович Конев: Когда я учился на филологическом факультете, то меня больше интересовали вопросы, связанные с теорией литературы, теорией языка, чем историей литературы или конкретные факты языка. Толчком обращения к эстетике стали лекции Л.Н.Когана, интерес к которым привел к написанию под его руководством курсовой и дипломной работы на тему «Категория прекрасного в эстетике Гегеля», защищенной на кафедре философии у профессора М.Н. Руткевича. Литературоведение и эстетика достаточно близки. Вообще была какая-то «странная судьба» в моем общении с философией. На первом курсе я писал курсовую работу по значению слова, и тогда я прочитал всю литературу, составил классификацию этих концепций значения слова и присоединился к одной из концепций. Потом я забыл об этом, а много лет спустя мой руководитель, с которой мы подружились, Вера Васильевна Кузнецова сохранила работу. Я тогда присоединился к точке зрения Щедровицкого, не зная его, конечно, но в аспирантские годы я стал участником его семинара, какая-то судьба меня туда привела. Кроме того, в университете я посещал семинары по Белинскому, Достоевскому, авторам близким к философии. Если подходить чисто психологически, то может меня привела к философии плохая память на конкретные факты, для филолога это важно, а для философии – нет... Меня всегда поражала память Финка, Скобелева, они помнили все до деталей в произведениях. Вот таким образом я оказался на философской стезе, поступая в аспирантуру по эстетике.

С.С.: Во времена советской действительности Вы занимались эстетикой, Ваша докторская работа вписывалась в социологию искусства, культуры, то, чем занимался такой известный социолог как П. Сорокин. Как получилось, что Вы обращаетесь к социальной философии, более того предметом Вашего сегодняшнего интереса выступает создание критики и онтология значимого бытия?

В.К.: Линия моего интереса в области философии достаточна, как кажется, логична. Я попал в первый набор аспирантов на открывшуюся кафедру эстетики философского факультета МГУ, которую возглавил тогда М.Ф. Овсянников. Поступил я туда потому, что писал диплом по эстетике. Темой диплома, как я говорил, была «Категория прекрасного в философии Гегеля». Я тогда осилил все 4 тома его лекций по эстетике, особенно первый том. Кстати, вот еще

что можно вспомнит, почему это философия, а, потому что будучи еще в школе...

С.С.: Может быть, несчастная любовь была?

В.К.: Когда я учился в школе, то местом наших свиданий был читальный зал областной библиотеки г. Кургана, который располагался в доме, построенном декабристами. Игры и свидания на лестничной клетке происходили в перерыве между чтением, тогда впервые в школе я нашел и прочел томик Гегеля. Так впервые обнаружился мой интерес к философии. Тема моей кандидатской диссертации – «Драматизм как форма отражения противоречий действительности». Вот здесь уже была стыковка между искусством, культурой и социальной жизнью. Я рассматривал драматизм как форму проявления социальной сущности человека. Одновременно в аспирантуре я посещал семинары Щедровицкого, как сейчас его называют, «московский методологический кружок». Попал я туда совершенно случайно, увидел объявление и меня заинтересовала тематика. Когда я попал туда, то, с одной стороны, мне понравилась атмосфера, которая там существовала, с другой стороны, доклад вызвал у меня возражения, я даже там выступал. Потом ходил на эти семинары достаточно систематически. Школа Щедровицкого, в то время называемая «школа теории деятельности», представляла собой очень живую, актуальную философия, из которой вышел Мамардашвили. После защиты диссертации я работал в Новосибирском электротехническом институте и ездил в Академгородок на семинары, которые вел М.А. Розов. А это было ответвление от Щедровицкого, поэтому мне это было интересно и понятно. Потом меня пригласил В.Н. Борисов, который тогда заведовал кафедрой, и через год я работал в Университете, в Академгородке, и семинары, которые шли у нас были посвящены философии науки, познания, это был эмпирический анализ научного знания. Тогда меня занимали особенности эстетического знания, а потом вышел на проблему существования идеального содержания, т.е. проблему существования произведения искусства. Я начал заниматься поиском конкретных социальных форм проявления искусства. Вот тогда я вышел на социальное бытие искусства. Тогда в круг моих интересов вошла феноменологическая проблематика, когда я искал все возможные пути анализа существования искусства. В то время я написал первый вариант моей книжки «Социальное бытие искусства», но ее отвергли. Один из рецензентов прочитал мою работу и сказал: «Такие темы могут поднимать только партийные писатели». Там было много выводов, не укладывавшихся в официальную традицию. Опубликовать книгу и защитить диссертацию я смог только после переезда в Самару. После защиты возникает интерес к сфере культуры, а это сфера существования человеческих значений.

С.С.: Вы работали в очень разное и с научной, и с идеологической, и с культурной точки зрения время, на Вас большое влияние оказал марксизм, феноменология Гуссерля, Хайдеггера, Сартра. В этом отношении интересно было бы узнать: Ваша личная позиция и цель Вашего научного поиска – показать

возможный срединный путь развития философии, сняв противоречия этих в общем-то крайних и в определенной степени несовместимых методологий? Можно ли сказать, что Ваша цель – создание синтеза экзистенциально-антропологического видения социальной реальности и институционального, охватывающего общество как целое в марксизме? Вы полагаете, что такой синтез возможен, а также может ли подобный синтез создать основу для выделения логики индивидуального как универсального бытия общества и человека, или же Вам представляется эта ситуация как-то иначе?

В.К.: Когда я занимаюсь какой-то проблемой, пытаюсь ее для себя решить, мне все равно, откуда я беру средства для решения. Я вижу методологии как инструментарий, с помощью которого я могу работать. Они различаются, если брать их в историко-философском смысле. Здесь я исповедую точку зрения самого Хайдеггера, точку зрения Мамардашвили, что философия всегда решает один и один и тот же вопрос. Между Хайдеггером, Сартром и Марксом существуют различия, но мне кажется, что они делают одно и то же. Между ними много соответствий. Когда я занимаюсь своей проблематикой эти противоречия для меня снимаются, я тогда пользуюсь этими рассуждениями. Для меня Маркс и Хайдеггер в этом отношении не противоположны. Конечно, я вырос и воспитывался интеллектуально в рамках марксизма как его понимал Щедровицкий. И Мамардашвили своей работе «Анализ сознания в работах Маркса» анализировал формы мышления, там Гегель интерпретируется через Маркса. Традиция, в которой мне приходилось воспитываться и работать была скорее неомарксистской, а у нее много точек соприкосновения с экзистенциальной традицией.

С.С.: Я не удержусь от одного провокативного вопроса. В свете Ваших последних исследований социокультурного бытия как значимого бытия, что бы Вы могли посчитать устаревшим в собственном творчестве? Или логика Вашей мысли и научных поисков какая-то иная? Возникало ли у Вас когда-нибудь в жизни состояние внутреннего бунта, подрыва собственной прошлой мысли ради события какого-то будущего нового понимания? Ваша философская мысль разворачивается через преемственность, кумулятивную работу, или она разворачивается через отказ, снятие, точки разрыва, бифуркации, полного разлада?

В.К.: Я знаю, как ответить на этот вопрос, но будет ли это ответ на тот вопрос, который ты задаешь? Так же, как для меня нет разницы в моей работе между Марксом и Хайдеггером, и другими философами, они все для меня, если угодно, собеседники, не в том смысле, что я их на равных с собой число, но в том смысле, что я от них могу получать все, что я хочу, так и я сам из разных времен остаюсь для себя одним и тем же. Наверное, я, конечно, отличаюсь сейчас от того, что было раньше. В моей жизни не было ситуации, когда я от чего-то отказывался и сжигал все... Это вовсе не значит, что я всегда был собою доволен, но не было такой ситуации: вот я теперь что-то зачеркну

и начну работать с белого листа. Такого не было. Вероятно, это связано просто с тем, что у меня памяти нету. Я никогда не помню, что было...

С.С.: Вы всякий раз как бы с нового листа начинаете?

В.К.: Я рецендивист, я живу всегда *вот этой ситуацией*, и все, что мне здесь нужно, я и получаю, откуда это приходит – меня это не интересует..

С.С.: В.А., это приспособленчество!

В.К.: Может быть, я не возражаю. Я вообще сторонник *opportunity*, т.е. применительно к ситуации действия. Я вообще когда действую, то действую *так, как я действую*, я не руководствуюсь какими-то соображениями, хотя это вовсе не значит, что поступаю необдуманно, тем более в научной деятельности. Хотя были и бывают ситуации, когда я совершаю какие-то действия, учитывая внешнюю ситуацию, по принципу «не лезть на рожон». Но во всяком случае у меня никогда не было желания сжечь рукописи, как Гоголь.

С.С.: Тогда у меня еще один вопрос из этой же сетки. Существует ли связь между философским опытом как научным изысканием и опытом Вашего уникального проживания жизни? Существует ли необходимость иметь некоторый экзистенциальный запрос для того, чтобы заниматься той или иной философской проблемой? Или интерес к философским штудиям может произрастать за пределами экзистенциального любопытства к самому себе?

В.К.: Думаю, что любое занятие, которым человек увлечен, вытекает из какой-то склонности, из предрасположения. Будет ли это математика, физика или философия – неважно, это то, когда человек говорит «мне нравится это» или «я люблю это». Неслучайно в моей жизни так складывалась ситуация, что я всегда оказывался там, где была философия. Это было связано с тем, что я всегда выбирал такую ситуацию, которая меня интересовала. В юности для меня идеалом был Белинский, я даже подражал ему в сочинениях по литературе... Я думаю, что знакомство с книгами, текстами может вызвать интерес к философии. Может быть, даже знакомство с какими-то людьми и т.д. Но все равно текст ведь ложится на какое-то предпонимание.

Отвечая на твой вопрос об экзистенциальном запросе, я хочу еще сказать, как я в конце концов пришел к идее индивидуального бытия. Это проблема для меня не случайна. Наблюдая свою жизнь, наблюдая способ своего существования, способ экзистирования, я давно за собой заметил такую особенность: я не люблю повторяться. Если я веду семинарские занятия на одну и ту же тему, я абсолютно не могу задавать одни и те же вопросы в сходных ситуациях... Это не значит, что я никогда не повторяюсь, но я всегда хочу, как-то по-новому повернуть уже известное. Вот это желание что-то всегда по-новому сделать, наверное, и есть та экзистенциальная основа, которая выводит мое рассуждение на то, а что такое индивидуальное. Поэтому я думаю, что в гума-

нитарном знании это очень значимо, всегда существует пристрастие человека к каким-то ситуациям, ценностям, смыслам, и это накладывает отпечаток на его интеллектуальный интерес

С.С.: В продолжение темы опыта философствования. Вы могли бы рассказать о Вашем первом осознанном опыте философствования, и о том, как Вы впервые поняли, что Вы не просто профессионал от философии, но именно философ? Какая мысль организовала это событие понимания? И вообще существуют ли какие-то условия для возникновения в поле мысли такой интеллектуальной фигуры как Философ? Я понимаю, что вопрос очень сложный и требует много времени и подготовки к событию пониманию, но все же: что значит «быть философом» для Вас?

В.К.: Я себя не считаю Философом. Я, конечно, занимаюсь философией. Да, я профессионал в преподавании философии, в какой-то степени я профессионал и в понимании философии, в преподавании – точно, в понимании – в какой-то значительной степени. Но я бы не осмелился себя назвать философом.

С.С.: Философ – это такая фигура, которая всегда требует ответственности от человека, т.е., когда говоришь «философ» или примеряешь на себя эту фигуру философа – это всегда ответственность. А вот почему так?

В.К.: А потому, что быть Философом – это *быть* в ситуации Декарта, Платона, Хайдеггера, т.е. быть в ситуации, когда ты задаешь совершенно новое видение мира. А остальные – это ... научные работники в области философии. Другой разговор о том, что я могу сказать, что, когда я попадаю в ситуацию философствования, тогда я могу о чем-то рассуждать. В принципе, у меня есть некие представления о том, что есть человек, и как он должен жить, я могу об этом порассуждать, я могу наставить, кого-нибудь из *вьюношей* на этот путь. И в этом смысле я для него выступлю в этой позиции философствующего, но это не значит быть философом. Просто всякий человек, в конечном счете, тогда, когда он философствует, может оказаться в этой ситуации. Да.. И дед мой в свое время наставлял меня, я сейчас думаю – это был мудрый человек.. Мы спорили с ним о Боге.

С.С.: Может быть, это было Вашим первым опытом философствования?

В.К.: Может быть, если считать тему «есть Бог или нет» философской. Наверное, это было где-нибудь в пятом, в шестом классе.

С.С.: Вы являетесь организатором и научным руководителем самого заметного в Самарской области философского семинара, который собирается каждый третий вторник месяца и существует с 80-х годов, было проведено около 200 заседаний. Огромное количество новых идей, а также новых последовате-

лей Вашего научного поиска подарил нам этот семинар. Это красноречивые факты. Мне бы хотелось узнать, как изменялась проблематика семинара, на чем был основан интерес к тем или иным авторам, текстам, влияло ли время и исторический контекст нашего существования на их выбор, или интерес шел от научной проблемы, от запросов из области чистой философской спекуляции и пр.?

В.К.: Сама идея семинара вытекает из моей научной судьбы, если угодно. Я жил в семинаре Щедровицкого, это было очень значимое явление, жил в семинаре Розова, я имел отношение к семинарам Б.С. Грязного, он работал тогда в Институте истории естествознания и техники. Семинарская практика была формой существования философской мысли в советское время. Она была более значима, наверное, чем публикация. Постольку на семинарах обсуждались вопросы, которые не находили места в публикациях. Публикации были, вообще, очень редки, строго цензурированы, а семинары были свободны. Ситуация диалога – вот та ситуация, которая приучала мысль жить как мысль, т.е. она там действительно в диалоге жила. Поэтому когда я приехал сюда работать, я просто чувствовал интеллектуальный голод, мое сознание испытывало недостаток такого интеллектуального общения. В.Н. Борисов, который возглавлял здесь кафедру, несколько раз организовывал свои семинары, на которых он докладывали результаты исследования, но это были несистематические семинары. Потом, когда в 80-м году организовалась кафедра философии исторического материализма, которая потом переименовалась в кафедру философии гуманитарных факультетов, тогда я начал уже организовывать семинар на нашей кафедре. Когда я уехал на работу в Польшу, я там приобщился к совершенно к другой традиции. Когда я сюда вернулся, я решил вести семинары не только по результатам исследований, хотя несколько семинаров было по этим результатам, а семинары, которые будут связаны с анализом значимых текстов. Первым текстом был текст Мамардашвили. Это была хорошая идея, потому что понять текст можно лишь, рассказывая, разъясняя текст, тогда ты его уясняешь. Эта работа, с одной стороны, давала возможность ознакомиться с текстами, а с другой стороны, войти в круг современной философии и дать возможность интеллектуальной игры. (*Результатами семинарской работы стали замечательные книги, принадлежащее перу В.А. Коневу, среди них «Семинарские беседы по “Картезианским размышлениям” М.К. Мамардашвили» 1996 года, «Критика способности быть. (Семинары по “Бытию и времени” Мартина Хайдеггера)» 2000 года, «Знак: игра и сущность: Самарские семинары» 2002 года, – С.С.)*

С.С.: Как Вы определяете свои координаты в пространстве современной философской мысли в связи с работой Вашего семинара? Как Вы представляете себя значение и место семинара в нахождении в топосе современной философии?

В.К.: Тот круг идей, который в нашем сообществе рождается, это широко понятая философия культуры или философия значимого бытия – как я ее вижу

для себя. Если масштабно мыслить, то это онтология непарменидовского типа, которая придет на смену экзистенциальной философии, это новая методология осмысления значимого бытия и, в конечном счете, это проблема событийности бытия и проблема уникальности, онтология уникального, индивидуального начала. Близко к нашей позиции располагаются школы К.С. Пигрова, Б.В. Маркова. Это антропологическая философия Маркова и философия казуса Пигрова. Могут быть близки к нашей традиции исследования русской философии Евлампиева. В Москве это, конечно, В. Подорога и его аналитическая антропология, а также М. Рыклин, В. Махлин.

С.С.: В.А., Вы являетесь создателем и заведующим кафедры философии гуманитарных факультетов. Вы не просто замечательный организатор университетской кафедр, Вы еще и харизматичный лидер, который вырастил кандидатов и докторов наук, работающих не только в университете, но и в других самарских Вузах и даже в столице. Я хотела спросить, как Вам удастся совмещать постоянный научный поиск с руководством кафедрой, а также с внимательным и чутким отношением к молодым ученым? Есть ли у Вас какие-то принципы, какие-то секреты, которые Вы реализуете в своей деятельности, как Вы энергично и умело осуществляете синтез науки, университетской корпорации и воспитания молодых ученых. То как Вы ведете своих аспирантов и докторантов, я не могу назвать процессом формального руководства. Это ведь ситуация ученичества, глубочайшая и крепкая связь учителя и ученика, и связь чрезвычайно творческая, которую описал Платон как идеал «платонической» любви. Вы способны это реализовать. Это является свидетельством силы и энергии Вашего духа. Как Вы это совмещаете, с одной стороны, и как Вам удалось создать в Самаре среду собственного обитания, в которой Вы пребываете? Ведь по сути дела Вам удалось создать ту среду собственного научного, творческого, социального и культурного обитания, которая появилась исключительно благодаря Вашему таланту, харизме, способности заметить божью искру в других людях и помочь ей разгореться.

В.К.: Я бы ответил на это так. Первый ответ самый простой: просто я нормальный человек. А второй: у меня нет никаких технологий, я просто всегда серьезно отношусь к своему делу. И третье: если я что-то делаю, то делаю это так, как считаю нужным, вкладываю себя всего или, говоря высоким стилем, вкладываю душу. И стараюсь получить тот результат, который я считаю правильным. Если человек действует, исходя из понимания ответственного поступания, то надо сделать так, чтобы был порядок, а для этого нужно поступать порядочно. Вот эта порядочность поведения для меня является главным. Поэтому, когда я сталкиваюсь с непорядочностью, то я либо ухожу от этого, либо исключаю человека из своего общения. Для меня подбор событий и людей в круг моего общения осуществляется по принципу порядочности.

С.С.: Хочу заострить внимание на Вашей уникальной способности разглядеть талант в совершенно неоформленных умах студентов и аспирантов. Я как

Ваша ученица со всей ответственностью заявляю об этом, потому что, уже будучи преподавателем, я до сих пор не знаю, как это происходит. Чем Вы руководствуетесь, когда Вы определяете их способность к философствованию. Это интуиция или опыт?

В.К.: Я думаю, что опыт и есть интуиция. Интуиция есть результат опыта. Для меня важно, чтобы человек проявил свою собственную способность понимания. Если он это *от себя* произвел, то я пытаюсь вокруг этого события организовать ситуацию, сделать так, чтобы он понял, что это значимо. Надо культивировать в человеке момент его собственного понимания. Даже не важно правильно или неправильно он говорит, важно, что он сдвинулся, главное, что случился момент оригинальности, момент собственной мысли.

А.К.: На различных научных семинарах постоянно идет упоминание о научной школе В.А. Конева. В чем основной посыл Вашей школы? Чем отличается Ваша школа от других философских школ?

В.К.: Я не рискую говорить о том, что у нас есть школа. Школа? Это очень ответственно. Есть сообщество. И то, что я приложил усилия к тому, чтобы это сообщество было – это да. Оно организовалось вокруг кафедры, вокруг семинара. И в значительной степени влияние на организацию этого сообщества оказал семинар. Сначала я требовал, чтобы люди ходили на семинар. Потом, помню, был момент, когда не я смог провести семинар, люди сказали: «Почему нет семинара»? Значит, получилось. Это привело к тому, что сложился определенный подход к философской проблематике, появился вкус к хорошим философским текстам, к определенному уровню мышления. Есть сообщество, которое имеет неплохой уровень профессиональной подготовки и работы, знакомство с текстами, с современной проблематикой и с современным философским языком. Школа ли это? Я не могу об этом судить. Вот если человек, который в этом сообществе находится, причисляет себя к этому сообществу, вот тогда можно говорить, что здесь зарождается школа. Конечно, существуют другие школы и сообщества в Екатеринбурге, в Питере, в Москве. Я думаю, что однообразие философского климата не существует, даже в советское время Москва, Ленинград, Ростов различались.

А.К.: Очень часто Вы говорите, что в основании гражданского общества в России, которое мы никак не можем построить до конца, лежит нравственный опыт, который бы объединял людей и позволял бы построить гражданское общество в России. Что это за нравственный опыт? Поясните свою позицию.

В.К.: Для меня это очень важный вопрос. Я абсолютно солидарен с Кантом: нравственный закон является основанием существования социальности, без нравственного императива общество невозможно. В этом отношении наше современное российское общество переживает если не конец свой, то очень

существенный кризис. Разрушение наблюдается в элементарных проявлениях. Молодые могут громко, сидя в общественном транспорте, нецензурно выражаться. Для них не существует такта. Такого рода поведение говорит о том, что в обществе нет основания для его совместного существования. И это не ситуация перехода. Это выражается уже на уровне высоком, когда говорят уже о том, можно ли употреблять нецензурные слова на телевидении, когда Жириновский говорит: «Где список тех слов, которые нельзя произносить?!» Это же элементарные вещи. Я думаю, что падение нравственности связано еще и с тем, что люди перестали чувствовать ответственность за свое дело. Чувство долга у людей исчезло. Показателем этого является то, что в современной России нет человека, который олицетворял бы нравственный авторитет, каким был, например, академик Сахаров. Для российского общества справедливость всегда была выше закона. Поэтому гражданское общество в нашей стране не на законе и правовом сознании должно «держаться», хотя и это необходимо, а на нравственных авторитетах и тех нравственных ценностях, которые они олицетворяют. Этого и нужно добиваться. А нравственный климат – это дело образования, шире, культуры. Поэтому гражданское общество в России основу свою должно иметь, прежде всего, в деятельности системы образования, а уж, потом в деятельности различных общественных институций. Поэтому наша с вами работа – это работа на наше гражданское общество.

Беседа с профессором В.А. Коневым была проведена С.В. Соловьевой и А.С. Костомаровым при поддержке и творческом участии первого проректора профессора, доктора исторических наук П.С. Кабытова.

ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ

С.А. Фролова*

ПАНСИОН ДЛЯ БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ МЕЛЬЦЕР В САРАТОВЕ (1810-1811)¹

История этого, так и не появившегося, учебного заведения показательна. Она дает возможность представить один из путей, которым шли домашние учителя – иностранцы, основывая свои учебные заведения в России.

26 августа 1810 г. Алексей Кириллович Разумовский получил от Осипа Петровича Козодавлева письмо, а точнее, отношение. Оба они были недавно назначены министрами: первый в апреле 1810 г. министром народного просвещения, второй – в марте того же года – министром внутренних дел. Дело, по которому Козодавлев обращался к Разумовскому, было для него самым привычным. В прошлом он сам неоднократно решал подобные вопросы, когда был советником при директоре Академии наук, членом Российской академии (1783), директором петербургских народных училищ (1786-1786), членом Комиссии об учреждении народных училищ (1784-1797)².

Козодавлев писал:

«Милостивый государь, граф Алексей Кириллович!

В бытность мою в 1808 году в Саратове, имел я случай узнать одного иностранца Мельцера, живущего там со своею женою. Г[оспо]жа Мельцер из собственного желания своего положив начало учреждению там пансиона для благородных девиц, располагает ныне доставить оному прочное основание. В сем намерении она, доставив ко мне назначение предметов, кои должны будут преподаваться в сем пансионе, *испрашивает пособия моего в утверждении оногo законным образом* (выд. мною – Ф.С.).

Известен будучи о хороших качествах г[оспо]жи Мельцер, я долгом поставляю препроводить при сем к Вашему Сиятельству присланное ею ко мне положение относительно заводимого в Саратове пансиона и покорнейше просить вас, Милостивый государь, о благосклонном внимании и покровительстве Вашем к толь полезному намерению.

С совершенным почтением и преданностью честь имею быть

* © Фролова С.А. – доцент Института государственной службы при Президенте Республики Татарстан

Вашего Сиятельства
Покорнейшим слугою
Осип Козодавлев»³

Представляемый ниже документ, хотя и не имеет названия, но является тем самым положением, которое представила Мельцер Козодавлеву.

«Госпожа Мельцер, упражнявшаяся много лет с успехом в воспитании и учении детей и имевшая счастье быть во многих знаменитых домах наставницею юношества, желает с большою обширностью круга действия своего, посвятить себя по сей части на пользу общую. Движимая сим общепользным намерением и пользуясь доверенностью дворянства, сделала она начало учреждению в Саратове пансиона для благородных девиц. Но чтоб дать сему заведению незыблемое основание, почла она нужным начертать оному план, коим в учении руководствоваться будут, и постановить твердые правила как для самого пансиона, так и для тех кои будут вверять ей своих детей, от коих с обеих сторон ни под каким предлогом не должно быть отступаемо.

1. Цель сего пансиона будет состоять в том, чтобы вперять воспитанницам истинное почитание и любовь к добродетели и нравственности и снабдить их всеми познаниями, которые в нынешнем просвещенном веке женщине, желающей быть принятой в круге благовоспитанных и образованных людей необходимы.

Сообразуясь с сею целью, первый и главнейший предмет учения есть Закон Божий по догматам православной греко-российской церкви.

1. Нравоучение, основанное на истинах веры и учении Христовом.

Примечание: преподавание сих двух предметов будет поручено достойной духовной особе.

2. Языки, отечественный французский и немецкий по правилам первейших грамматиков.

Здесь с особенным рачением обратят внимание на:

a) Лекситехнию или искусство читать плавно и приятным образом.

b) Каллиграфию или искусство чисто писать, сообразуясь с новейшим почерком.

c) Слог или искусство выражать мысли легким и приятным образом, по примерам лучших и новейших лекторов

d) Искусство хорошо переводить с одного языка на другой.

3. Арифметика.

4. Всемирная история и География как древняя, так и нынешних времен, а в особенности отечественная.

5. Мифология в связи с историей.

6. История естественная.

7. Начальные основания физики.

8. Рисование.

9. Вышивание.

10. Музыка практическая на фортепиано.

11. Танцевание.

Примечание: само по себе разумеется, что учение различных сих предметов не вдруг начато быть может, но смотря по взаимной их между собой связи и по успехам и способности учениц. Танцование начнется, когда положенное число девиц набрано будет, и когда прибудет в Саратов танцмейстер.

II. Число девиц, которые будут обучаться в сем пансионе, ограничится двадцатью четырьмя.

III. Из них двенадцать могут быть приняты в полный пансион, прочие соответственно желанию родителей могут иметь в пансионе стол или к обеду ездить домой.

IV. Дети моложе шести и старше четырнадцати лет в пансион не приемлются.

V. Учение продолжается с 1 Марта по 1 число ноября с семи, а в прочее время года с 8 часов утра по седьмой час вечера. Из сего исключаются два часа, то есть второй и третий на обед и отдохновение.

VI. Ежегодно пред наступлением каникул будет публичное испытание, чтоб явить родителям опыты успехов их дочерей.

VII. Детям, особенно отличившимся, дабы возбудить в них большее рвение и охоту к учению, будут раздаваемы от содержательницы пансиона соответственные их летам и степени образования награждения.

VIII. Как добронравие есть главнейший предмет хорошего воспитания, то оно особенно щедро награждаемо будет.

IX. Дети должны быть снабжаемы от родителей всеми нужными книгами и прочими для учения необходимыми потребностями.

X. Имеющие стол в пансионе должны быть снабжены полным столовым прибором.

XI. Салфетки, так же и белье принятых в полный пансион, должны иметь именную их заметку.

XII. Есть ли кто из воспитанниц живущих в пансионе сделается больною, то будут об ней иметь на счет родителей всевозможное попечение и ничего не будет упущено к скорейшему ее излечению.

Сие, однако, о тех только, разумеется, коих родители живут в отдаленности; живущие же в Саратове будут в обязанности взять дитя свое для пользования к себе.

XIII. Родители, коих дети не будут жить в пансионе, благоволят наблюдать, чтоб они в назначенное время (статья V) в оный приезжали, равным образом, чтоб и во время за ними присылаемо было.

XIV. Чтоб дети их были всегда опрятно и чисто одеты.

XV. За полный пансион платится 500 рублей; за тех, кои будут иметь стол в пансионе 450; а за пользующихся одним учением 400 рублей.

XVI. Деньги за каждые полгода должны быть вносимы вперед.

XVII. Ежели до истечения шести месячного срока родители пожелают взять дитя свое из пансиона, то деньги, заплаченные вперед останутся в оном для исполнения обязательств с содействующими в сем заведении особами.

Нарушение хотя [бы] одного из сих правил будет нарушением взаимных обязательств содержательницы пансиона с родителями вверенных ей детей».⁴

Таким образом, иностранка Мельцер в течение многих лет работала домашней учительницей (гувернанткой) в семьях высокопоставленных чиновников или представителей знатного дворянства («знаменитых домах»). Оказавшись в Саратове, она решила вместе со своим супругом открыть женский пансион. Этому начинанию способствовало полное отсутствие в городе учебных заведений для девочек.

В представленной программе ясно указана цель образования дворянки: воспитание добродетели, основанной на религиозном благочестии. Цель обучения: овладение знаниями, необходимыми для того, чтобы быть принятой в образованном обществе. Поэтому программа пансиона включала, кроме религиозных предметов, иностранные языки, арифметику, всемирную и отечественную историю и географию, музыку, танцы и т.д.

Объяснение необходимости некоторых учебных предметов есть в сочинении одной француженки, переведенном на русский язык в 1778 г.⁵ Девушка должна получить понятие о мифологии, «дабы она прямо разуместь могла стихотворения и божества язычников и не почла бы их за истинные». Физику рекомендовалось изучать как «убежище от скуки в деревне для женщины и для пользы в земледелии, которое теперь столь в почтении»⁶.

Воспитание матери и хозяйски не обозначено как цель пансиона, хотя воспитанниц планировалось обучать женским рукоделиям. Мельцер оговаривает возраст своих учениц – от 6 до 14 лет. Они делились на три категории: полные пансионерки, полупансионерки и приходящие ученицы. Причем, это различие почти не отражалось на плате за пансион, которая была высокой. Например, в 1811 г. в Казани в пансионе для детей обоего пола М.Потот плата составляла 300, 200 и 100 руб. соответственно⁷. Мельцер же планировала – 500, 450 и 400 руб. Вероятно, высокая плата за обучение и содержание была одной из причин, по которой Мельцер не смогла набрать для пансиона 24 учениц, тем более что она хотела половину из них содержать на полном пансионе, т.е. получить за год 6.000 руб.

Остальная часть представленной программы пансиона, посвященная распорядку дня, вопросам оплаты, снабжения девочек необходимыми учебными и бытовыми предметами, не содержит в себе ничего необычного.

31 августа 1810 г. из департамента министра народного просвещения был сделан запрос в канцелярию попечителя Казанского учебного округа: «дано ли госпоже Мельцер дозволение на заведение в Саратове пансиона для благородных девиц, открыт ли уже оный и с которого времени»⁸. Но ответа не последовало.

В начале весны следующего года Козодавлев снова обратился к Разумовскому: «Убеждаясь вновь дошедшею ныне ко мне о сем (пансионе – Ф.С.) партикулярно просьбою г[оспо]жи Мельцер, я вторично прошу покорнейше Вас, Милостивый государь, принять в благосклонное внимание и покровительство толь полезное намерение ее и доставить законное утверждение положению для сего пансиона ею начертанному»⁹.

Министр народного просвещения в этом случае решил лично обратиться к попечителю Казанского учебного округа С.Я. Румовскому и выяснить положение дел с пансионом Мельцер¹⁰.

14 марта было получено донесение от попечителя. Он сообщал, что «по делам у меня никакого не находится сведения, положила ли г[оспо]жа Мельцер какое основание заводимому ею в Саратове пансиону, и на открытие оно от меня не было испрашивается дозволения, а по сему канцелярия моя тогда же от 5го сентября сообщила Саратовскому директору училищ о доставлении по сему предмету нужного сведения, в ожидании оно и не могла по сие время ничего донести департаменту Вашего Сиятельства о сем пансионе положительно»¹¹.

Таким образом, виновником промедления в деле Мельцер стал директор саратовских училищ. Министр предписал сделать ему «за таковую медленность строжайший выговор, с предостережением, что впредь подобное упущение должности начальством не будет терпимо, и он подвергнет себя неминуемо взыскания»¹².

Румовский в донесении от 27 апреля сообщал министру причину, упущения со стороны директора: якобы «по неизвестному случаю не дошло до его рук требование сего сведения». Между тем, директор запросил Мельцер. В своем ответе она сообщила: «хотя план у нее для заведения пансиона заготовлен, но она соображаться ему не может, по той причине, что не имеет еще учителей, да и нет в виду столько учениц, чтоб достаточно оный содержать было можно, и она теперь учит только несколько девиц частным образом, *без всякой от директора зависимости* (выд. мною – Ф.С), просить же намерена на сие позволения и представить план уже тогда, как будет иметь в виду довольное число воспитанниц и учителей для всех наук, в плане ею предназначаемых».¹³

Таким образом, ответ Мельцер объясняет, почему она обратилась с прошением об открытии пансиона не к директору саратовских училищ, а к министру. Она считала себя независимой от директора, даже когда занималась частной практикой. Не исключено, что и свидетельства на право обучать детей она не имела. Может быть Мельцер, как и иностранка Кастю в Пензе считала, что «порядку, предписанному в «Уставе» народных училищ обязаны следовать одни мужчины, а не женщины; а потому она почитает себя в праве не зависеть от гимназии, и не давать ей никакого отчета»¹⁴.

Кроме того, для открытия пансиона ей необходимо было такое количество учениц, плата за которых позволила бы нанять помещение и учителей. Но, как уже было сказано выше, из-за высокой стоимости обучения, она не смогла этого сделать.

В своем ответе Козодавлеву Разумовский просил его дать знать Мельцер, «что по Высочайше утвержденному «Уставу учебных заведений», из которого выписку при сем прилагаю, следует ей начертанное ею для пансиона положение представить Саратовскому губернскому директору училищ для препровождения оно к попечителю, от которого зависит позволение на открытие частных учебных заведений»¹⁵.

Свой пансион Мельцер в Саратове так и не открыла.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование подготовлено при финансовой поддержке программы Европейского университета в С.Петербурге «Развитие социальных исследований образования в России», грант №02П-033.

² Русский биографический словарь. Сетевая версия (<http://www.rulex.ru/01110087.htm>)

³ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 39. – Д. 99. – Л. 1-1об.

⁴ Там же. – Л. 2-5об.

⁵ Опыт о воспитании благородных / Пер.с фр. М.Семичевский. – Спб., 1778.

⁶ Цит.по: Лихачева, Е. Материалы для истории женского образования в России (1086-1856): В 3х ч. / Е. Лихачева. – Спб., 1899. – Ч. 1. – С. 249.

⁷ НА РТ. – Ф. 160. – Оп. 1. – Д. 4. – ЛЛ. 149об-150; 119об-120.

⁸ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 39. – Д. 99. – Л.

⁹ Там же. – Л. 7.

¹⁰ Там же. – Л. 8.

¹¹ Там же. – Л. 10.

¹² Там же. – Л. 12.

¹³ Там же. – Л. 13.

¹⁴ НА РТ. – Ф. 92. – Оп. 1. – Д. 56. – Л. 3.

¹⁵ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 39. – Д. 99. – Л. 11об.

М.И. Леонов*

ГЕОГРАФИЯ ЭСЕРОВСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВВ. (Европейская Россия: Великороссия, Запад)

90-х гг. XIX в. Саратове, который издавна притягивал народников, собралась большая колония ссыльных революционеров: А.А. и М.Е.Аргуновы, С.И.Барыков В.И.Евреинов, А.С.Мартынов, В.Н.Переверзев, А.А.Чепик, Н.М.Чернова, склонившихся к мнению, что народовольчество, «как революционное течение, определено умирало»¹. В 1894 г. они стали называть себя «Группой», а в следующем году – «социалистами – революционерами». Регулярно посещали Петербург, видя в нем центр всероссийской организации. Часто бывали в Воронеже, Москве, Киеве, Тамбове.

В начале 1896 г. А.А.Аргунов написал «Основные положения программы Союза социалистов-революционеров». Их обсудили, одобрили, отпечатали на гектографе. После этого группа приняла наименование «Союз социалистов-революционеров»². «Основные положения программы», особенно декларация террористических намерений, были встречены холодно. По мнению Киевской группы, террор «вообще неуместен в программе» – защита его могла дать повод говорить об эсерах как о террористах, «толкующих о массовой борьбе, о работе в массах и пр.» Вызвала возражения аграрная программа, характеристика капитализма³.

В конце 1896 г. многие члены «Союза» переехали в Москву⁴. Оставшиеся эсеры, возглавляемые Л.П.Булановым и супругами Ракитниковыми, агитировали рабочих заводов Гнатке и Парусинова, железнодорожников, учащихся, крестьян⁵. В 1901 г. на фабриках и заводах были распространены прокламации эсеров, призывавшие праздновать пролетарский праздник. На массовку пришло около 50 рабочих⁶. Ракитниковы «тянули» в сторону марксизма, посылали корреспонденции в «Искру», а в 1901 г. совместно с А.И.Рыковым основали Саратовскую «Группу социал-демократов и социалистов-революционеров»⁷. В 1902 г. «Группа» организовала демонстрацию.

Крупным центром агитации крестьян был оформившийся в начале 1899 г. кружок в Мариинском земледельческом училище⁸. К концу 1902 г. в его составе насчитывалось 66 человек⁹. Четыре человека гектографировали нелегальные издания¹⁰. С 14 июня по 14 июля 1904 г. в нелегальную библиотеку кружка поступило 1118 экз. нелегальных изданий. Прокламации распространяли в деревнях Саратовской губ, Московской, Нижегородской, Пермской, Петербургской, Самарской, Уфимской¹¹. На первых порах листки и брошюры разбрасывали по деревням, подкидывали в сани. Затем стали передавать знакомым крестьянам. Губернское жандармское управление даже зафиксировало случаи продажи брошюр на базарах¹². Вели и устную агитацию, создавали крестьянские организа-

* © Леонов М.И. – профессор кафедры российской истории Самарского государственного университета

ции, члены которых устраивали собрания, читали и распространяли брошюры, собирали деньги на их издание, «являлись застрельщиками активных выступлений, агитировали за неплатеж податей»¹³.

В первый год существования партии Саратовскую организацию считали Центральным комитетом¹⁴. В.С. и М.С.Арефьевы, К.Р.Кочаровский, Г.К.Ульянов, И.И. и Н.И.Ракитниковы, Г.А.Гершуни и П.П.Крафт в июне 1902 г. основали «Крестьянский Союз партии социалистов-революционеров» (далее – КСПСР)¹⁵. Одновременно из народных учителей и крестьян образовали Саратовский «Комитет КСПСР»¹⁶. Тогда же оформили «Рабочий Союз» комитета партии. И.И.Ракитникова, А.И.Альтовский призывали рабочих «непосредственно влиять на крестьян», настроение которых «благоприятно для революционной пропаганды»¹⁷. 1 ноября 1902 г. многие члены Саратовского ЦК и Саратовского комитета были арестованы. Остальные выехали в другие города.

Эсеры в считанные недели восстановили организацию, приобрели типографию. Значительно увеличили выпуск прокламаций, издавали «Голос труда» (1902 г.), «Крестьянскую газету» (1903 г., №1), «Листок Саратовского комитета партии социалистов-революционеров» (1903 г. №1-4; 1904 г. №5), создавали организации молодежи и учащихся¹⁸. По данным ГЖУ, «Военная организация», которой руководила П.И.Тулупова, состояла из шести человек¹⁹.

Активно агитировал «Рабочий Союз», видными деятелями которого были члены Саратовского комитета эсеров рабочие гвоздильного завода Гнатке Л.П.Кожевников, В.Лапшев, Е.Иванов, Н.Кузякин. Возглавляли «Рабочий Союз» бывшая народница Е.И.Аверкиева, Чугунова, супруги Ивановы, П.И.Тулупова²⁰. В январе 1904 г. в шести рабочих кружках г. Саратова насчитывалось 52 человек, внесших за месяц 31 руб. 25 коп. членских взносов, в слободе Покровской в двух кружках было 57 членов, внесших 44 руб. 25 коп. взносов. Члены одного из руководимых рабочим заводом Парусинова М.А.Яранцевым кружков, разбившись по двое, агитировали крестьян²¹.

«Комитет КСПСР», возглавляемый будущими депутатами I Государственной Думы С.А.Аникиным и Г.К.Ульяновым, печатал в собственной типографии прокламации²². Агитировали деревню рабочие, крестьяне и более всего – народные учителя. В конце января – начале февраля 1904 г. полиция произвела массовые обыски в 20 селах Саратовского у. и арестовала более 30 учителей, учительниц и крестьян²³. В «Революционной России» регулярно публиковались корреспонденции о том, что сами крестьяне распространяли и даже перепечатывали на гектографе нелегальные брошюры, о том, что «книжки и листки поглощаются с невероятной жадностью»²⁴.

В конце 1903 г. Саратовский комитет поручил А.Ю.Мамонтову и П.И.Тулуповой организовать кружок эсеров на станции Ртищево. С тех пор три-четыре раза в неделю на квартире Момберга проходили занятия под руководством лектора-интеллигента²⁵. Члены кружка создавали крестьянские организации в уезде²⁶. Непартийная группа г. Камышина Саратовской губ. с 1903 г. пропагандировала среди железнодорожников и крестьян окрестных деревень²⁷.

В Астрахани эсеры появились в конце 90-х гг. XIX в. Непартийная «Группа» объявила о себе 18 мая 1903 г., партийная – в июне 1904 г.²⁸ До сентября 1903 г. астраханские эсеры распространяли, как в городе, так и в уездах, издания других организаций; затем – собственные (тиражом от 105 до 330 экз.), обращенные к булочникам, бондарям, учащейся молодежи, новобранцам, астраханским армянам. Денежные поступления группы с 18 мая 1903 г. по 1 января 1904 г. составили 545 руб. 5 коп. Группа была в числе немногих, члены которых регулярно платили членские взносы (с 18 мая 1903 г. по 1 января 1904 г. 126 руб. 45 коп.)²⁹.

В Самаре эсеровский кружок, преимущественно из учащихся земледельческого училища, во главе с М.А.Веденяпиным появился в конце 90-х гг. XIX в. Его члены систематически агитировали крестьян³⁰. Партийная группа была создана в начале 1902 г., комитет – в январе 1904 г.³¹ «Пропагандистская группа» распространяла прокламации, организовывала кружки рабочих и учащихся. Кружок с. Царевщина Самарского у., основанный народными учителями А.Г. и В.Г. Петровыми, агитировал «в округе верст на 100»³². В 1902 г. стали возникать крестьянские организации в других селах и деревнях губернии. «СНУ» и «Группа КСПСР» приступили к агитации крестьян в 1903 г. «Рабочий Союз» и «Комитет КСПСР» были образованы во второй половине 1904 г.³³. Начиная с 1904 г., эсеры Самары активно пропагандировали воинские части³⁴.

В Симбирске и Сызрани непартийные организации проявили себя спорадическим распространением прокламаций конце 1904 г.³⁵ В Сызрани на святках была сходка примерно 40 рабочих и интеллигентов³⁶.

В Казани эсеровские организации появились в конце 90-х гг. XIX в.³⁷ В 1902 г. действовал «Объединенный комитет с.-д. и с.-р.»³⁸. В 1903 г. студенты Казанского университета Г.А.Гиршфельд и А.С.Поляков образовали малочисленную партийную группу³⁹. Приобрели небольшую ручную типографию. Распространяли прокламации от имени «казанских эсеров» и «ассоциации казанских эсеров». Гиршфельд, Е.Фортунатов и рабочий Т.Абросимов с конца февраля 1904 г. создавали кружки на заводе братьев Крестовниковых. 11, 18, 25 апреля, 6, 9, 17 мая 1904 г. собирали сходки близь города⁴⁰. Предприняли они и попытки агитации армии. При посредстве писаря управления бригады А.А.Абросимова организовали группу солдат, все члены которой были арестованы 18 мая 1904 г.⁴¹. Воздействие на крестьян не шло дальше разброски прокламаций и брошюр и установления одиночных связей в окрестностях губернского города.

Объединенная организация социал-демократов и эсеров Оренбурга проявила себя выпуском двух прокламаций в 20-х числах декабря 1904 г.⁴²

В Пензе кружок эсеров сложился в 1898 г., партийная группа конституировалась в феврале 1902 г., комитет – в феврале 1903 г.⁴³ Имелись кружки рабочих и крестьян, учащихся. В 1903 г. комитет партии выделил «Комитет КСПСР» и «Союз рабочих и крестьян»⁴⁴. Издавали тиражом 750 экз. «Летучие Листки» (1903, №1-6) Пензенская группа с февраля 1902 г. относительно систематически распространяла брошюры и прокламации в Инсарском, Мокшанском и Пензенском уез-

дах. Ее лидеры, А.Д.Добросмыслов и М.А.Чернов, часто выезжая в села и деревни, обращали в свою веру народных учителей и отдельных крестьян⁴⁵. Волнения в Харьковской и Полтавской губ. стали «поворотным моментом»: «появился особенный спрос на нелегальную литературу». С февраля 1902 г. по январь 1903 г. эсеры распространили около 13 тыс. экз. брошюр и прокламаций, в том числе более 8 тыс. экз., изданных группой. В январе 1903 г. вышел №1 «Крестьянской газеты». В 1903-1904 гг. Пензенский комитет тратил более 65% денежных средств на издание и распространение литературы для крестьян⁴⁶.

Корреспонденты сообщали: «Явилось значительное количество крестьян-пропагандистов, которые по своей энергии, по серьезному отношению к делу, по конспиративности несколько не уступали городским рабочим»; крестьяне, даже самых отдаленных деревень, обращались за литературой; одна из крестьянских организаций Инсарского уезда собрала 8 руб. для оплаты издания написанной ими прокламации к первому дню Пасхи⁴⁷. Местная администрация и Комитет партии в 1902-1904 гг. рост крестьянских выступлений связывали с устной и печатной агитацией эсеров⁴⁸. В ретроспективной оценке Пензенского губернского комитета, до 1905 г. «работа велась наугад»⁴⁹.

Организация эсеров Нижнего Новгорода вела свое начало с 1895-1896 гг. Партийную группу в 1902 г. образовал народоволец А.В.Панов. Печатали листовки и газету «Земля и Воля»⁵⁰. Весной 1904 г. группу преобразовали в комитет, а в октябре 1904 г. – в губернский комитет. Комитет возглавляли народовольцы Н.И.Долгополов, А.Ю.Фейт, С.А.Борейшо, В.Е.Лазарев⁵¹. В Нижнем Новгороде в 1903 г. в трех кружках насчитывали около 30 рабочих, в начале 1904 г. – 50 – 70; в с. Сормово Балахнинского уезда Нижегородской губ. в 1903 г. – 50-80 «организованных рабочих»⁵². «Рабочую организацию» комитет выдел в конце 1903 г., «Группу КСПСР» – осенью 1904 г.⁵³ В 1902 г. эсеры сравнительно систематически агитировали крестьян Семеновского у.⁵⁴ В 1903 г. они начали агитацию крестьян других уездов губернии и образовали первые крестьянские организации⁵⁵. Малочисленная партийная группа г. Васильсурска Нижегородской губ. («кружок», по терминологии ЦК), образованная в 1903 г., почти ничем себя не проявляла⁵⁶.

Непартийные организации г. Владимира (1902 г.) и г. Иваново-Вознесенска (1904 г.) от случая к случаю распространяли нелегальные издания⁵⁷. Недолго просуществовал кружок из шести рабочих-эсеров, организованный 3 июня 1903 г. в с. Орехово-Зуево Московской губ. студентом Рождественским⁵⁸. Непартийная группа г. Костромы с первой половины 1903 г. иногда распространяла прокламации⁵⁹. В Калуге сын богатейшего московского купца С.Д.Высоцкий и Н.П.Ермолова в 1903 г. создали непартийную группу. Во второй половине 1904 г. ее признали партийной. Она выпустила четыре прокламации, каждая тиражом 70 экз.⁶⁰ Основным объектом воздействия группы были учащиеся. В 1903 г. появился «Комитет СНУ ПСР». В начале 1904 г. эсеры насчитывали в своих рядах 30 членов⁶¹.

В г. Орле непартийная организация заявила о себе в 1900 г. В марте 1903 г. эсеры организовали партийную группу, которая «вела не планомерную чисто

случайную работу», и совместно с комитетом «СНУ» создала несколько крестьянских кружков⁶². Малочисленная партийная группа г. Ельца, объявившая о себе в 1903 г., активности не проявляла⁶³.

С конца 90-х гг. XIX в пропагандировали рабочих эсеры г. Брянска Орловской губ. В начале 1903 г. организацию объявили партийной группой, в июне 1903 г. – комитетом. На ст. Бежица Брянского у. партийная группа, созданная в 1903 г., насчитывала десятков рабочих⁶⁴. «Меньшевистская часть Бежицкой организации социал-демократов почти полностью перешла к эсерам», – отмечал советский исследователь⁶⁵. Большевистский «Пролетарий» признавал, что с конца 90-х гг. XIX в. эсеры «захватили в свои руки руководство движением»⁶⁶. Брянский комитет в 1903-1904 гг. возглавлял стачки на заводе Арсенал⁶⁷. Пропаганда крестьян эсерами Орловской губ. в 1902-1903 гг. «носила чисто случайный характер», хотя они и сумели образовать несколько кружков крестьян. С конца 1903 г. проявлял активность «СНУ»⁶⁸.

В Рязани эсеры заявили о себе в 1899 г., в 1902 г. они назвали себя «Группой» (непартийной). В их рядах было 12 гимназистов. Издавали прокламации, газету «Рязанский рабочий» (№1-3), организовывали кружки рабочих и крестьян⁶⁹. В Твери в 1902-1904 гг. одиночки-эсеры распространяли нелегальную литературу в городе и «в одном-двух уездах». Партийная группа оформилась в 1903 г., комитет – в июле 1904 г. Тогда же были созданы кружки учащихся и рабочих⁷⁰. В 1904 г. эсеры, намереваясь вести систематическую агитацию, используя рабочих, установили связи с крестьянами нескольких деревень южной части Тверского у., создали 5-6 библиотек. Порой устраивали кружковые занятия с 15-20 крестьянами. Сил у группы было мало и «работа в деревне велась только партизански»⁷¹.

В Туле непартийная группа объявила о себе в 1902 г., партийная – во второй половине 1902 г. Одновременно возник связанный с ней кружок эсеров в г. Богородске Московской губ. Состояли они почти исключительно из учащихся средних учебных заведений. Распространили более 2 тыс. экз. прокламаций и брошюр, организовали кружки рабочих. «Группа КСПСР» к ноябрю 1902 г. образовала 15 кружков, и установила связи с крестьянами примерно 20 деревень⁷². В кружках обсуждали экономическое, правовое и политическое положение крестьян. Если занятия шли удачно – переходили к обсуждению программы⁷³. После ареста в декабре 1902 г. трех «наиболее энергичных и развитых членов» Тульский кружок прекратил существование, а Богородицкий – лишился связей с крупными центрами⁷⁴.

В июне 1903 г. в Тулу прибыли три эсерки, которые воссоздали группу и преобразовали ее в комитет⁷⁵. «Работа шла успешно». В организации «СНУ ПСР» в 1903 г. числилось 30 членов, возникли группы в уездных городах⁷⁶. Появились пропагандисты-крестьяне, которыми эсеры очень дорожили, «так как они лучше умели подойти к делу». В г. Богородске и уезде 1 мая 1904 г. полиция арестовал 30 человек, в том числе 21 крестьянина⁷⁷. На первых порах «СНУ», и «Группа КСПСР» жаловались «на полный недостаток нелегальной литерату-

ры»⁷⁸. Позднее они обзавелись типографией. В 1904 г. эсеры агитировали в Тульском, Елецком, Богородицком уездах, «широко распространяя литературу». Однако после ареста четырех активистов в ноябре 1904 г. Тульская организация долго не подавала признаков жизни⁷⁹.

Непартийная малочисленная группа Ярославля с 1903 г. пропагандировала учащихся средних учебных заведений и Демидовского лицея, основав несколько кружков⁸⁰. В 1904 г. она была преобразована в партийную, но по-прежнему оставалась малоинициативной. Е.К.Брешко-Брешковская в апреле 1904 г. поверяла своему юному confidentу, уроженцу Ярославской губ.: «Там ведь совершенно дикое крестьянство, просто позор»⁸¹. Более активным был появившийся в Рязани в 1903 г. «СНУ ПСР», который пропагандировал народных учителей и организовывал «братства» крестьян⁸².

Тамбовская организация, основанная в 1895 г. В.М. Черновым, до образования партии не называлась эсеровской. Она создавала кружки учащихся, рабочих и ремесленников, а в 1898 г. – первое крестьянское «братство для защиты народных прав». Партийную группу организовали в 1902 г., комитет – в июне-июле 1903 г. В 1902 г. выделили «Группу КСПСР», которая создавала «братства», распространяла журнал «Крестьянское дело», брошюры и прокламации⁸³. На 10-й ежегодной тамбовской ярмарке в 1902 г. раздали, подбросили в телеги около 200 прокламаций. Корреспондент «Революционной России» восторгался «громким спросом» и сожалел, что брошюр и листовок катастрофически не хватает⁸⁴. Печатали прокламации в 1902-1903 гг. «братство» с. Рассказово Тамбовского у. В 1904 г. эсеровские издания «систематически и в больших количествах» появлялись в селах и деревнях Борисоглебского, Кирсановского Козловского и Кирсановского уездов⁸⁵. В корреспонденции из Тамбова отмечалось: «В декабре 1904 г. организовали две вечеринки, на которых участвовало примерно 150 учащихся и рабочих»⁸⁶.

В г. Козлове Тамбовской губернии появление непартийной группы в 1903 г. инициировал сосланный под гласный надзор М.Авдеев. Он создал группу агитаторов из 18 крестьян и нескольких сельских учителей, которые распространяли литературу в уезде, основывали «братства», в том числе в с. Кочетовка и д. Александровка. В январе 1903 г. в Козлове состоялся съезд крестьян⁸⁷. Непартийная группа г. Борисоглебска Тамбовской губернии с 1903 г. время от времени издавала прокламации⁸⁸.

В Воронеже несколько бывших народовольцев и солидарных с ними молодых людей в конце 1895 г. объявили о создании группы эсеров⁸⁹. В 1895-1896 гг. в железнодорожных мастерских был создан кружок из 33-х человек. Весной 1897 г. в кружках эсеров числилось около 50 рабочих⁹⁰. Воронежский комитет, один из первых в партии, существовал с начала 1902 г.⁹¹. Прокламации он выпускал редко, кружков рабочих организовал немного. Первое время Воронежский комитет распространял литературу по деревням отчасти с помощью рассылки по имеющимся адресам, отчасти при посредстве «немногочисленных связей»⁹². От случая к случаю, «крайне осторожно», устно агитировали одиночки. Крестьяне

их не выдавали, а при дознании, в большинстве случаев, либо молчали, либо давали показания в их пользу⁹³. «Разъездные агитаторы» были направлены в уезды только в 1904 г. Издательские возможности комитета были незначительны, спрос на издания рос «быстрее, чем возможности удовлетворить их»⁹⁴.

Организация эсеров Курска вела начало с 1898 г., партийная группа – с 1902 г., комитет – с августа 1904 г. Курская группа пропагандировала учащихся, рабочих, организовала «Группу курских рабочих-эсеров», в 1904 г. – «Боевую дружину»⁹⁵. В 1902 г. эсеры агитировали в одном уезде⁹⁶. С.Т.Морозов в 1903-1904 гг. щедро финансировал «СНУ». В кассе Курского комитета «Союза» постоянно находилось не менее 15 тыс. руб.⁹⁷ Созданный в конце 1904 г. «Комитет КСПСР» с появлением в нем «аграрных террористов» резко активизировался: организовывал «крестьянские братства», «боевые дружины», издавал и распространял в большом количестве прокламации⁹⁸.

Непартийная группа г. Ростова-на-Дону шумно заявив о себе в ноябре 1902 г., как якобы одним из организаторов стачки, очень редко издавала прокламации⁹⁹.

Партийная группа в Смоленске была организована А.А.Биценко, командированной осенью 1902 г. из Тамбова. Весной 1903 г. А.А. и М.С.Биценко, сестры Костюшко, Г.А.Ривкин, М.И.Швейцер «учредили комитет». Ривкин редактировал печатавшийся на гектографе журнал «Буревестник».¹⁰⁰ Энергичные члены комитета поставили типографию, образовали «1-2 кружка в 20-25 человек» в городе, а также несколько деревенских кружков. С апреля 1903 г. регулярные массовки собирали 50-60 и более человек.¹⁰¹ С апреля по октябрь 1903 г. комитет выпустил девять листов тиражом от 100 до 1000 экз. Два из них были обращены к рабочим, по одному – к солдатам, крестьянам, учащимся, остальные ко всем слоям населения.¹⁰² Распространял комитет и прокламации социал-демократов¹⁰³. Из крестьян окрестных деревень, работающих на катушечной фабрике, образовали группу, которая вместе с рабочими-горожанами той же фабрики создавала кружки в деревнях. В июне 1903 г. в комитет ввели нескольких учащихся. Поле деятельности в Смоленске «тихом городке с очень небольшим количеством рабочих», было явно недостаточно для пассионарных основателей комитета. «Деревня не реагировала» на их усилия, и они разъехались. Вскоре Швейцер уехал за границу, Биценко – в Москву, потом в Петербург, осенью 1903 г. в Москву уехал и Ривкин¹⁰⁴.

Молодежь рук не опустила. Вела агитацию в кружках рабочих и учащихся. За 1904 г. комитет распространил нелегальные брошюры, книги, газеты 72 наименований. А в ноябре и декабре 1904 г. совместно с Витебской группой выпустил два номера «Смоленского рабочего листка», каждый тиражом в 700 экз.¹⁰⁵ Крестьян агитировали преимущественно рабочие. В конце 1904 г. создали «Комитет КСПСР», склонявшийся к «аграрному террору»¹⁰⁶. Созданные в 1903 г. непартийные группы в городах Вязьма, Ельня, Рославль активностью не отличались, ограничиваясь, в основном, распространением прокламаций¹⁰⁷.

Непартийная группа г. Архангельска заявила о себе в начале 1904 г., партийная – летом 1904 г. Эсеры издавали прокламации, агитировали рабочих¹⁰⁸. Непартийная Вологодская группа, образованная во второй половине 1904 г., до 1905 г. распространила две прокламации¹⁰⁹. Организация эсеров, существо-

вавшая в Новгороде с 1902, в 1903 г. объявила себя группой (непартийной). Деятельность ее была «скромной»¹¹⁰. Непартийная группа, которая появилась в Пскове на рубеже 1903-1904 гг., проявляла изредка себя распространением прокламаций¹¹¹.

В г. Белостоке Гродненский губ. группа РППОР существовала с 1900 г., партийная группа – с 1902 г., комитет – с конца 1903 г.¹¹² Поначалу агитировали «еврейских ремесленных рабочих», с 1903 г. стремились воздействовать на железнодорожников. Организовали несколько кружков рабочих и «Рабочую организацию», «боевую дружину»¹¹³. В массовках конца 1903-1904 гг. участвовали «сотни рабочих»¹¹⁴. 12 и 24 июля 1903 г. эсеры организовали демонстрации, участвовали в стачке рабочих ткацких фабрик. «Стачка закончилась удачно», - сообщила прокламация «Ко всем белостокским рабочим». Автор корреспонденции, помещенной в январском номере «Революционной России» за 1904 г., явно не жалел красок: «Масса, что называется, прет в кружки. Литература читается нарасхват»¹¹⁵.

Эсеры Белостока были склонны к крайним средствам. Члены ее «боевой дружины» 31 октября 1903 г. ранили полковника П.У.Метленко. Накануне похорон одного из местных эсеров 22 февраля 1904 г. членам организации роздали кинжалы. На гроб покойного возложили ленты с надписью: «Товарищу от Белостокской организации П.С.- Р.», «Долой самодержавие!». Во время столкновения с полицией ранили двух городских¹¹⁶. Организация в 1903-1904 гг. распространяла брошюры и прокламации «в некоторых местечках и деревнях» Гродненской губ. В конце 1904 г. она стала одним из опорных пунктов «аграрных террористов», которые основали «Группу КСПСР» и намеревались издавать газету «Земля и воля»¹¹⁷.

В Вильно часть рабочих в 1898 г. вышла из-под социал-демократической опеки и организовала группу РППОР, в которой весной 1900 г. насчитывалось 30 рабочих¹¹⁸. Партийная группа ведет начало с 1902 г. К концу 1904 г. в организации насчитывали «до 200 организованных рабочих». В мае 1904 г. была сформирована группа учащихся. Эсеры Вильно готовили и провели стачку упаковщиков льна, в которой участвовало около 60 человек. В 1904 г. издали и распространили 17 прокламаций¹¹⁹.

Организация РППОР появилась в Витебске в 1898 г.; партийная группа – в мае 1903 г. комитет – в ноябре 1903 г.¹²⁰ В январе 1904 г. Витебская организация насчитывала от 120 до 150 членов, а в августе 1904 г. – до 200 «организованных рабочих». Эсеры агитировали и создавали кружки рабочих учащихся и солдат. В 1904 г. издали и распространили 17 прокламаций¹²¹. К печатной агитации крестьян они обратились в 1903 г., а в 1903-1904 гг. году создали кружки крестьян в Лепельском, Полоцком и Себежском у.¹²²

В конце апреля 1904 г на съезде Белостокской, Брянской, Минской, Смоленской Витебской, Виленской, Двинской, Гомельской организаций, «а также групп организаций небольших городков и местечек» была основана Северо-Западная областная организация. Был избран ее исполнительный орган – Областной комитет. Его «широковещательные планы» остались втуне¹²³. Безрезультатной оказалась попытка консолидации организаций Поволжья на съезде в Москве в декабре 1904¹²⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ РГБ ОР. Ф.634. Карт.1. Д.14. Л.69.РГБ ОР. Ф.634. Карт.1. Д.14. Л.84.
- ² А.А.Аргунов и В.Н.Переверзев подчеркивали, что их организация называлась "Союз социалистов-революционеров", а отнюдь не "Северный союз социалистов-революционеров"//Аргунов А. Из прошлого партии социалистов-революционеров//Былое. 1907. С.104-105; РГБ ОР. Ф.634. Карт.1. Д.14. Л.85.
- ³ Слетов С. К истории возникновения партии социалистов-революционеров. Пг., 1917. С.73; Спиридович А.И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг., 1918. С.52.
- ⁴ РГБ ОР. Ф.634. Карт.1. Д.14. Л.76, 82. Обычно, ссылаясь на воспоминания А.А.Аргунова, относят переезд лидеров "Союза" в Москву к 1897 г. В.Н.Переверзев, имевший возможность справляться с архивными материалами, вероятно, более прав, датируя его концом 1896 года.
- ⁵ См.: Леонов М.И. Аграрная агитация эсеров накануне образования партии//Самарский земский сборник. Самара, 2004. №1. С.36-38.
- ⁶ Искра. 1901. №5. С.13.
- ⁷ РГАЛИ. Ф.1337. Оп.3. Д.66. Л. 123-124, 132-133; РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.422.
- ⁸ Ракитникова И.И. Революционная работа в крестьянстве в Саратовской губернии в 1900-02 гг.//Каторга и ссылка. 1928. №10. С.7.
- ⁹ ГАРФ. Ф.102. ДП. 7-ое д-во. Оп. 1902 г. Д.1666. Л.130-140.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Оп.1898 г. Д.80. Лит. Д. Т.2. Л.3.
- ¹¹ ГАРФ. Ф.102. ДП. 7-ое д-во. Оп. 1902 г. Д.1666. Л.33, 56-70.
- ¹² ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Оп.1898 г. Д.80. Л.Д. Т.2. Л.1-5.
- ¹³ ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Оп.1898 г. Д.80. Лит. Д. Т.2. Л.8; Ракитникова И.И. Революционная работа в крестьянстве в Саратовской губернии в 1900-02 гг.//Каторга и ссылка. 1928. №10. С.15.
- ¹⁴ РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.202.
- ¹⁵ ГАРФ. Ф.5847. Оп.1. Д.67; РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.531. См. также: «Примечание С.Н.Слетова к письму Г.А.Гершуни М.Р.Гоцу, прочитанному на I съезде Аграрно-социалистической Лиги в июле-августе 1902 г.»//Там же. Д.567.
- ¹⁶ РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.673.
- ¹⁷ ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Оп.1898 г. Д.80. Лит. Д. Т.2. Л.34.
- ¹⁸ ГАСар.О. Ф.57. Оп. 1. 1904 г. Д.35. Л.167.
- ¹⁹ ГАСар.О. Ф.57. Оп. 1. 1904 г. Д.22. Л.7-9.
- ²⁰ ГАСар.О. Ф.57. Оп. 1. 1904 г. Д.22. Л.183; там же. Д.35. Л.75.
- ²¹ ГАСар.О. Ф.51. Оп. 1. 1905 г. Д.39. Л.7.
- ²² ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Оп.1898 г. Д.80. Лит. Д. Т.5. Л.50-52; там же. Оп.1905 г. Д.80. Ч.5. Л.4; там же. Ф. 1699. Оп.1. Д. 128. Л.35.
- ²³ ГАСар.О. Ф.57. Оп.1. 1904 г. Д.22. Л.19, 75; Революционная Россия. 1904. №43. С.19; №44. С.20.
- ²⁴ Революционная Россия. 1903. №17. С.18; №31. С.6; 1904. №39. С.16; №55. С.19.
- ²⁵ ГАСар.О. Ф.57. Оп. 1. 1904 г. Д.22. Л.19.
- ²⁶ ГАСО. Ф.468. Оп.1 Д.305. Л.353.
- ²⁷ Революционная Россия. 1903. №35. С.17; Л.С. Иван Францевич Станишевский//Каторга и ссылка. 1928. №7. С.180.
- ²⁸ РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.202; ГАРФ. Ф.5805. Оп.1. Д.115. Л.4; ГАСар.О. Ф.1280. Оп.1. Д.18; Rapport du Parti Socialiste Revolutionnaire de Russe au Congress Socialiste International d'Amsterdam. Paris. Aout 1904. (Далее: Rapport Amsterdam). P.35; Rapport du Parti Socialiste

Révolutionnaire de Russie au Congrès Socialiste International de Stuttgart. (Аобт,1907). (Далее: Rapport Stuttgart). Р.99.

²⁹ РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.403, Д.405.

³⁰ РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.202; Брешковская К. Из воспоминаний//Дни. Берлин. 1925, 28 ноября.

³¹ ГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.305; там же. Ф.469. Оп. 1. Д.53. Л.3-5.

³² ГАСО. Ф.469. Оп.1. Д.29. Л.903-904; Д.1590. Л.133-135; Революционная Россия. 1905. №59. С.19.

³³ РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.202; ГАРФ. Ф.5805. Оп.1. Д.115. Л.4; ГАСО. Ф.468. Д.305. Л.222; Малиновский Н. Народный учитель в революционном движении. М.,1926; С.43; Rapport Amsterdam. Р.35.

³⁴ ГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.358. Л.6.

³⁵ РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.424.

³⁶ Революционная Россия 1905. №59. С.19.

³⁷ ГАРФ. Ф.124. Оп.1902 г. Д.654. Л.46.

³⁸ ГАРФ. Ф.124. Оп.1902 г. Д.592.

³⁹ ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Оп.1898 г. Д.80 Лит. К.4. Л.7-12; Rapport Amsterdam. Р.35.

⁴⁰ НА РТ. Ф.199 Оп.1. Д.234. Л.64.

⁴¹ НА РТ. Ф.199. Оп. 1.Д.542. Л.1-5.

⁴² Мильчин И.И. За Николаевским шлагбаумом. Л., 1933. С.251-252.

⁴³ РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.403; ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Оп. 1905 г. Д.80. Л.4; Rapport Stuttgart. Р. 93.

⁴⁴ ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Оп.316. 1911 г. Д.241. Л.1; РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.675.

⁴⁵ ГАРФ. Ф.124. Оп.1902 г. Д.619. Л.71, 111; ГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.1472. Л.12, 148; там же. Ф.469. Оп.1. Д.9. Л.11,162, 198; Обзор важнейших дознаний за 1902 г. С.54.

⁴⁶ ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Оп.1905 г. Д.80. Ч.8. Л.4; РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.409, 410; Революционная Россия. 1903. №17. С.20; №22. С.12-14.

⁴⁷ Революционная Россия. 1904. №48. С.20.

⁴⁸ ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Оп.1902 г. Д.360. Ч.5. Л.33; там же. Оп. 1905 г. Д.1800. Ч.20. Л.12.

⁴⁹ Отчет Пензенского губернского комитета о работе в крестьянстве, представленный на съезд крестьянских работников в сентябре 1906 г./РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.675.

⁵⁰ Ниякий В.В. Первая российская революция в Нижегородском Поволжье. Горький, 1985. С.41.

⁵¹ РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.202.

⁵² Еремин А.И. Общественно-политическая жизнь российской провинции. Центрально-промышленный район (конец XIX – начало XX веков). Ч.1. Организации социалистов-революционеров в общественно-политической жизни провинции. Орел, 1995. С.129.

⁵³ РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.202, Д.338; ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1898 г. Д. 80. Лит. Ю. Л.10; там же. Д.80. Лит. Щ. Л.74-77; там же. Оп. 1905 г. Д.1800. Ч.6. Л.19; Rapport Amsterdam. Р.34; Rapport Stuttgart. Р. 64.

⁵⁴ РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.338.

⁵⁵ ГАРФ. Ф.102. ДП. Еженедельные записки. Д.65. 1904 г. 14 марта. Л.18; там же. ДП ОО. Оп.1905 г. Д.80. Ч.8. Л.4.

⁵⁶ РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.202; ГАРФ. Ф.124. Оп.1903 г. Д.934; Rapport Amsterdam. Р.35.

⁵⁷ ГАРФ. Ф.1741. Д.17318; Спиридович А. И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. С.66.

⁵⁸ ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Оп.1898 г. Д.5.Ч.5. Лит Г. Л.68-73.

- ⁵⁹ Революционная Россия. 1905. №76. С.22; ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Оп.1898 г. Д.80. Лит. Р. Л.121.
- ⁶⁰ ГАРФ. Ф. 1699. Оп.1. Д. 128. Л.34-36; там же. Оп. 316. 1898 г. Д.1. Ч.16. Лит. Ф. Т.2. С.185; РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д. 342; Революционная Россия. 1904. №57. С.23.
- ⁶¹ Еремин А.И. Общественно-политическая жизнь российской провинции. С.129.
- ⁶² РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.388, Д.567; ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Оп.1902 г. Д.360. Ч.10. Л.9-27; Rapport Amsterdam P.34; Революционная Россия. 1903. №20. С.18; №34. С.19; №38. С.16.
- ⁶³ Знамя труда. 1907. №2. С.23; Rapport Amsterdam. P.35; Спиридович А.И. Партия социалистов революционеров. С.97.
- ⁶⁴ РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.384, 398.; Rapport Amsterdam. P.34.
- ⁶⁵ Блохин В.Ф. Исторический опыт борьбы большевиков против народничества//Из исторического опыта борьбы КПСС против оппортунизма. Смоленск, 1984. С.156.
- ⁶⁶ Пролетарий. 1905. №20. С.21.
- ⁶⁷ Краткий отчет о деятельности П.С.Р.//РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.202.
- ⁶⁸ ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Оп.1902 г. Д.360. Ч.10. Л.9-27; РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.338; Революционная Россия. 1903. №34. С.19; №38. С.16.
- ⁶⁹ ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Оп.1902 г. Д.360. Ч.25. Л.13-26; там же. Ф.124. Оп.1901 г. Д.254. Л.40; Вестник русской революции. 1903. №3. 3-я пагн. С.45, 53; Революционная Россия. 1902. №13. С.20; Накануне. Народно-социалистическое обозрение. Лондон 1901. №.37; Rapport Stuttgart. P.54.
- ⁷⁰ ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Оп.1904 г. Д.5. Ч.14. Л.76, 78, 89; РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.202; Революционная Россия. 1903. №38. С.17; Rapport Amsterdam. P.35.
- ⁷¹ РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.338, Д.675; Революционная Россия. 1903. №30. С.19; 1904. №51. С.20; Знамя Труда. 1910. №30. С.17.
- ⁷² ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1902 г. Д.360. Ч.20. Л.11; там же. Оп.1898 г. Д.80. Лит. З. Л.109; там же. 7-ое д-во. Оп. 1902 г. Д.178. Л.83; Революционная Россия. 1902. №23. С.20; №13. С.22.
- ⁷³ РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.202, Д.363; ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Оп.1904 г. Д.5. Ч.14. Л.76, 78, 89; Революционная Россия. 1903. №38. С.17; Rapport Amsterdam. P.35.
- ⁷⁴ РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д. 363.
- ⁷⁵ ГАРФ. Ф. 102. ДП. 7-е д-во. Оп. 1902 г. Д.178. Л.83; там же. Ф. 1699. Оп. 1. Д.18. Л.15; РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.202; Rapport Amsterdam. P.35.
- ⁷⁶ ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Оп.1898 г. Д.80. Лит. З. Т.5. Л.5; Революционная Россия. №30. 1903. С.22; Лев Иванович Зильберберг//Былое. Сборник по истории освободительного движения. 1908. №.8. С.8; Еремин А.И. Общественно-политическая жизнь российской провинции. С.131-132.
- ⁷⁷ РГАСПИ Ф.637. Оп.1. Д.363; Революционная Россия. 1904. №.41. С.19.
- ⁷⁸ Революционная Россия. 1903. №15. С.18; №30. С.22; ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп.1898 г. Д.80. Лит. З. Т.5. Л.5.
- ⁷⁹ РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д. 363.
- ⁸⁰ ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Оп.1904 г. Д.5, ч.21. Л.28; Спиридович. А.И. Партия социалистов революционеров. С.151; Ярославль в первой русской революции. Сборник материалов по истории революции 1905 г. в Ярославской губ. Ярославль, 1925. С.29.
- ⁸¹ РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.338; ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп.316. 1904 г. Д.1. Ч.1. Л.153.
- ⁸² ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1902 г. Д.360. Ч.50. Л.3; РГАСПИ Ф.637. Оп.1. Д.338; Rapport Stuttgart. P.72.
- ⁸³ РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.427.
- ⁸⁴ ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Оп.1902 г. Д.360. Ч.14. Л.8; Революционная Россия. 1903. №19. С.16; №20. С.12; №24. С.16.

- ⁸⁵ ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Оп.1905 г. Д.80. Ч.35. Л.19.
- ⁸⁶ Революционная Россия. 1905. №63. С.9.
- ⁸⁷ РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.428; ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Оп. 1902 г. Д.360 Ч.14. Л.27-28; там же. Оп. 1903 г. Д.2222. Т.2. Л.49-52; Д.2222. Т.3. Л.268; Д.2222. Т.5. Л.197-198; Д.2222. Т.8. Л.48, 57, 217, 305; там же. Ф.124. Оп.1906 г. Ч.1. Д.401. Л.104.
- ⁸⁸ ГАРФ. Ф.124. Оп. 1906 г. Ч.1. Д.401. Л.7; Революционная Россия. 1903. №23. С.15; Иванов И.С. О революционном движении 1905-7. в Тамбовской губернии//Тамбов, 1925. С.58.
- ⁸⁹ РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.431, Д.440; ГАРФ. Ф.5805. Оп.1. Д.115. Л.4; Слетов С. К истории возникновения партии социалистов-революционеров. С.49.
- ⁹⁰ ГАРФ. Ф.102. ДП. 7-ое д-во. 1897. Д.370. Т.1 Л.33; там же. Д.370. Т.3. Л. 152-153; РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.430.
- ⁹¹ РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.202, 430, 431; Rapport Amsterdam. P.34; Слетов С. К истории возникновения партии социалистов-революционеров. С.49.
- ⁹² РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.441; Rapport Stuttgart. P.150.
- ⁹³ ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Оп.1898 г. Д.9. Ч.27. Л.4.
- ⁹⁴ РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.431.
- ⁹⁵ РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.436, Д.442, Д.587; ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Оп.1898 г. Д.80. Лит. Р. Л.20-22; там же. Ф.124. Оп. 1905 г. Д.640. Л.6, 14, 15; Знамя Труда. Центральный орган партии социалистов-революционеров. Париж, 1908. №28. С.23.
- ⁹⁶ РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.671.
- ⁹⁷ ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Оп.316. 1904 г. Д.1. Ч.1. Т.2. Продолж.2. Л.102; там же. Д.1. Ч.1. Т.3. Л.261.
- ⁹⁸ ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Оп.1898 г. Д.80. Лит. Р. Л.21-22.; РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.442, Д.587.
- ⁹⁹ Революционная Россия. 1903. №15. С.12; ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Оп.1898 г. Д.80. Лит. Д. Т.3.
- ¹⁰⁰ Гинцбург И. Николай Иванович Ривкин (Биографический очерк)//Каторга и ссылка. 1928. №12. С.153-154.
- ¹⁰¹ К истории партии социалистов-революционеров до Манифеста 17 октября 1905 г./РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.587; Rapport Stuttgart. P.122.
- ¹⁰² Революционная Россия. 1903. №33. С.20; №35. С.20.
- ¹⁰³ Революционная Россия. 1903. №26. С.11.
- ¹⁰⁴ РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.384, Д.587; Гинцбург И. Николай Иванович Ривкин (Биографический очерк)//Каторга и ссылка. 1928. №12. С. 154.
- ¹⁰⁵ РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.386, Д.587.
- ¹⁰⁶ ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Оп.1905 г. Д.1800. Ч.11. Л.6.
- ¹⁰⁷ РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.587; ГАРФ. Ф.124. Оп.12. Д.1004. Революционная Россия. 1905. №76. С.23; Имас И. Путь в эмиграцию//Каторга и ссылка. 1928. №8. С.153; Rapport Stuttgart. P.126, 128.
- ¹⁰⁸ РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.303, Д.310, Д.589.
- ¹⁰⁹ РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.587.
- ¹¹⁰ РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.307, Д.305.
- ¹¹¹ РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.307; Протоколы первого съезда партии социалистов-революционеров. СПб., 1906. С.291.
- ¹¹² РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.202; ГАРФ. Ф.124. Оп.12. Д.860; там же. Оп.13. Д.699; Революционная Россия. 1902. №18. С.13, 15.
- ¹¹³ РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.396; Революционная Россия. 1903. №18. С.13; 1904. №51. С.23; Нестроев Гр. Из дневника максималиста. Париж, 1910. С.35-37.
- ¹¹⁴ Зикгейм М. Умер Сикорский//Каторга и ссылка. 1928. №4. С.141.

¹¹⁵ Революционная Россия. 1904. №40. С.19.

¹¹⁶ Революционная Россия. 1904. №42. С.18; РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.202.

¹¹⁷ РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.396.; Революционная Россия. 1904. №45. С.21; Нестроев Гр. Из дневника максималиста. Париж, 1910. С.37-42.

¹¹⁸ ГАРФ. Ф.102. ДП. 7-ое д-во. Оп. 1900 г. Д.428. Л.234.

¹¹⁹ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1907 г. Д.9. Ч.6.Лит. А. Л.41; Там же. Оп.1898 г. Д.80. Лит. Х. Л.18, 28; РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.303, 587; Революционная Россия. 1904. №53. С.19.

¹²⁰ РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.202; ГАРФ. Ф.124. Оп.1905 г. Д.1800. Ч.34. Л.7; Rapport Amsterdam. P.35; Революционная Россия. 1904; №41. С.20; №53. С.19; 1905. №65. С.14..

¹²¹ РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.384, Д.587; Rapport Stuttgart. P.140; Революционная Россия. 1904. №53. С.19.

¹²² ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1902 г. Д.360. Ч.26. Л.17, 24-27.

¹²³ ГАРФ. Ф. 1699. Д. 128. Л.71.

¹²⁴ ГАСар.О. Ф.51. Оп. 1. 1905 г. Д.22. Т.2. Л.215; там же. Д.39. Л.33.

Г.С. Шерстнева, А.В. Михеева*

ГОРОДСКОЙ ГОЛОВА ФЕДОР СЕМЕНОВИЧ ПЛОТНИКОВ
(16.04.1798 – 25.09.1857 гг.)

азработка истории купечества, в том числе и провинциального, привлекает в настоящее время пристальное внимание историков. Самостоятельно значимыми, детально исследуемыми в последние 10 лет (1995-2005 гг.) стали многие аспекты изучения купеческого сословия: его состав, политический и юридический статус, социальный облик, духовный мир, предпринимательская, меценатская и благотворительная деятельность, демографическая характеристика, быт семьи.

Исследования современного этапа освоения проблемы положили начало восполнению пробела в историко-биографическом материале российских предпринимателей.

В то же время нетрудно заметить, что многочисленные вопросы истории купечества, оформившиеся в самостоятельные темы исторической науки, в отличие от предыдущего периода их комплексного изучения концентрируют внимание на одних и тех же хронологических рамках – второй половине XIX – начале XX вв. Во многом это объясняется логикой развития исторических исследований и их социальной значимостью на рубеже XX–XXI вв. Понятен интерес к периоду и с точки зрения места, которое он занимает в становлении торгово-промышленного потенциала России.

Тем не менее анализ разноплановых источников и литературы позволяет утверждать, что самобытность характеров и, одновременно, типичность черт личностей и профессиональных качеств отдельных столичных и провинциальных предпринимателей складываются постепенно и ведут свою историю с конца 18 в.

Одним из крупных торговых людей еще уездной Самары в 1840-50-е годы был Федор Семенович Плотников.

Его отец, Семен Макарович Плотников (умер в 1801 г.) происходил из ясачных (ясашных) крестьян Поволжья¹. В конце XVIII в., уже женатый на Акулине Ивановне (умерла после 1819 г.) и имевший детей, Семен Макарович получил вольную и перешел вместе с семьей в мещанское сословие г. Бугуруслана. Занялся плотницким делом и торговлей. От прозвища по ремеслу его дети и получили фамилию. В 1801 году в семье было трое детей (дочь Фекла и два сына, Федор и Павел) и две небольшие торговые лавки (хлебная и пряничная)².

В 1813 году старший из сыновей Федор переехал из Бугуруслана к замужней сестре в Самару. Муж Феклы Семеновны – Антон Иванович Минаев был одним

* © Шерстнева Г.С., Михеева А.В.

Шерстнева Г.С. – доцент кафедры отечественной истории и историографии Самарского государственного университета

Михеева А.В. – старший преподаватель кафедры истории и культурологии Самарского филиала Московского городского педагогического университета

из первых самарских купцов, занявшихся хлебной торговлей. «Непреложным фактом начала крупной торговли хлебом в Самаре» самарский архитектор и краевед Е.Ф. Гурьянов назвал событие из биографии Антона Ивановича: «... в 1822 году купец Минаев из помещечьих амбаров села Большая Царевщина погрузил на баржи 85 тыс. пудов зерна»³.

В 20 лет Федор Плотников, состоявший 5 лет при торговле зятя, приобрел свою небольшую расшиву на 3 тыс. пудов клади и закупив белотурку, успешно продал ее в Нижнем Новгороде⁴.

Успешная хлебная торговля позволила Федору жениться. 13 апреля 1819 года в Казанском Богородицком Соборе состоялось венчание Федора Семеновича Плотникова с Марией Ивановной Постниковой, девицей из мещанского сословия г. Саратова, 1800 г. рождения⁵. По-видимому, брак был заключен по любви, т.к. капитал Ф.С. Плотникова не увеличился.

Молодые поселились в собственном доме в 7 квартале первой части г. Самары на улице Казанской, 135. После пожара 1850 г. Федор Семенович строит для семьи на указанном месте, которое считается его усадьбой, новый каменный дом в два с половиной этажа с полуэтажной кухней и каменными же службами. В его собственности, кроме того, с 1848 года был одноэтажный деревянный дом в 76 квартале города⁶.

Федор Семенович и Мария Ивановна прожили в согласии более 38 лет до смерти Ф.С. Плотникова. У них родились 7 детей, но пятеро из них умерли младенцами. Опорой для матери после смерти отца были два сына: Николай Федорович (8.10.1834 – 29.09.1884 гг.) и Константин Федорович (25.04.1842 – 21.08.1894 гг.)⁷.

В 1828 году, после смерти А.И. Минаева, Плотников возглавил торговые дела семьи и перешел в купеческое звание, объявив капитал и заплатив пошлину по 3-ей гильдии⁸. Учитывая, что по гильдейскому законодательству (1807 и 1824 годов) норма объявленного капитала для купцов 3 гильдии составляла 8 тыс. рублей, можно определить минимальные размеры состояния Федора Семеновича⁹.

«Самарские ведомости» обращали внимание на достоинства молодого купца, «драгоценные в торговом деле»: «сметливый ум, предприимчивость, ... умение взяться за дело и повести его живо, ловко, успешно»¹⁰.

В 1838 году Ф.С. Плотников перешел во 2-ую купеческую гильдию, в которой оставался до своей смерти¹¹. К этому времени он владел, как минимум, 13 корпусами с 17 отделениями хлебных амбаров на Самарской пристани. Именно такое количество указывает он сам после перечня амбаров на 7 «крепостных своих местах», зарегистрированных с 1820 по 1837 гг. в самарском уездном суде, в заявлении от 3 июля 1850 г. в самарскую городскую думу о потерях о пожаре 13 июня 1850 г.¹².

О размерах каждого из амбаров можно судить по имеющейся в этом же документе записи: «под каждым бывше устроенным корпусом находилось земли 6-ть, а поперек 4 саж»¹³. Перевод в метрическую систему мер определяет среднюю площадь каждой постройки почти в 109 кв. м.

В 1840-е годы Ф.С. Плотников продолжает заниматься хлеботорговлей и, вкладывая прибыль в недвижимость, скупает землю у города, строит амбары на бе-

регах рек Самары и Волги. Так, в апреле 1846 года он подает прошение в городскую думу о передаче во владение «на законном основании городские пустопорожные места, состоящие на берегу р. Самары под № 914, 92 для постройки двух амбаров для сладки хлеба»¹⁴.

Не один раз Плотникову приходилось возводить новые постройки на имеющихся крепостных местах из-за довольно частых и крупных пожаров в Самаре. После пожара 1838 г. он выстроил заново 9 хлебных амбаров. В 1839 г. у самарских купцов сгорели 60 амбаров. Среди них были корпуса Плотникова и его компаньона Бедрина¹⁵. В самом разрушительном в истории Самары пожаре июня 1850 г. Федор Семенович потерял 13 амбаров и имение¹⁶.

В течение нескольких месяцев он вновь отстроил амбары, имение и уже в октябре 1850 г. в городской думе рассматривался вопрос об отведении Плотникову на самарской пристани нового амбарного места взамен крепостного места, отошедшего под создание улицы¹⁷.

В 1852 г. Плотников осваивает приобретенные им на краю города земли (76 квартал). Здесь были возведены 4 деревянных корпуса «тюремного замка», окруженные высокой кирпичной стеной, сданные им в найм городу¹⁸.

Постепенно Федор Семенович становится одним из самых крупных оптовых торговцев зерна в городе. Характеризуя жизнь уездного города, П.В. Алабин подчеркивал: «В Самаре только двое закупали такую пропорцию хлеба, а именно И.Д. Волков (102 т.) и Ф.С. Плотников (100т.)»¹⁹.

Одновременно с торговыми делами Ф.С. Плотников занимается общественной деятельностью в рамках гильдейского купеческого общества и, почти одновременно, в органах городского самоуправления. Самарское общество впервые обратило внимание на молодого и успешного купца в конце двадцатых годов 19 века. В 1829 г. Федор Семенович был избран старшим ратманом в городской магистрат. После выборов 1838 г. Плотников стал старшим бургомистром г. Самары, в 1841 г. – городским головой города. В 1847 – 1850 гг. он вторично занимает эту должность, а в 1852-1855 гг. в третий и последний раз исполняет общественную службу как «Градский Глава» уже губернской Самары²⁰. Кроме того, в мае 1852 г. Плотников был «Высочайше утвержден» директором самарского губернского тюремного комитета²¹.

Всего общественной деятельности на выборных постах г. Самары он отдал 26 лет.

Выделим из послужного списка Плотникова три периода (1841-1844 гг., 1847-1850 гг., 1852-1855 гг.), когда он возглавлял городское самоуправление. В нашем распоряжении нет биографической информации, определяющей последовательность и объем его деятельности на этом посту в каждом из периодов. Но широко известно, что до Городовых положений 1862 и 1870 гг. сферы деятельности органов общественного управления и местной администрации были разграничены нечетко и вопросы местного благоустройства и хозяйства находились в компетенции городского самоуправления. Представления о функциях городской думы и городского головы, о вопросах благоустройства в городе (освещение, отопление, водоснабжение, очистка, транспорт, устройство городских проездов, мостов и т.д.) и направлениях хозяйственной жизнедеятельности (в пер-

вую очередь, положение о развитии торговли) в сопоставлении с материалами по истории города и оценкой современников «общественных служб» позволяют воссоздать контур деятельности Ф.С. Плотникова.

Несколько интересных и далеко не однозначных, по оценке фактов в этой области приводит в своих очерках «Древние вехи Самары» Емельян Филиппович Гурьянов. Например, два факта по затратам на благоустройство: «в год двадцатипятилетия губернской Самары на благоустройство было израсходовано 8467 р. – менее 3 %. В 1854 г. такие расходы составляли 16,8 %»²². Оценка автора: «мероприятия в этой области сдерживали люди, которые распоряжались городскими доходами»²³. Но сравнение цифр друг с другом и с поступлениями доходов в 1850 г. и 1870-е гг. позволяет утверждать, что при значительно меньших доходах городская дума во главе с Ф.С. Плотниковым в 1854 году потратила средств в 5,6 раз больше, чем дума в 1875-76 гг.

Нужно обратить внимание на то, что бюджет города в вышеуказанные периоды был бездефицитным. В 1849 г. расход составлял 18.119 руб.74 $\frac{1}{4}$ коп. при доходе в 18.311 руб. 23 $\frac{3}{4}$ коп. Приход города в 1853 г. соотносился с расходами в размерах: 80.511 руб. 44 $\frac{1}{2}$ коп. к 74. 252 руб. 42 $\frac{1}{2}$ коп., т.е. превышение доходной части определялось в б. 259 руб. 42 $\frac{1}{2}$ коп.²⁴. К последней группе цифр нужно отнестись с сомнением. Слишком велико расхождение данных за 4 года. По-видимому, более точную информацию содержит «Журнал Министерства Внутренних Дел». В нем данные по бюджету городского хозяйства Самары выглядят так:»1852 г.: расходы – 17. 414 руб. 82 $\frac{1}{2}$ коп., доходы – 20.150 руб. 26 коп. В 1853 г.: расходы – 19.287 руб. 2 коп., доходы – 25. 546 руб. 44 $\frac{1}{2}$ коп.»²⁵.

Приведенные статистические данные позволяют сделать вывод не только о бездефицитном, по-преимуществу (т.к. полной информации по каждому году нет) бюджете, но и о стабильном (без оговорок) росте доходов (с 1849 по 1853 год – более, чем на 7 тыс.), несмотря на увеличивающиеся расходы. Сверх того, Самара в 1853 году имела «капиталы: неприкосновенного – 304 руб. 28 $\frac{1}{2}$ коп.; запасного с процентов – 65.166 руб. 31 коп.; оборотного – 1,502 руб. 40 $\frac{1}{2}$ коп., т.е. всего 66.692 руб. 60 коп.»²⁶.

Сбор денег в доход города был делом сложным и, если судить по документам, не всегда успешным. Неоднократно встречается фраза «злоупотреблений замечено не было». Тем не менее, указывается на неиспользованные возможности в росте доходов: «хлебная торговля в Самаре никаким особым налогам не подвергается»²⁷, «недоимки на городе числятся – 30. 120 руб. 10 коп. (в основном с обывательских имуществ)»²⁸, «из 663 десятых городской земли 53 отданы Городскою Думой в оброчное содержание, остальные 610 дес. не приносят городу никакого дохода и из них 197 дес. 1616 саж. заняты частными лицами для разных заведений: 17 садов, 20 пчельников, 56 гумен, водяные мельницы и кирпичные заводы» (по проверке городского хозяйства за 1853 г.)²⁹. Среди рекомендаций городской думе в 1854 г. указаны меры к увеличению городских доходов:»сбор с судопромышленников, с приплавляемого в здешнюю пристань леса, с недвижимых имуществ обывателей и увеличения городского выгона»³⁰.

В расходную часть городского бюджета в 1841-1855 годы входило содержание городской думы, квартирной комиссии, городского архитектора, городско-

го магистрата, сиротского суда, канцелярии уездного стряпчего, полицейского управления, полицейской команды с пожарной частью, прикомандированных к городской полиции казаков, городского врача, повивальной бабки, 2-х приходских училищ, «тюремного замка». Разную в процентном отношении сумму, как указывалось раньше, дума тратила на благоустройство города. Существовали расходы и сверх сметы по предписаниям губернского начальства (например, на устройство столбов для вывешивания городского флага)³¹.

Использование городского бюджета делило расходы на две части: расходы, употребляемые на нужды городского хозяйства и расходы на содержание заведений, подведомственных хозяйственному департаменту МВД, Министерству юстиции и других центральных ведомств.

По сведениям П.В. Алабина в 1841 г. полицейская команда Самары состояла из 3 городских и 34 рядовых, в помощь которым было назначено 15 конных оренбургских казаков при одном уряднике. В пожарный обоз входили брандмейстер, 25 рабочих, 20 лошадей с упряжью, 13 пожарных труб, 28 летних и 16 зимних дрог, 14 бочек, 20 ведер, 4 лестницы, 28 багров и 2 топора. На содержание всего этого обоза город расходовал 1. 421 руб.52 коп.³².

Безусловно, команда немногочисленна (но штат самарских пожарных слушителей утверждался министром внутренних дел России) и сумма ничтожна, если учитывать опустошительные пожары, но она составляла как минимум 1/18 часть городского бюджета, а еще нужно учесть содержание всех вышеперечисленных лиц и команд, в том числе, двух приходских училищ. 2-е мужское приходское училище с расходами на содержание 450 руб. сер. в год было открыто в сентябре 1853 г. Для того, чтобы училище приняло всех детей, желающих обучиться грамоте, купеческое и мещанское общество Самары во главе с Ф.С. Плотниковым вынесло решение о добавочном сборе с них. Купцы 1-ой гильдии должны были сдавать по 3 руб. в год, 2-й гильдии – 2 руб 30 коп., 3-ей гильдии – 1 руб., мещане – 5 коп. с души³³.

О широте хозяйственной сферы управления городским хозяйством, следовательно, и о компетенциях городского головы говорят такие функции думы, как оценка недвижимого имущества жителей Самары; организация и контроль за торговлей в городе.

Другая задача городской думы – исполнение плана застройки города. В бытность Федора Семеновича Плотникова и исполнения им обязанностей городского головы Самара дважды перестраивалась: по плану титулярного советника А. Фокина, комфирмованного 21 июня 1840 г. и по плану титулярного советника М.И. Федорова, утвержденного 19 ноября 1853 г.³⁴.

В области благоустройства города наиболее успешным из трех периодов общественной службы Ф.С. Плотникова можно считать 1852-1855 гг.

В 1853 г. были построены мосты (один длиной 12 саж, другой 10 саж.) через овраги, тянувшиеся от Малоканских садов к Волге, что позволило вернуть торговлю лесом на находящейся близ них пристани.

Устроены были спуск к Волге для московского почтового тракта, а также обустроены два спуска к плавучему мосту через р. Самару. Работы полностью были завершены в 1855 г.³⁵.

Исполняя распоряжение губернатора, еще в первый год преобразования Самары в губернский город приступили к срытию остатков земляного вала. В 1851-1852 гг. работа проводилась арестантами³⁶.

Для освещения Самары на его улицах установили первые 100 фонарей, в которых использовалась спирто-скипидарная жидкость³⁷.

Современники, оценивая деятельность городского головы Плотникова, написали в некрологе: «на этом месте, несмотря на свои собственные обширные торговые дела, он ревностно заботился о пользе общественной, о благоустройстве городского хозяйства. Бедный мещанин, угнетаемый обстоятельствами, всегда находил в нем защиту и поддержку»³⁸.

Последняя фраза из цитаты тоже находит подтверждение в архивных документах благодаря сохранившимся обращениям жителей в думу и лично к Федору Семеновичу со сложными семейными проблемами³⁹.

Также, как и другие самарские купцы, Плотников участвовал в разнообразных благотворительных обществах и попечительствах, щедро жертвовал на всякие мероприятия. В 1844 г. проходил сбор в пользу Антиохийского патриаршего престола единоверческой греческой церкви – самое большое пожертвование сделали купцы А.Г. Головачев и Ф.С. Плотников (по 10 рублей). Остальные взносы были от 50 коп. до 4 руб.⁴⁰.

«В 1850 г. в Самаре была учреждена Иверская женская община. Купец Плотников, как и дворянин Путилов и пр. изъявили единодушную готовность оказать всевозможные пособия к созданию общины»⁴¹.

В 1854 г. Федор Семенович предложил устроить во дворе «тюремного замка» церковь для арестантов. Плотникову помогли многие благотворители и церковь построили в значительно большем размере, чем планировали. «28 декабря 1854 г. церковь в тюремном замке во имя Божией Матери всех скорбящих радости осветил Преосвященный Самарский Евсевий»⁴².

В 1855 г. проходил сбор средств «в пользу морских воинов, потерявших имущество под Севастополем». Самые большие пожертвования сделали А. Головачев, Ф. Плотников и Н. Шихобалов (по 10 руб). В том же году собирали деньги на создание дружин ополчения. Федор Семенович пожертвовал 200 руб., хотя как купец 2-ой гильдии мог ограничиться 50 руб., установленными по разнорядке⁴³.

В государственном архиве Самарской области (ГАСО) сохранились списки лиц, представленных к награждению бронзовой медалью в память войны 1853-1856 гг. На ее получение имели право гражданские чиновники, служившие во время войны, благородное дворянство, почетные граждане и именитое купечество. «Купечество – по предварительному рассмотрению в МВД заслуг каждого лица». Федор Семенович был внесен в списки по двум позициям: как жертвовавший на издержки войны и на пособия раненым и семействам убитых; и как состоявший в это время на выборной должности»⁴⁴. Информации о награждении найти не удалось.

В августе-сентябре 1857 г. Ф.С. Плотников ездил по торговым делам в Нижний Новгород и Рыбинск. После возвращения он заболел и через 5 суток в 3 часа ночи 26 сентября скончался. Отпевание состоялось в субботу 27 сентября в Казанско-Богородицком соборе при участии огромного числа горожан. «Тут были

и купцы, и мещане, и чиновники, и дворяне... до самого кладбища несли на руках своих гроб того человека, который при жизни не раз делал им добро. Вереница экипажей и пешеходов сопровождали погребальное шествие... Таким образом кончилась жизнь самарского купца Ф.С. Плотникова, всеми уважаемого и чтимого,»- так рассказывали о похоронах «Самарские губернские ведомости»(первый номер которых вышел 5 января 1852 г.не без его помощи, городского головы г. Самары)⁴⁵.

Через два года после смерти мужа Мария Ивановна Плотникова подала прошение о возведении ее с семейством в звание «Потомственные почетные граждане г. Самары». На основании рапорта самарского губернского правления от имени Императора Правительствующий Сенат определил: «возвести ее с сыновьями Николаем и Константином Федоровичами в потомственное почетное гражданство», свидетельство (№ 1131) о чем датировано 6 октября 1859 г.⁴⁶.

В 1915 году в Самаре в потомственных почетных гражданах числилось 41 семейство и среди них внук Ф.С. Плотникова – Виктор Константинович Плотников с домочадцами⁴⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГАСО. – Ф. 32. – Оп. 28. – Д. 60. – Л. 31; Самарские губернские ведомости. – 1857. – 12 октября.

² Самарские губернские ведомости. – 1857. – 12 октября.

³ Гурьянов, Е.Ф. Древние вехи Самары: Очерки истории градостроительства. 2-е изд., перераб. и доп. / Е.Ф. Гурьянов. – Куйбышев, 1986. – С. 97.

⁴ Самарские губернские ведомости. – 1857. – 12 октября.

⁵ ГАСО. – Ф. 32. – Оп. 28. – Д. 60. – Л. 31.

⁶ Там же. – Ф. 170. – Оп. 6. – Д. 160. – Лл. 3-6.

⁷ ГАСО. – Ф. 32. – Оп. 28. – Д. 81. – Л. 24.; – Д. 83. – Л. 54; – Д. 85. – Лл. 44,96; – Д. 99. – Лл. 5,76; – Д. 95. – Л. 292; – Д. 111. – Лл. 44, 138; – Д. 115. – Л. 31.

⁸ Самарские губернские ведомости. – 1857. – 12 октября.

⁹ Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: энциклопедия: В 5 т. / т.1: А-Д / Редкол.: В.Л. Янин [гл. ред.] и др. – М., 1994. – С. 554.

¹⁰ Самарские губернские ведомости. – 1857. – 12 октября.

¹¹ ГАСО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1838.

¹² Там же. – Оп. 2. – Д. 1. – Л. 3.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. – Оп. 10. – Д. 338. – Л. 54.

¹⁵ Там же. – Л. 45 (об.).

¹⁶ Там же. – Оп. 2. – Д. 1. – Л. 3.

¹⁷ Там же. – Ф. 170. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 19.

¹⁸ Там же. – Оп. 6. – Д. 312. – Л. 254 (об.).

¹⁹ Алабин, П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города: историко-статистический очерк / П.В. Алабин. – Самара, 1877. – С. 357.

²⁰ ГАСО. – Ф. 170. – Оп. 6. – Д. 130. – Лл. 1,67(об.), 68; – Оп. 1. – Д. 21. – Л. 7.

²¹ Там же. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 2.

²² Гурьянов, Е.Ф. Древние вехи Самары: Очерки истории градостроительства. 2-е изд., перераб. и доп. / Е.Ф. Гурьянов. – Куйбышев, 1986. – С. 110.

²³ Там же.

- ²⁴ ГАСО. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 1171. – Л. 3.
- ²⁵ Журнал МВД. – Спб., 1854. – № 7.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. – № 8.
- ²⁸ Там же. – № 9.
- ²⁹ ГАСО. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 947.
- ³⁰ Журнал МВД. – Спб., 1854. – № 7.
- ³¹ ГАСО. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 961. – Лл. 29-40.
- ³² Алабин, П.В. Указ. соч. / П.В. Алабин. – С. 357.
- ³³ ГАСО. – Ф. 170. – Оп. 1. – Д. 36. – Л. 92; – Д. 40. – Лл. 16-16 (об.).
- ³⁴ Гурьянов, Е.Ф. Указ. соч. / Е.Ф. Гурьянов. – С. 106, 109.
- ³⁵ Адрес-календарь Самарской губернии на 1905 год. – Самара, 1905. – С. 13.
- ³⁶ Архангельский, Н.А. Г. Самара: Исторический очерк / Н.А. Архангельский // Классика Самарского краеведения: антология / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана. – Самара, 2002. – С.238.
- ³⁷ Алабин, П.В. Указ. соч. / П.В. Алабин. – С. 649; Самарский спутник на 1890 г. – Самара, 1890. – С. 24.
- ³⁸ Самарские губернские ведомости. – 1857. – 12 октября.
- ³⁹ ГАСО. – Ф. 170. – Оп. 1. – Д. 37. – Лл. 41-41(об.).
- ⁴⁰ Там же. – Оп. 6. – Д. 4. – Л. 5.
- ⁴¹ Опыт исторического исследования в путях Промысла Божия в судьбе самарского Иверского женского монастыря в период 50-летнего существования его от возникновения в 1850 г. до настоящего времени. Составил протоиерей Георгий Третьяков. – Самара, 1905. С.16, 17.
- ⁴² Там же. С.405; Самарские епархиальные ведомости – 1879. Ноябрь. № 21.
- ⁴³ ГАСО. Ф.170. Оп.6. Д.9. л.15; Д.79. Л.57.
- ⁴⁴ ГАСО. Ф.3. Оп.71. Д.Д. 4337;4388.
- ⁴⁵ Самарские губернские ведомости. – 1857. – 12 октября.
- ⁴⁶ ГАСО. Ф.1. Оп.1. Д.1838.
- ⁴⁷ Там же. Ф.146. Оп.1. Д.14. Л.17.

А.А. Дорошенко*

**НАШ ЗЕМЛЯК, ЖИТЕЛЬ САМАРСКОГО КРАЯ В.Н. ЛЬВОВ.
ПУТЬ ОТ КОНСЕРВАТОРА-КОНСТИТУЦИАНИСТА
ДО НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИКА**

Н. Львов (1872-1934), родившийся в Самарской губернии, сыграл немаловажную роль в истории России. Он был депутатом III и IV Думы Российской империи, куда был избран от Самарской губернии. В Самарской губернии у него были огромные земельные владения (св. 2000 дес. земли). После революции 1917 года В.Н. Львов стал обер-прокурором Св. Синода.

Монархист-защитник триады «Православие. Самодержавие Народность», принявший Советскую власть, поддерживающий атаку на московского патриарха и сыгравший ведущую роль в обновленческом расколе церкви, В.Н. Львов уже представляет своего рода загадку и вызывает интерес у историка.

В литературе В.Н. Львов представлен, с одной стороны, как реформатор церкви¹, с другой – ее разрушитель², национал-большевик³ и «член масонского антирусского заговора»⁴.

Деятельности В.Н. Львова в Государственной Думе посвящены статьи А.А. Дорошенко, в которых прослежен путь В.Н. Львова от октябриста к умеренно-правым⁵. Цель данной статьи – выявить идейные воззрения В.Н. Львова, доказать, что стержень этих воззрений оставался неизменным.

Хотя В.Н. Львов в начале своей политической карьеры принадлежал к либерально-консервативной партии октябристов, для него были неприемлемы идеи либерализма. Уже в 1907 году он в своих речах, прочитанных в самарском отделении «Союза 17 октября», заявлял о неприятии либеральной идеологии, противопоставляя конституционализм либерализму. Он считал, что «конституционализм древнее либерализма»⁶. Львов полагал, что либерализм есть учение о свободе личности, основанной на могуществе разума, но свобода, как писал В.Н. Львов, «принадлежит только Богу, человеку она дается в усеченном виде» и, «подчиняя себе разум, есть источник зла в личной и в общественной жизни»⁷.

Идее личной свободы человека В.Н. Львов противопоставлял идею демократии (верховенства закона), позволяющей ограничить как

произвол отдельных личностей, так и государственных чиновников и самого монарха. «Средневековые феодальные конституции, или английские старые конституции стояли на страже законности... Конституция есть такой государственный порядок, в котором в силу основного закона власть монарха ограничивается представительным собранием,»⁸ – заявлял он.

Будучи лидером, и избранный в III Государственную Думу как октябрист, он не мог согласиться с принципами либерализма, которыми руководствовалась

* © Дорошенко А.А. – кандидат исторических наук

данная фракция, прежде всего с умалением Православной церкви в обществе, и вскоре примкнул к консерваторам конституционалистам – умеренно-правым. В IV Думе В.Н. Львовым совместно с П.Н. Крупенским была основана консервативно-конституционная фракция Центра.

При обсуждении правительственной декларации в IV Государственной Думе В.Н. Львовым была произнесена знаменитая фраза, что «когда общество выражается решительно за реформы, то их нужно дать вместо того, чтобы они были взяты»⁹, т.е. опять проводил свою мысль, что власть должна быть подчинена мнению общества.

Будучи лидером фракции центра, вошедшей в 1915 году в Прогрессивный блок, он был выдвинут на пост обер-прокурора св. Синода. Касаясь своего решения вступить в Прогрессивный блок, В.Н. Львов заявлял, что впервые эта инициатива исходила от И. Л. Горемыкина, который обратился к будущим членам блока со словами «поддержите нас», что само образование Прогрессивного блока было вызвано необходимостью «дать устой власти», что И. Л. Горемыкин этого «не понял» и «рука с его стороны осталась непротянутой». В итоге, отказавшись от поддержки общества в лице Государственной Думы, правительство полностью лишилось всякого авторитета, в результате чего «Совет министров... сам становится очагом анархии»¹⁰. Таким образом, В.Н. Львов считал, что правительство попало под власть «темных сил» из-за своей обособленности от общества, что, не подчиняясь закону общества, оно потеряло всякую опору под собой.

Но и само общество, чтобы служить надежной опорой власти, должно быть единым: «Если и мы позволим, чтобы и русское общество раздиралось на клочки партиями... то мы сами будем предметом разложения и анархии»¹¹. Таким образом, В. Н. Львов признавал необходимым за обществом право контроля над правительством, но само это общество, по его мысли, должно быть единым.

В.Н. Львов был выдвигаем Прогрессивным блоком на пост обер-прокурора Св. Синода, но отказался занять пост помощника (заместителя) обер-прокурора св. Синода, мотивируя свое решение тем, что «это несовместимо с достоинством общественного деятеля и государственного человека», т.к. «государственная власть... вторгается в догматические и канонические вопросы... что не допустимо по апостольским и каноническим правилам церкви православной»¹².

Понимая, что прекратить вмешательство государства в церковные дела может только реальная независимость церкви от государства, заняв долгожданный пост обер-прокурора св. Синода после февральской революции, В.Н. Львов сделал первые шаги по восстановлению патриаршества в России. 10 (23 июня) синод объявил о начале выборов делегатов на собор с целью избрания патриарха (избрание произойдет в июле 1918 года). 5 августа Временное правительство ликвидировало Св. синод. На месте Синода возникло министерство вероисповедания, во главе которого стал молодой доцент духовной академии А.В. Карташев. Объективно оценивая деятельность В.Н. Львова во Временном правительстве, можно сказать, что она имела явно положительный аспект – были сделаны первые шаги по усилению независимости Православной церкви от государства и введение патриаршества в России, что явилось, пожалуй, единственным по-

зитивным шагом Временного правительства. После своего устранения от руководства религиозными делами В.Н. Львов начал собственную политическую интригу, сыграв зловещую роль в выступлении генерала Л.Г. Корнилова, когда передал «ультиматум» А.Ф. Керенскому, написанный якобы от имени Лавра Георгиевича и сказав самому Корнилову о якобы поддержки того Керенским. По всей видимости, мотивом этого поступка В.Н. Львова были, помимо боязни за собственные земельные владения, также и опасения за судьбу страны, понимание того, что общество, раздираемое партийными и социальными противоречиями, само становится источником анархии и не может служить твердой опорой власти и нуждается в сильной руке. После провала корниловского выступления, прихода к власти большевиков и гражданской войны, В.Н. Львов эмигрирует. В 1921 году он выпускает брошюру «Советская власть в борьбе за русскую государственность». В ней утверждалось, что советская власть – это возвращение к традиционным формам русской жизни, и, несмотря на декларируемую интернациональную цель – мировую революцию – служит русским национальным интересам. Особенно ценным было замечание В.Н. Львова: «Совет есть осколок общинного самоуправления»¹³. Подобные идейные воззрения оказались нужны новой власти и в 1922 году В.Н. Львов возвращается на родину.

Таким образом, несмотря на кажущиеся резкие перемены во взглядах В.Н. Львова, стержень их был одинаков – отрицание прав свободной, ничем не ограниченной личности, принцип подчиненности ее законам как божественным, так и людским, выраженным в коллективном мнении представительного органа, в свою очередь выражающего мнение всего общества.

Таким образом, старый самодержавный строй в силу того, что он не захотел опираться на народное представительство, не сумел ограничить личностный произвол собственных чиновников, не выстоял. Общество после свержения монархии само оказалось не цельным, в замен ему пришло советское общество, опирающееся, как считал В.Н. Львов, на широкие традиционные слои русского народа, представленные Советами, не раздираемые внутренними противоречиями и через Советы проводящее свою волю и ограничивающее всякий личностный произвол.

Но на деле В.Н. Львов не сумел обуздать свою собственную личность и уйти от им созданного мира иллюзий. Многие, что ему казалось положительным, приобрело самые негативные формы: советы в итоге оказались придатком командно-административной системы, «живая церковь», в становление которой он принимал активное участие, становилась целиком зависимой от боготорческой власти.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Поспеловский, Д.В. Русская православная церковь в XX веке / Д.В. Поспеловский. – М., 1995.

² Мосс, В. Православная церковь на перепутье (1917-1929) / В. Мосс. – СПб, 2001.

³ Агурский, М.С. Идеология национал большевизма / М.С. Агурский. – М., 2003.

⁴ Платонов, О.А. Терновый венец России: Тайная история масонства / О.А. Платонов. – М., 1996.

⁵ Дорошенко, А.А. В.Н. Львов против А.И. Гучкова. Позиция лидера самарских октябристов по вопросу о старообрядцах / А.А. Дорошенко // Самарский край в жизни и творчестве выдающихся личностей: «Самарский край в контексте мировой культуры». Сборник статей и материалов международной научно-практической конференции. – Самара, 2003; Дорошенко, А.А. Деятельность князя В.Н. Львова в Государственной Думе Российской империи / А.А. Дорошенко // Самарский край в контексте российской истории. II Международная научно-практическая конференция. – Самара, 2002.

⁶ Львов, В.Н. Программные статьи и речи в самарском отделе «Союза 17 октября» / В.Н. Львов. – М., 1907. – С. 7-30.

⁷ Там же.

⁸ Там же. – С. 33.

⁹ Государственная Дума. Четвертый созыв: Стенографические отчеты. Сессия I. Часть 1 Стб.458.

¹⁰ Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. – М., 2002. – С. 624-626.

¹¹ Там же. – С. 626.

¹² Там же. – С. 627-629.

¹³ Львов, В.Н. Советская власть в борьбе за русскую государственность / В.Н. Львов. – М., 1921. – С. 64-65.

Н.А. Санникова*

**ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
В ПЕРЕПИСКЕ И ТВОРЧЕСТВЕ Н.К. ТИХАНОВА**

Творчество самарского писателя Николая Кузьмича Тиханова мало известно современному читателю. Однако оно, помимо своеобразие и определенных литературных достоинств, является отражением особенностей жизни и мышления представителей отечественной интеллигенции 1920-1970-х годов. Писателю принадлежат многочисленные рассказы и сказки, повести и пьесы, сибирская эпопея «За морями страны далекие». Девять раз произведения его издавались Куйбышевским книжным издательством, неоднократно публиковались центральными издательствами страны. Он выступал на страницах периодических изданий, на телевидении.

Н.К. Тиханов был членом Союза Советских писателей, Литературного фонда СССР, являлся делегатом 1-го Учредительного съезда Союза писателей РСФСР¹. В личном фонде писателя, хранящемся в Государственном архиве Самарской области, собрана его обширная переписка: с правлениями СП СССР и РСФСР, с местными и московскими писателями, с Куйбышевским книжным издательством, с издательством «Советский писатель», с рецензентами, школьными учителями и учениками, почитателями таланта и друзьями.

Николай Кузьмич был участником Первой и Второй мировых войн. В годы Великой Отечественной войны был на фронтах под Ростовом, Воронежем и на Курской дуге в качестве сапера, старшины роты и военного корреспондента². Военная тема не могла не волновать писателя и получила отражение в ряде его произведений. Прежде всего, безусловно, следует назвать его повесть «Други и недруги», написанную в 1958-1959 гг.³. Она вызвала неоднозначные суждения, не всегда лицеприятную критику, перерабатывалась автором, издавалась долго и мучительно. В переписке с самыми различными корреспондентами писатель поднимал вопрос о рецензировании повести, ее обсуждении и издании.

Особое место в переписке занимает корреспонденция фронтового друга Н.К. Тиханова, журналиста Антона Харитоновича Неборака. Сохранились 20 писем и открытка, присланные писателю в 1944-1978 гг. Сохранился также черновик одного из ответных писем Тиханова. Эти послания являются живым свидетельством того, как складывались судьбы фронтовиков во время Великой Отечественной войны и после ее окончания⁴.

Первое письмо А.Х. Неборака датировано 25 июля 1944 года. При его прочтении становится ясно, что фронтовые друзья Антона Харитоновича считали, что он погиб весной 1943 г. в бою в районе с. Низы под Сумами, где полегла вся его саперная рота. Однополчанин описывает бой: «Скажу коротко: это был ад», –

* © Санникова Н.А. – доцент кафедры отечественной истории и историографии Самарского государственного университета

и его подробности, гибель товарищей: «Навсегда умолк богатырь Анисимов – белокурый младший лейтенант. Он все, бывало, пел «Спят курганы темные». А сколько еще погибло чудесных ребят». Немцы во много раз превосходили и численностью, и вооружением. Сопrotивляясь, бойцы использовали оружие, добытое в бою у врага.

Сам Неборак был трижды ранен, в том числе разрывной пулей в лицо. Пять с половиной суток он пролежал в сарайчике, куда удалось доползти, на холоде, без перевязки, воды и пищи. На шестые сутки его нашла хозяйка сарая, передела в крестьянское платье, и, вместе с другими колхозницами, переправила в соседнее село, в гражданскую русскую больницу, где он пять месяцев пролежал под вымышленной фамилией. Персонал больницы, спасая Антона Харитоновича, прибегал к всевозможным хитростям. А когда началась «Орловская битва» (по выражению Неборака – Н.С.), его прятали в ямах, бурьяне. Потом пришли советские части, и он был отправлен в госпиталь. Письмо Н.К. Тиханову он писал уже будучи в действующей армии⁵.

Судя по тому, что следующее сохранившееся письмо датировано 18 февраля 1965 года, судьба развела однополчан после окончания войны. В «Литературной газете» к 70-летию Н.К. Тиханова была опубликована статья, посвященная его творчеству. Прочитав ее, Антон Харитонович написал письмо фронтовому товарищу. Завязалась переписка, которая продолжалась до смерти писателя в 1978 году. Она свидетельствует, что двух людей связывала настоящая дружба. На страницах писем – все, что их волновало и объединяло, перипетии жизни, интересы.

В первом послевоенном письме А.Х. Неборак рассказал, как складывалась его жизнь после войны. Демобилизовавшись в начале 1947 года, он жил в Киеве, 12 лет работал в газете «Радянська Україна», а затем редактором фотохроники Радио-Телеграфного Агентства Украины⁶. Антон Харитонович был значительно моложе Н.К. Тиханова (родился в 1912 г.), но полученные на фронте ранения давали о себе знать. Ему то давали инвалидность, то снимали ее. Но хлопотать о каких-либо льготах он не любил, хотя и писал о причиненных обидах. В письмах часто можно встретить упоминание о том, что он или Тиханов получали послания друг другу, находясь на излечении в больнице, санатории или попросту дома⁷. О нездоровье писали мало, больше внимания уделяли военным воспоминаниям и тому, как отразились военные реалии в творчестве Николая Кузьмича.

Антон Харитонович дважды бывал в Куйбышеве. Первый раз – во время войны. В письме от 28 ноября 1967 года (в тот день в Киеве выпал снег), Неборак вспоминал Безымянку, где был примерно в то же время в 1941 г. Стояли морозы за 40 градусов. Второй раз Куйбышев он посетил уже в мае 1975 г., куда ездил в годовщину 30-летия Победы. Ехал через места, где воевали оба друга. Познакомился с семьей Н.К. Тиханова, встретился с друзьями военного времени: «Волнующие и приятные воспоминания». Но к этому примешивалась и печаль: «Когда-то на фронте у нас врагами были фашисты, нынче – иные враги – болезни. Надо и с ними бороться, держать свой жизненный рубеж как можно дальше»⁸.

А.Х. Неборак постоянно интересовался творчеством своего фронтового друга. Поздравил с выходом повести «Жар-птица» в издательстве «Советский писатель» в 1966 году: «Ведь не всякому удастся напечататься в «Советском писателе». Сообщал, что прочел в журнале «Новый мир» в 1970 году рассказ «Побег» и находится под сильным впечатлением. Обращался с просьбой написать статью о героизме саперов 1-й роты 102 инженерно-минного батальона и опубликовать в газете в связи с 20-летием Победы. Н.К. Тиханов прислал ему вырезку из «Волжской коммуны» со своим интервью о событиях Великой Отечественной войны, а в 1978 г. – свою книгу «Заветное»⁹. Антон Харитонович предпринимал попытки опубликовать в Киеве произведения Тиханова, в том числе его сказки в детском издательстве «Веселка», и огорчался тщетностью своих усилий. Писал в редакцию «Литературной газеты» по поводу равнодушия и невнимательного отношения к Николаю Кузьмичу. В одном из своих писем он отмечал: «... Никогда не думал, что в центральной писательской газете сидят такие чинуши и бюрократы»¹⁰.

И, конечно же, более всего Антона Харитоновича волновало, как на страницах произведений Н.К. Тиханова получала отражение тема войны. Это видно по его воспоминаниям о военной времени, по благодарности, которую он выражал за рассказы «Военная падь», «Саперы», и, особенно за то, что в повести «Други и недруги» писатель вывел образы боевых друзей Неборака. Прототипом одного из литературных героев, Антона Харитоненко, в повести стал сам А.Х. Неборак. Писатель увековечил имя фронтового товарища, хотя в книге присутствовал и вымысел, и более свободное обращение с фактами. Неборак с пониманием отнесся к этому – речь шла о художественном произведении, хотя в письме уточнял детали прошедших событий. В 1973 г. Антон Харитонович поздравил друга с тем, что повесть «Други и недруги», к названию которой автор вначале прибавлял слова «записки сапера», наконец была опубликована. Из редакции газеты «За Родину» Приволжского военного округа А.Х. Небораку, в свою очередь, прислали в 1975 г. номер со статьей о встрече ветеранов бригады, где служили Антон Харитонович и Николай Кузьмич, а также рецензии на книги Тиханова «Други и недруги» и «Во имя жизни»: «Чуткие, отзывчивые люди», – писал он своему фронтовому товарищу¹¹.

Обращение Н.К. Тиханова, писателя, пережившего войну и участвовавшего непосредственно в боевых действиях, к теме Великой Отечественной было закономерным. Он посвятил этой теме целый ряд своих рассказов, очерков и уже упомянутую повесть «Други и недруги». Написанная в конце 1950-х годов, повесть была опубликована Куйбышевским книжным издательством только в 1973 году¹². Долгие годы ушли у писателя на многочисленные попытки опубликовать свое произведение, на переписку с правлениями СП СССР и РСФСР, где рецензировалась его рукопись, на ее доработку соответственно полученным замечаниям и советам рецензентам.

Уже отмечалось, что отношение к повести было неоднозначным. Справедливости ради отметим, что никто из рецензентов не отвергал значимости произведения, однако многие рецензенты отмечали, что рукопись повести требо-

вала доработки, поскольку первоначальные варианты ее страдали явными недостатками. Н.К. Тиханов, будучи уже пожилым и, вместе с тем, творческим человеком, болезненно воспринимал критику. Это видно из переписки с московским писателем Сергеем Александровичем Бондариним, с которым его связывали дружеские и достаточно доверительные отношения. С.А. Бондарин неоднократно помогал публиковать произведения Николая Кузьмича, представлял его интересы в Правлениях СП СССР и РСФСР, за что его обвиняли в желании помочь своему «приятелю» в ущерб качеству литературы. В одном из своих писем Тиханову он писал: «Немало времени, нервов и усилий потрачено на попытку восстановить справедливость, как понимаем ее мы с Вами, но – уввы! – все свелось к непосильной и безнадежной борьбе с уязвленным самолюбием властных литературных бюрократов...». Но тот же С.А. Бондарин принял живейшее участие в судьбе повести «Други и недруги». Будучи профессионалом, он видел недостатки первоначального варианта повести и прислал Николаю Кузьмичу рецензию известного литературного критика Федора Марковича Левина: «... Мнение Левина о Ваших работах, человека доброжелательного и очень опытного, Вам нужно знать»¹³.

Ф.М. Левин принадлежал к тем рецензентам, которые доброжелательно и одновременно объективно отнеслись к повести «Други и недруги». В их числе можно назвать писателя В. Корнилова и критика Н. Юртаева. Самый благожелательный отзыв был дан рецензентом военной комиссии Союза писателей СССР В. Рудным. Им была отмечена достоверность, как бесспорное качество рукописи: «... Чувствуется, что автор свободно владеет материалом, пишет о том, что хорошо знает. Очень естественно показаны семейные связи, фронт и тыл, что не так-то часто удается авторам произведений о войне. Хорошо передана атмосфера воинской службы, взаимоотношения людей... Книга написана профессионально, хорошим языком и носит характер записок. Судьба автора рассказа – сюжетный стержень рукописи. События излагаются хронологически, чувствуется точка зрения опытного, пожившего человека с устойчивым мировоззрением, установившимися взглядами, наблюдательного, умеющего оценивать окружающих людей...»¹⁴.

Однако другие рецензенты, отмечая достоинства рукописи, называли и ее недостатки. Отмечалась недоработка композиционно-образной системы, схожесть повести с мемуарной литературой, длинноты в рассуждениях персонажей, неровность художественного уровня произведения. Рецензенты полагали, что произведение требовало авторской доработки¹⁵. Многие замечания проистекали, скорее всего от жанра, который выбрал автор. Николай Кузьмич называл свое произведение «записками» – «записками сапера». Этот жанр определял художественные особенности повести. В ней нет сквозного острого сюжета, действие определяется движением самого автора по дорогам войны и встречами его с людьми. Некоторых своих героев, в том числе Антона Харитоненко, вмещавших в себя яркие черты народного духа, Николай Кузьмич прослеживал на различных этапах войны, с любовью выделяя такие черты характера, как скромность и самоотверженность, трудолюбие и стойкость, уважение к людям

и душевную чистоту. Как отмечал В. Корнилов: «Пристальное внимание автора к мирным людям, бойцами пришедшими на войну, и его раздумья о советских людях, о Родине и о войне, отвечают тому названию, которое Н. Тиханов дал своим «Запискам» – советские друзья перед лицом своих недругов»¹⁶. Однако выбранный писателем жанр, в первую очередь, и позволял упрекать его в мемуарности, композиционной недоработанности повести. Его упрекали в увлечении второстепенными подробностями, малозначительным материалом, не всегда интересными бытовыми сценками и даже в общих патетических рассуждениях о смысле жизни¹⁷. Хотя изначально Тиханов не претендовал на полное и объемное отображение Великой Отечественной войны. И, по сути, его часто упрекали именно за индивидуальный, собственный взгляд на войну и поведение людей в военные дни.

В повести нет гигантских танковых боев, описания партизанской войны и шествия советских войск по Европе. Н.К. Тиханова интересовало другое – судьбы людей военного времени. «Записки сапера» пересыпаны пословицами, поговорками, оригинальными песнями и сказаниями такого плана, которые помогают лучше представить, почувствовать настроение персонажей и ту ситуацию, в какой они живут и действуют. Может быть именно поэтому повесть «Друзья и недруги» вызвала такую поддержку однополчанина Тиханова А.Х. Неборака. Как отмечал В. Корнилов, впрочем как и многие другие рецензенты, «... Это скромное по замыслу произведение отразило Отечественную войну в самом ее существе – как войну Народную... произведение своеобразное и интересное...»¹⁸. Тем не менее, прошло немало лет, пока повесть Н.К. Тиханова была опубликована Куйбышевским книжным издательством.

Николай Кузьмич был известен как писатель-прозаик. Но, судя по материалам архива, он писал и стихи. Сохранились стихотворения за 1915-1962 годы. И две трети из них посвящены военной тематике, годам Великой Отечественной войны. Часть стихов была написана в военные годы, часть – после окончания войны. Впечатления военного времени не оставляли фронтовика. Стихотворение «В прах развеем мы силу разбойную» было напечатано во фронтовой газете «За Отчизну» 7 февраля 1942 года за подписью «командир отделения Н. Тиханов»¹⁹. В нем Николай Кузьмич следует стилистике народного эпоса:

«Ты добра, вор, не трогай нашего,
Мы с лихвою с тобой рассчитаемся
За людей, за детей позамученных.
За глумление да кровь их безвинную
И за все за дела за злодейские...».

Прошло уже более 60 лет после окончания Великой Отечественной войны. Ушли из жизни многие ее участники, свидетели прошедших дней. Тем более важным и интересным представляется то документальное и творческое наследие, которое они оставили нынешним и будущим поколениям, и та его часть, которая принадлежит куйбышевскому писателю и фронтовику Николаю Кузьмичу Тиханову.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Государственный архив Самарской области (ГАСО). – Ф. Р-233. – Оп. 1. – Д. 103. – Л. 1; – Д. 104. – Л. 1, 4.
- ² Там же. – Д. 104. – Л. 1-2.
- ³ Там же. – Д. 20-23.
- ⁴ Там же. – Д. 75.
- ⁵ Там же. – Л. 1-3.
- ⁶ Там же. – Л. 4.
- ⁷ Там же. – Л. 23, 29, 30.
- ⁸ Там же. – Л. 4, 9, 18, 19, 30.
- ⁹ Там же. – Л. 14, 25, 5, 19, 40.
- ¹⁰ Там же. – Л. 13, 19, 42, 35.
- ¹¹ Там же. – Л. 4, 11, 14, 25-26, 34-35, 37, 40.
- ¹² ГАСО. – Ф. Р-233. – Д. 9.
- ¹³ Там же. – Д. 80. – Л. 26, 39.
- ¹⁴ Там же. – Д. 165. – Л. 32-36.
- ¹⁵ Там же. – Л. 8-10, 16, 21, 24, 31.
- ¹⁶ Там же. – Л. 8.
- ¹⁷ Там же. – Л. 37, 42.
- ¹⁸ Там же. – Л. 4, 14.
- ¹⁹ ГАСО. – Ф. Р-244. – Оп. 1. – Д. 68. – Л. 6.

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

П.С. Русяев*

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЧЛЕНОВ ИМПЕРАТОРСКОЙ ФАМИЛИИ В ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I (ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА)

Начало XIX века российской истории связано с правлением Александра I. Государя окружали ближайшие родственники, число которых по сравнению с предыдущим столетием увеличилось. В 1797 г. появился документ «Учреждением об императорской фамилии», регламентировавший наследование престола, титул, герб и денежное содержание монарха и его близких. В этом акте появился термин «императорская фамилия». Внутри нее сложились определенные взаимоотношения, которые можно трактовать как часть повседневности, характеризующую степень их вмешательства в государственные дела, роль в принятии политических решений и особенности общения между собой. Повседневная жизнь членов императорской фамилии – это целостный социокультурный мир, складывающийся из быта, уклада, ближайшего окружения, характера и пристрастий¹. Интерес к правлению Александра I не угас и в настоящее время, поэтому для историка будет важно сформулировать определение императорской фамилии, проанализировать концепций отечественных и зарубежных специалистов относительно взаимоотношений ее членов, выявить лакуны и изложить свое видение проблемы, исходя из современного уровня исторического знания.

В литературе появилось много терминов, которыми обозначали императорскую фамилию. В нормативных актах и повседневной практике императорской России употребляли термин «императорская фамилия», которым необходимо пользоваться в научном обороте. Основываясь на справочной и научной литературе, следует сформулировать определение императорской фамилии². Императорская фамилия – это совокупность физических лиц (агнатов и когнатов) разных поколений, которые состоят в кровном законном родстве с царствующим монархом и могут ввести в это родство других подобных своему сану физических лиц через юридическое заключение брака. Агнатами в немецком и австрийском праве называются мужские члены фамилии, а когнатами проис-

* © Русяев П.С. – аспирант кафедры российской истории Самарского государственного университета

ходящие от мужчин данной фамилии женщины и их потомство. Когнаты обладают определенными правами до того момента, пока не выйдут замуж. Как только это происходило, то они юридически теряли привилегии, хотя оставались членами императорской фамилии фактически. В определении можно выделить две группы. В первую входят агнаты и когнаты. В первой половине XIX века в России количество этих людей было очень небольшим. Во вторую группу входят члены императорской фамилии, получившие статус через юридическое заключение брака с агнатами. К ним относятся царствующая и вдовствующая императрицы, супруга наследника и супруги агнатов. Они все приобретают титулы, содержание, ливрею и герб своих супругов. Здесь особое положение занимает царствующая императрица, причем даже если она остается вдовой, то она имеет ряд преимуществ перед супругой царствующего монарха³.

Таким образом, одну группу императорской фамилии, в 1801-1825 гг. составляли дети императора Павла I: император Александра I, великие князья Константин и Николай Павловичи, великая княгиня Екатерина Павловна. Были еще великие княжны Мария Павловны, Анна Павловна и Елена Павловна, но они вышли замуж за представителей владетельных домов Европы и в России не жили. Во вторую группу входили императрицы Мария Федоровна, Елизавета Алексеевна и супруга Николая Павловича Александра Федоровна и супруга великого князя Константина Анна Федоровна. Изучение сосредоточилось на личностях императора Александра I, великих князей Константина и Николая, императриц Елизаветы Алексеевны и Марии Федоровны, так как все они жили в России и имели непосредственное, частое общение с царствующим монархом.

Что касается отечественной историографии, то работы следует разделить на несколько групп. В первую очередь внимания заслуживают труды по истории России дореволюционных и советских специалистов: В.О. Ключевского, С.Ф. Платонова, С.Б. Окуня и А.В. Предтеченского⁴. Эти сочинения носят больше методический характер. Они были написаны для большого круга читателей для формирования наиболее полных знаний об истории России. Приоритетом было показать причинно-следственные связи важнейших процессов, событий, явлений за определенный период. По этим работам читатель в некоторых случаях может проследить авторскую позицию по проблеме взаимоотношений членов императорской фамилии.

Вторая группа – это дореволюционные исследования по правлениям Павла I, Александра I и Николая I⁵. Занимаясь исследованием истории России конца XVIII первой половины XIX веков, ученые не могли не обратить внимания на отца и младшего брата Александра I. В недолгом царствовании Павла I историков А.Г. Брикнера и Е.С. Шумигорского интересовало участие членов императорской фамилии в заговоре. Работы основаны на серьезной источниковой базе. Авторы привлекли большой круг воспоминаний на русском и иностранных языках. А.Г. Брикнер ставил цель, как можно полно реконструировать заговор и переворот. Он старался понять причины и поэтапное формирования недовольства в высшем обществе. Брикнер показал, что заговор вызрел в дворянской среде. Ученый подробно описал подготовительный этап, собственно убийство и последовавшую за этим реакцию. Важным исследованием является труд

Е.С. Шумигорского «Император Павел I». Для историка цель заключалась в анализе внутренней политике государя. Он работал с источниками по политической и социальной истории. Ученый обратил внимание на поведение ближайшего окружения после убийства и сосредоточил внимание на первых днях нового царствования. Позиция автора четко видна в анализе исторической действительности. Сочинения по правлению Александра I нередко представляют собой многотомные издания. Первыми приступив к исследованию эпохи, авторы ставили цель написать фундаментальные и обобщающие работы. В них они реконструировали политическую, экономическую, социальную и культурную историю. Эти труды Н.К. Шильдера, М.И. Богдановича, А.Г. Брикнера, И.А. Галактионова, А.Ф. Бычкова стали классическим. Нельзя не отметить труды по истории первой четверти XIX века и царствования Александра I, председателя Русского исторического общества в 1909-1917 гг. великого князя Николай Михайлович Романова. Без его исторических изысканий историкам было бы сложно изучать данную эпоху. Его не назовешь историком-профессионалом, но заслуживают внимания новая проблематика его сочинений: жизнь и деятельность выдающихся государственных деятелей, дипломатические отношения, личности и взаимоотношения внутри императорской фамилии. Именно с него начинается историографическая традиция обращать внимание на отдельных членов семьи императора. По мере дальнейшего изучения, выбор предмета исследования вытекал из выделения отдельных сюжетов и привлечения новых источников.

Третья группа – это исторические сочинения о жизни отдельных членов императорской фамилии. Постепенно специалисты-историки выделяли и изучали сюжеты, в которых проявлялись взаимоотношения монарха с родственниками. В связи с этим биографическая линия в исследованиях проявлялась все ярче. Появились великолепные жизнеописания императриц Елизаветы Алексеевны, Марии Федоровны, великого князя Константина Павловича в сочинениях Николая Михайловича Романова, Е.С. Шумигорского, Е.П. Карновича, основанные на широкой источниковой базе⁶. В сочинениях ставилась цель показать особенности жизни, быта, уклада, личности и окружения человека. В данных работах перед читателем впервые подробно предстает повседневная история. Следует отметить большую работу, которую провели историки, выступавшие как биографы. Исторические персонажи, жизнь которых они исследовали, стали их главным объектом. Новая проблематика требовала от них вводить в научный оборот важные источники и выработать новую методологию. Работы выполнены на высоком уровне и включают в себя большой комплекс информации. Читатель видит в них основные принципы историографической традиции того времени.

Историки дореволюционной школы осторожно изучали членов императорской фамилии и их взаимоотношения по двум причинам. Во-первых, существовало правило не вмешиваться в частную жизнь представителей царствующего дома, чтобы случайно или преднамеренно никого не опорочить. Во-вторых, нужны были личные источники, а они являлись частной собственностью членов императорской фамилии и посторонним в руки попасть не могли. Предста-

вители дореволюционной школы были близки к выработке методологии в исследовании подобных феноменов, основываясь на достижениях отечественной науки в области теории познания истории и опыте западных философов. Если для дореволюционных специалистов были объективные запреты, то для советских авторов данная проблема просто не могла представлять интереса в связи с изучением социально-экономических факторов развития общества.

Четвертая группа – это работы отечественных историков, которые уделяли особое внимание проблеме благотворительного устройства России⁷. В конце XVIII-первой половине XIX веков складывается императорская благотворительная патронажная система. Историки ставили в статьях и монографиях проблемы начала широкой благотворительной политики. И видно, что участие именно женщин императорской фамилии в благотворительности надолго закрепилось. Все историки приходят к мнению, что именно оформление централизованной системы благотворительности относится к указам Екатерины II. И при характеристике участия членов семьи монарха стоит отметить работу П.В.Власова «Благотворительность и милосердие в России». Хронологические рамки очень большие от Киевской Руси до начала XX века. Автор ставил цель собрать и выделить главные вехи в благотворительности на примере столичных регионов. Ко времени правления Александра I относятся несколько глав книги, в которых автор упоминает достижения императриц Марии Федоровны и Елизаветы Алексеевны. Менее подробно он касается и других женщин членов императорской фамилии. Работа не дает системного представления об их деятельности. В ней описываются лишь частные случаи и локальная история отдельных зданий и учреждений: больниц, тюрем, воспитательных домов и так далее. Но читателя привлекает признание автором заслуг членов императорского дома в организации, покровительстве, патронаже и передачи по наследству некоторых прав на благотворительность. Для историков труды этой группы важны для реконструкции механизма управления, чтобы увидеть возможность реализации власти.

Пятая группа исторической литературы включает в себя сочинения советских и современных авторов по правлению Александра I⁸. В советской историографии трудов, в которых бы рассматривали взаимоотношения членов императорской фамилии немного. Историки ставили задачу анализировать характер Александра I и его родственников, так без этого нельзя было понять некоторые события. В научный оборот вводили неизученные источники и высказывали новые точки зрения. Советским ученым было невозможно изучать императорскую фамилию не только из-за методологических установок. Причина заключалась в утрате принципов, подходов, методов и приемов в связи с крахом дореволюционной школы. В современной российской историографии эта проблематика только начинает изучаться. В 1990-е годы появились новые работы. Постепенно накапливается опыт исследования подобных сюжетов. Иллюстрацией служат работы А.Н. Сахарова, С.В. Мироненко и В.А. Федорова.

Шестая группа – это сочинения ученых, получивших образование до революции, но затем эмигрировавших. В них представлены традиции исследования повседневной истории и новые, интересные концепции. Великолепным

примером являются труды М.В. Зызыкина «Царская власть и закон о престолонаследии в России» и Н.Ульянова «Северный Тальма»⁹. Особенно заслуживает внимание это историко-правовое исследование М.В. Зызыкина, так как автор глубоко изучил эволюцию закона о престолонаследии со времен московской Руси до 1917 года. Ученый ставил цель увидеть преемственность с исконно русскими традициями и показать европейские заимствования. Источниковой базой для него послужили юридические документы стран Европы и России. Автор показал, что с развитием и усложнением государства, закон о престолонаследии также вынужден был изменяться. С Павла I установился тот порядок престолонаследия, который просуществовал до падения монархии. Зызыкин обозначил, что именно император Павел заимствовал из немецких и австрийских правовых норм. Благодаря этой работе можно найти многие определения и их значения, а также термины, которыми обозначали представителей царствующего дома.

И последняя группа – это сочинения зарубежных историков¹⁰. Заслуживают внимания два крупных, многотомных исследования, посвященных внешней политике Франции. Это труд А. Сореля «Европа и французская революция» и А. Вандаля «Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время первой империи». Авторы ставили перед собой цели проанализировать внешнюю политику Франции в конце XVIII – первой четверти XIX века и увидеть ряд закономерностей. Монографии основываются на репрезентативной источниковой базе. Главными были дипломатические документы французских и европейских государственных деятелей. В сочинениях присутствуют ссылки на ряд интереснейших и важнейших донесений послов, речей монархов и их министров. В трудах историки уделяли большое внимание взаимоотношениям Франции и России, которые в итоге привели к войне 1812 года. Авторам была любопытна проблема вмешательства членов императорской фамилии в ряд решений. Историки анализировали донесения послов, в которых непременно содержалось мнение не только Александра I, но и Марии Федоровны, и Екатерины Павловны. Именно французские историки поставили серьезный вопрос о желании Наполеона породниться с Романовыми. В отечественной литературе на него стали обращать внимание только после зарубежных публикаций. Авторские позиции четко просматриваются. Ученые высказали ряд любопытных положений. Таким образом, работы А. Сореля и А. Вандаля схожи между собой по проблематике. Следует отметить две работы немецкого исследователя Т. Шимана: монографию «Император Александр Первый» и статью «Император Александр Павлович и его двор в 1804 году». Первый труд написан в традициях историко-политического исследования, основанного на большом круге источников. Позиции автора прописаны четко, он стремился быть максимально объективным в своих положениях. Для Шимана были также традиционные сюжеты о государственной политике alexандровского царствования. Но историк уделял внимание представителям императорской фамилии. Он выделил ряд сюжетов, в которых они принимали определенное участие. В статье Шиман хотел показать обстановку, которая сложилась в первые годы царствования нового государя. Для него важно было проанализировать расстановку сил и ближайшее окруже-

ние каждого из членов фамилии. Причем он обращал внимание на формальных и неформальных лидеров в этих группировках, что дает материал для дальнейшей реконструкции взаимоотношений.

Подводя итог историографическому обзору, следует отметить, что правление императора Александра I получило глубокую и всестороннюю разработку в исторической науке. Историки выделяли определенные события и явления, на примере которых рассматривали взаимоотношения императора с родственниками. Следуя периодизации, предложенной Н.К. Шильдером, надо сказать, что в трех периодах этих сюжетов не так уже и много: заговор и дворцовый переворот против Павла I, вмешательство во внутреннюю и внешнюю политику, отставка М.М. Сперанского и Отечественная война, вопрос с престолонаследием. Историография сюжета взаимоотношений членов императорской фамилии демонстрирует многообразие мнений на одни и тот же сюжет. Это зависело от историографической традиции, от личности историка, поставленной цели и источниковой базы. Историографическое наследие демонстрирует сходства и различия в принципах, подходах и методах. Общее заключалось в первоочередном изучении монарха, а не в совокупности с родственниками. Различия определялись временем, в котором жил и работал ученый и вытекающим из этого выбором предмета изучения.

Вопрос о взаимоотношениях членов императорской фамилии как с точки зрения общения в жизни, так и вмешательства в политику требует отдельного изучения. Историографические лакуны заключаются в детальном изучении повседневной жизни членов императорской фамилии как целостного социокультурного мира, состоящего из быта, уклада, ближайшего окружения и характера личности, а так же властных полномочий. Каждый член императорской фамилии жил сам по себе и имел свою сферу деятельности. Юридически государь наделял их властью, а затем она увеличивалась, потому что в руках членов фамилии сосредотачивался большой материальный ресурс. Родственники императора занимались политикой по большей части не профессионально и не так систематически, как император и сановники. Иногда они невольно вовлекались в политическую орбиту. Повседневная и политическая истории тесно переплетаются: обсуждение политических вопросов входило в общение между членами императорской фамилии. Одни пользовались властью больше, другие меньше. Это зависело от личности каждого из них. Представляется актуальным обратить внимание на некоторые события, явления и факты, связанные с императорской фамилией царствования Александра I. Помимо многочисленных талантов, унаследованных и сложившихся в результате воспитания, Александр Павлович был человеком скрытным, не искренним и эгоистичным, ревновавшим окружение к единоличной власти. Вынужденный жить в окружении родственников, император стремился отгородить их от участия в политике. В первое десятилетие правления Александра I складывается новая парадигма взаимоотношений членов царской фамилии, просуществовавшая с незначительными изменениями до 1825 г. Каждый из представителей императорского дома стал искать нишу, где ему было комфортно согласно своим интересам. Мария Федоровна занималась обустройством Павловского дворцово-паркового ансам-

бля, воспитанием младших детей и занятием благотворительностью. Причем для вдовствующей императрицы было важно иметь собственный двор, штат и окружение. Близкая по характеру к вдовствующей императрицы была великая княгиня Екатерина Павловна. Историки обращали внимание на дружбу Екатерины Павловны с царственным братом. Судя по характеру великой княгини, высокому положению в Твери, авторитету в глазах ее окружения, дружбы с Н.М. Карамзиным и особому отношению со стороны императора, можно сказать, что она вполне могла осуществлять властные полномочия. Это подтверждает и ее деятельность когда она стала королевой Вюртемберга. Ряд историков склонны думать, что она стояла у истоков интриги против М. Сперанского. Противоположной личностью была царствующая императрица Елизавета. Она была больше ориентирована на внутреннюю рефлексию, душевное общение с дорогими ей людьми была совершенно чужда привычной жизни двора. Она старалась поддерживать супруга в новых начинаниях. Занятость Александра I не позволяла ему уделять жене достаточно времени, и они виделись в основном урывками. Елизавета Алексеевна понимала, что удаление вдовствующей императрицы в Павловск временное, и что затем она будет пытаться вмешиваться в дела государства. Оставаясь в стороне, Елизавета Алексеевна заметила, как Александр становится к ней равнодушен. Ее отстранение было истолковано в высшем обществе холодностью и безучастием. Постепенно Елизавета Алексеевна начинает уходить в тень по причине невнимания мужа, его измены с княгиней М.А. Нарышкиной и оппозиции свекрови. Переживания Марии Федоровны по поводу гибели супруга постепенно заканчиваются, и она начинает усиливать вмешательство в дела государства. В 1801 по 1806 гг. отношения Елизаветы Алексеевны и Александра Павловича постепенно стали напоминать брато-сестринские: у каждого из них был свой круг общения, они очень редко виделись, умер их второй ребенок. Последнее обстоятельство Елизавета пережила крайне тяжело. Видно выход из тени императрицы Елизаветы и ее активное участие в устройстве благотворительных учреждений во время войны 1812 года. После 1818 года все силы Елизаветы Алексеевны были направлены на сближение с супругом. Отношения Александра I с Елизаветой Алексеевной стали похожи на общение матери и ребенка. Елизавета Алексеевна, чувствовала себя человеком, заботящимся о муже. Но Александр не менялся: в минуты встреч и бесед, они разговаривали о политике, музыке, литературе. Отношения так и остались неискренние, и Александр Павлович не мог снять маску даже перед женой. Потом начались болезни, и все завершилось поездкой в Таганрог.

Таким образом, при изучении взаимоотношений членов императорской фамилии необходимо учитывать работы отечественных и зарубежных ученых-специалистов. В начале XIX века, появились принципиально новые тенденции. Число представителей фамилии увеличилось, они получили определенную власть, появился документ, регламентировавший ряд вопросов «Учреждение об императорской фамилии», зарубежный престиж возрос через браки с представителями иностранных владетельных домов. Эти тенденции вполне позволяют говорить об императорской фамилии как о микросоциуме, имеющем власть. В работе была предпринята попытка рассмотреть личности представи-

телей, выявить сферу интересов и деятельности, посмотреть особенности общения в кругу родственников. Необходимым было привлечение малоизученных источников, которые лучше показывают их поведение и повседневную жизнь. Современный уровень исторического знания вполне позволяет исследовать данный феномен фундаментально и комплексно. Дальнейшее его комплексное изучение поможет нам реконструировать царствование Александра I и обозначить новые направления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Новая философская энциклопедия. – М., 2001. – С. 329-330.

² Семенов, И.С. Христианские династии Европы / И.С. Семенов. – М., 2002. – С. 8; Большой энциклопедический словарь. – М., 1998. – С. 358, 1022, 1082; Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – Т. XI. – СПб., 1893. – С. 118; Зызыкин, М.В. Царская власть и закон о престолонаследии в России. София / М.В. Зыкин. – 1924. – С. 94-97, 98-102; Учреждение об императорской фамилии // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). – Т. 24. – СПб., 1830. – С. 527-530.

³ Учреждение об императорской фамилии // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). – Т. 24. – СПб., 1830. – С. 525-531.

⁴ Ключевский, В.О. Курс русской истории / В.О. Ключевский // Сочинения в 9 т. – Т. 5. – М., 1987; Окунь, С.Б. История СССР / С.Б. Окунь // Лекции. Часть 1. – Л., 1974; Окунь, С.Б. Очерки истории России / С.Б. Окунь. – Л., 1956; Платонов, С.Ф. Полный курс лекций по русской истории / С.Ф. Платонов. – Ростов на Дону. 1999; Предтеченский, А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. / А.В. Предтеченский. – М.-Л., 1957.

⁵ Брикнер, А.Г. Смерть Павла I / А.Г. Брикнер. – СПб., 1907; Шумигорский, Е.С. Император Павел I / Е.С. Шумигорский. – СПб., 1907; Корф, М.А. Восшествие на престол императора Николая I / М.А. Корф. – СПб., 1857; Богданович, М.И. История царствования Александра I и Россия в его время / М.И. Богданович. – Т. 6. – СПб., 1871; Николай Михайлович Романов, великий князь. Император Александр I. Опыт исторического исследования. – Т. 1. – СПб., 1912; Николай Михайлович Романов, великий князь. Из беседы Поццо ди Борго с бароном Мейендорфом в Вене в 1832 г. – СПб., 1910; Николай Михайлович Романов, великий князь. Письма императрицы Марии Федоровны императору Александру I // Русский архив 1911. Кн. 1; Николай Михайлович Романов, великий князь. Князя Долгорукие, сподвижники императора Александра I в первые годы его царствования. Биографические очерки. – СПб., 1901; Соловьев, С.М. Император Александр Первый. Политика – дипломатия / С.М. Соловьев. – СПб., 1877; Шильдер, Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование / Н.К. Шильдер. – Т. 1-4. – СПб., 1897-1904.

⁶ Богословский, С.К. Император Александр I и великая княгиня Екатерина Павловна / С.К. Богословский // Три века. Россия от Смуты до нашего времени. – Т. 5. – М., 1913; Карнович, Е.П. Цесаревич Константин Павлович / Е.П. Карнович. – СПб., 1899; Николай Михайлович Романов, великий князь. Императрица Елизавета Алексеевна, супруга императора Александра I. – Т. 1-3. – СПб., 1908-1909; Шумигорский, Е.С. Императрица Мария Федоровна / Е.С. Шумигорский. – СПб., 1892.

⁷ Ведомство учреждений императрицы Марии 1797-1897 гг. – СПб., 1897; Власов, П.В. Благотворительность и милосердие в России / П.В. Власов. – М., 2001; Соколов, А.Р. Российская благотворительность в XVIII-XIX веках (к вопросу о периодизации и понятийном аппарате) / А.Р. Соколов // Отечественная история. – 2003. – № 6; Фруменкова,

Т.Г. Воспитательные дома и начало светской благотворительности и общественного призрения в России в царствование Екатерины II / Т.Г. Фруменкова // Благотворительность в России. – СПб., 2003.

⁸ Пресняков, А.Е. Александр I / А.Е. Пресняков. – Пг., 1924; Федоров, В.А. Александр I / В.А. Федоров // Вопросы истории. – 1990. – № 1; Сахаров, А.Н. Александр I. К истории жизни и смерти / А.Н. Сахаров // Наука и жизнь. – 1993. – № 4; Сахаров, А.Н. Александр I / А.Н. Сахаров. – М., 1998; Мироненко, С.В. Тайная история самодержавия / С.В. Мироненко. – М., 1990.

⁹ Ульянов, Н. Северный Тальма / Н. Ульянов. – Вашингтон. 1964; Зызыкин, М.В. Император Николай I и военный заговор 14 декабря 1825 г. / М.В. Зызыкин. – Буэнос-Айрес, 1958; Зызыкин, М.В. Царская власть и закон о престолонаследии в России / М.В. Зызыкин. – София, 1924.

¹⁰ Шиман, Т. Император Александр Первый / Т. Шиман. – М., 1908; Шиман, Т. Император Александр Павлович и его двор в 1804 г. / Т. Шиман // Русская старина. – 1880. – № 12; Вандаль, А. Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время первой империи / А. Вандаль. – Т. III. – Ростов на Дону, 1995; Валлоттон, А. Александр I / А. Валлоттон. – М., 1966; Сорель, А. Европа и французская революция / А. Сорель. – Т. 7. Континентальная блокада. Великая империя. – СПб., 1908; Хартли, Д.М. Александр I / Д.М. Хартли. – Ростов на Дону, 1998.

Е.В. Павлова*

ДВОРЦОВЫЙ ПЕРЕВОРОТ 1801 ГОДА И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

События первой половины XIX века в истории России по сей день привлекают внимание специалистов. Тем не менее некоторые темы не получили достаточного освещения и остались практически не изучены. Таковой является и тема дворцового переворота 1801 года и русского общества.

Дворцовый переворот 1801 года был последним в истории императорской России. Ему посвящены исследования, в центре внимания которых были сюжеты, связанные с ходом событий, подготовкой переворота 11 марта 1801 года и его участниками.

Данная тема интересна в связи с проблемами сакральности, харизматичности, легитимности и преемственности власти в восприятии различных слоев дворянства, духовенства, купечества, простонародья. Потому важно выявить степень разработанности данной темы в исторической науке и дать историографический обзор ее изучения.

В манифесте о вступлении на престол Александр I торжественно обещал управлять народом по «законам и по сердцу бабки своей – Екатерины Великой». Ссылка на Екатерину знаменовала в глазах современников обещание отменить все то, что было сделано Павлом. Манифест о вступлении Александра I на престол провозгласил официальную версию смерти Павла I и отношение к его политике¹.

В русской дореволюционной исторической литературе события 11 марта 1801 года долгое время замалчивались. Однако обстоятельства смерти императора Павла I были известны значительному кругу современников. В обществе ходило много слухов и анекдотов о покойном императоре, которые нашли отражение и в мемуарах. Уже через несколько лет после гибели Павла I появились работы, посвященные его личности². В них Павел I характеризовался как самодержец со всеми присущими истинному императору добродетелями, а его смерть увязывалась с внешней политикой. Авторы этих работ были современниками событий, созданный ими портрет императора носил идеалистический характер.

В работах Н.Г. Устрялова и Н.А. Полевого (30-40-е гг XIX века) император оценивался как человек, введший в политику «рыцарскую добродетель и прямодушную честность»³.

Совершенно по-иному звучала тема переворота в «Записке о древней и новой России» Н.М. Карамзина⁴, которая впервые была напечатана лишь в 1861 году в Берлине, а затем в «Русском архиве» (1870). Карамзин одним из первых в русской историографии, касаясь вопроса об убийстве Павла I, отмечал, что «зло вредного царствования пресечено способом вредным». Заговор же он счи-

* © Павлова Е.В. – аспирантка кафедры российской истории Самарского государственного университета

тал следствием ненависти, которую возбудил император своими действиями в русском обществе. По его мнению, Павел I скомпрометировал самодержавие деспотическими методами правления и стремлением ограничить свободы и привилегии дворянства.

В 1869-1871 годах вышла шеститомная работа М.И.Богдановича «История царствования императора Александра I и Россия в его время», в которой характеризуются политические настроения и надежды российского общества⁵.

В работе «Общественное движение при Александре I» А.Н. Пыпин впервые поднял вопрос о плане Екатерины II устранить Павла Петровича от наследования престола в пользу его сына Александра⁶. С точки зрения общественного движения А.Н. Пыпин обратился к анализу царствования Павла I и его фигуры. Павел I перенес на управление империей методы, основанные на произволе. Результатом действий императора был всеобщий страх и распространение «атмосферы заговора». Хотя А.Н. Пыпин не писал прямо об убийстве Павла I, он процитировал «Записку о древней и новой России» Н.М. Карамзина, особо отметив общественные настроения, связанные со вступлением на престол Александра: «весть о кончине Павла воспринималась как весть искупления». Эти настроения историк увязывал с осознанием обществом своего человеческого и гражданского достоинства. С восшествием Александра I на престол связывались надежды на установление закона и справедливости.

В.О.Ключевский в курсе лекций уделил внимание вопросу царствования Павла I, указывая, что оно было неудачной попыткой решить назревшие проблемы⁷.

В 1897 году в Германии впервые была издана на немецком языке книга А.Г. Брикнера «Смерть Павла I». В России она была опубликована только в 1907 г.⁸ В ней широко цитируются отзывы о Павле I участников переворота 11 марта 1801 года и других лиц. Опасность, угрожавшая России, возросла до такой степени, что принятие решительных мер становилось делом патриотическим, отмечал автор. Отсюда следовал вывод, что переворот 1801 года в России был спасительным для страны.

Работы Н.К.Шильдера, насыщенные выдержками из источников, так же дают представление об общественном настроении Павловского и Александровского времени⁹. Царствование Павла I Шильдер изобразил как царство непомерной жестокости, в котором «все пружины государственного строя были вывернуты». Несмотря на глубокое молчание в историографии, царившее вокруг смерти императора, Шильдер Н.К. сообщал о причинах смерти Павла, цитируя записки участников заговора, оставляя многозначительные пробелы в тех местах, где упоминалось об убийстве царской персоны.

Особенно следует отметить и его работу, посвященную царствованию Александра I. В ней выявлены политические взгляды еще наследника Александра Павловича, еще наследника, его окружения, которое и составило в дальнейшем идейный костяк переворота. Антипавловский настрой наследника раскрылся уже в его письме к Лагарпу 1797 года, в котором наследник прямо осуждал существующий порядок в России¹⁰.

По мнению В.И. Семевского причиной заговора стало деспотическое, жестокое правление, наводившее на мысль о необходимости ограничения самодер-

жавия. Деспотизм царя отразился на всей внутренней политике. Император, как отмечал В.И. Семевский, обладал «стремлением к неограниченному самовластию», что являлось своего рода навязчивой идеей.

Е.С.Шумигорский в работе «Император Павел I. Жизнь и царствование»¹¹ заявил об отрицательном влиянии мемуарной традиции на изучение личности и царствования Павла I. Павел был просвещенным государем, но режим произвола привел к тому, что «аристократия, офицеры гвардии, все люди мыслящие, – никто не был уверен в завтрашнем дне, и все чувствовали озлобление против государя, попиравшего их насущные интересы и стеснявшего даже частную жизнь»¹².

Важным событием в развитии темы переворота 1801 года и русского общества стал выход в свет сборника воспоминаний об убийстве Павла I «Цареубийство 11 марта 1801 года»¹³, во введении которого делалась попытка выяснить причины катастрофы на основе анализа издаваемых материалов. Автор предисловия отметил, что если Павел и возбуждал недовольство и ненависть, то главным образом в худших элементах гвардии и дворянства, «развращенных долгим женским правлением».

В 1912 году вышла работа великого князя Николая Михайловича «Император Александр I»¹⁴. Оценки автора достаточно конкретно раскрывают все стороны личности Александра Павловича, его настроений. В исследовании представлены отношения в царской семье в период всего царствования Александра I, касательно кончины императора Павла I автор делает акцент на участии Александра Павловича в заговоре, но высказывает сомнение в том, что остальные члены царской семьи были посвящены в это действие. В исследовании Николая Михайловича сделана попытка отразить настроения в обществе, которые царили накануне переворота и первые дни после него.

В этот период наравне с подробным изучением личности и царствования Павла I и Александра I появляются работы, в которых вопрос о цареубийстве рассматривался в контексте развития России в целом. Он был поднят в курсах лекций М.М.Богословского и А.А. Корнилова¹⁵. М.М. Богословский называл правление Павла самовластием. Основной причиной заговора он видел недовольство дворянства ломкой екатерининских порядков.

По словам А.А. Корнилова, царствование Павла перевернуло все вверх дном, а его мероприятия были проявлением правительственного гнета. Рассматривая отношение общества к фигуре императора, А.А. Корнилов обращается и к характеристике его царствования Н.М. Карамзиным: «Павел заставил ненавидеть злоупотребления самодержавия... дух искреннего братства господствовал в столицах». В лекции, посвященной времени правления Александра I, Корнилов указывал на приподнятое, «розово-либеральное» настроение общества после смерти Павла.

С.Ф. Платонов обратился к сюжету переворота, отметив личные мотивы заговорщиков, и что «напоказ» у всех было желание избавить страну от тирана и спасти императорскую семью от болезненной жестокости невменяемого¹⁶.

М.Н. Покровский трактовал переворот как «месть господствующего и привилегированного класса за попытку коснуться грубой рукой его интересов и привилегий»¹⁷. По его мнению, это означало не просто расправу с ненавистным

правителем, но и нечто новое, что стало исходной точкой дворянского оппозиционного движения первого десятилетия XIX века. По его мнению, события 1801 года связаны с заговором 14 декабря 1925 года. Сближая эти события, М.Н. Покровский придавал убийству Павла «революционный» характер, указывая на «духовное отцовство» заговорщиков по отношению к декабристам.

Вопросы цареубийства 1801 и русского общества, общественных настроений в дореволюционной историографии представлены фрагментарно. В целом же данная проблема так и не стала предметом специального научного исследования.

Советская историография не испытывала интереса ко времени правления Павла I и его личности, а так же к перевороту 1801 года и его последствиям. Однако в ряде работ историков эта тема получила некоторое освещение.

В 1957 году вышла книга «Очерки общественно-политической истории России первой четверти XIX века» А.В. Предтеченского¹⁸, в которой автор рассматривал мнения относительно «Павловского беспощадного режима» в обществе. Автор привел примеры суждений о сущности самодержавия, об антидворянской политике Павла. С его смертью общество связывало надежды на крушение режима полицейской диктатуры, а с приходом Александра на трон – на изменения «не только внешних форм управления, но и самого содержания его».

В работе С.Б. Окуня¹⁹ дается характеристика отношений современников к правлению Павла I, которое воспринималось как «подлинная восточная тирания», господство всеобщего ужаса, с его царствованием связывалась возможность народной революции, «которая могла породить миллионы Стенок Разинных и Пугачевых». Царствование Павла, по мнению современников, предвещало гибель России.

В 1975 году в сборнике статей «Литературное наследие декабристов» вышла статья В. П. Степнова²⁰, в которой автор отметил антидеспотический характер вольной поэзии. Особо остановился на рассмотрении темы гражданского долга. Убиение тирана оправдывалось избавлением государства от безумия.

Ю.А. Сорокин в статье «Павел I» пришел к выводу, что смерть императора воспринималась общественностью как заслуженная кара²¹.

Н.Я. Эйдельман в своих работах так же этот переворот выделяет из ряда других. Окружение Павла характеризовало его правление как варварское, безумное. Историк выделил следующие «виды сопротивления»: насмешку, крамольные политические слухи, угрозы в качестве тревоги за судьбу России²². Его книга «Герцен против самодержавия» посвящена одной из ярких страниц деятельности А.И.Герцена – политическим обличениям царского самодержавия. Вольная русская печать сыграла важную роль в борьбе общественной мысли того времени. Следует отметить и работы Н.Я. Эйдельмана, посвященные жизни и деятельности декабристов, в которых ярко характеризуется общественная жизнь первой половины XIX века.

Что касается современной историографии, то большим интересом пользуются темы, посвященные общественному движению и политике первой половины XIX века, истории тайных обществ, истории царствований императоров Павла I²³ и Александра I²⁴. Работ же, посвященных теме переворота 1801 года и русского общества нет.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Полное собрание законов Российской империи. – Т. 26. – № 19779.
- ² Танненберг, Г. Жизнь Павла Первого, императора и самодержца Всероссийского / Г. Танненберг. – М., 1805; Тыртов, Е.Я. Анекдоты об императоре Павле Первом, самодержце Всероссийском «Собранные из разных иностранных и российских писателей» / Е.Я. Тыртов. – М., 1807.
- ³ Устрялов, Н.Г. Русская история до 1855 г / Н.Г. Устряло. В 2 ч. – Петрозаводск, 1997; – Полевой, Н.А. Столетие России с 1745 до 1845 г. или историческая картина достопамятных событий в России за сто лет / Н.А. Полевой // Он же. История русского народа. Собр. соч. В 3 т. – М., 1997.
- ⁴ Карамзин, Н.М. Избранное / Н.М. Карамзин. – М., 1990.
- ⁵ Богданович, М.И. История царствования императора Александра I и Россия в его время / М.И. Богданович. – СПб., 1869-1871. – Т. 1-6.
- ⁶ Пыпин, А.Н. Общественное движение при Александре I / А.Н. Пыпин. – М., 2001.
- ⁷ Ключевский, В.О. Курс истории. Ч. 5. / В.О. Ключевский // Сочинения. – В 9 т. – Т. 5. – М., 1989. – С. 173-177.
- ⁸ Брикнер, А.Г. Смерть Павла I / А.Г. Брикнер. Вступит. ст. В.И. Семевского, пер. с нем. М. Чепинской. – СПб., 1907.
- ⁹ Шильдер, Н.К. Император Павел I / Н.К. Шильдер. – СПб., 1901.
- ¹⁰ Шильдер, Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование / Н.К. Шильдер. – СПб., 1904-1905. –Т. 1-4.
- ¹¹ Шумигорский, Е.С. Император Павел I. Жизнь и царствование / Е.С. Шумигорский. – СПб., 1907.
- ¹² Шумигорский, Е.С. Указ. соч. – С. 190.
- ¹³ Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. – СПб., 1996.
- ¹⁴ Николай Михайлович, великий князь. Император Александр I. – М., 1999.
- ¹⁵ Богословский, М.М. История России в XIX веке / М.М. Богословский. – М., 1914. Корнилов, А.А. Курс истории России в XIX веке / А.А. Корнилов. – М., 1993.
- ¹⁶ Платонов, С.Ф. Полный курс лекций по русской истории / С.Ф. Платонов. – Р-н-Д., 1999. – С. 500.
- ¹⁷ Покровский, М.Н. Русская история с древнейших времен. В 4 т. / М.Н. Покровский. – М., 1933.
- ¹⁸ Предтеченский, А.В. Очерки общественно-политической истории России первой четверти XIX века / А.В. Предтеченский. – М.-Л., 1957.
- ¹⁹ Окунь, С.Б. История СССР. Конец XVIII – начала XIX века / С.Б. Окунь. – Л., 1974.
- ²⁰ Степанов, В.П. Убийство Павла I и «вольная поэзия» / В.П. Степанов // Литературное наследие декабристов. – Л., 1975.
- ²¹ Сорокин, Ю.А. Павел I / Ю.А. Сорокин // Вопросы истории. – 1989. – № 11. – С. 46-70.
- ²² Эйдельман, Н.Я. Герцен против самодержавия: Секретная политическая история России XVIII-XIX веков и Вольная печать / Н.Я. Эйдельман. – М.: Мысль, 1973; Он же: Грань веков. Политическая борьба в России: Конец XVIII – начало XIX столетия. – М.: Мысль, 1982.
- ²³ Песков, А.М. Павел I / А.М. Песков. – М., 2005.
- ²⁴ Троицкий, Н.А. Александр I и Наполеон / Н.А. Троицкий. – М., 1994; Вандаль, А. Наполеон и Александр I / А. Вандаль. – Ростов-на-Дону, 1995. – Т. 1-3; Сахаров, А.Н. Александр I / А.Н. Сахаров // Российские самодержцы (1801-1917). – М., 1993.

А.А. Кокшарова*

**ВЛИЯНИЕ ЗЕМСКОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ НА ПРОГРАММНЫЕ
УСТАНОВКИ «КОНСТИТУЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ»
И «СОЮЗА 17 ОКТЯБРЯ»**

1890-е годы в земском либеральном движении окончательно оформились два течения. Требования умеренных либералов в основном были отражены в земских адресах 1894-1895 годов¹ и в тезисах записки царю, составленной Д.Н. Шиповым². Программа радикалов, изложенная в брошюре «Адреса земств 1894-1895 годов», сочетала в себе умеренные и радикальные требования и отразила стремление к созданию единой программы.

Впоследствии эти программные установки были использованы при разработке программ октябристов и кадетов. Октябристы, несмотря на свою умеренность, даже частично расширили ее, откликаясь на зов времени³. Но работу по систематизации и превращении земской программы в действительно прогрессивную, отвечающую требованию момента, октябристы провести не смогли. Эту работу сделали кадеты⁴.

Следует особо рассмотреть тенденцию к консолидации либеральных сил. В начале 1890-х она проявлялась в том, что радикалы пытались создать единую программу, построенную на компромиссе с группой Д.Н. Шипова. Далее, основной задачей левые земцы ставили объединение земских и не земских либеральных сил. Результатом такого сближения стал «Союз Освобождения». А партию кадетов можно назвать итогом развития в либерализме данного стремления. Но эта тенденция имела и обратную сторону – умеренные земцы отшатнулись от радикалов и стали также искать союзников. Итогом поиска стало объединение умеренных земцев с торгово-промышленной буржуазией, которое превратилось в «Союз 17 октября 1905 года».

Несмотря на то, что требования в области социально-экономической сферы отошли в 1890-е годы на второй план, они продолжали составлять важную часть программы земского либерализма⁵.

В финансовой сфере кадеты, опираясь на идеи, поставленные земскими либералами на повестку дня, превратили их в продуманную последовательную программу конкретных реформ в области финансовой и экономической политики. Что же касается программы октябристов в данной сфере, то она носила довольно ограниченный характер; это можно объяснить социальным составом партии.

В аграрном вопросе кадеты пошли дальше земцев. Они предлагали увеличить наделы за счет отчуждения государственных, удельных, кабинетских земель, и монастырских земель и даже «частновладельческих земель с вознаграждением»⁶, тогда как земцы говорили чаще всего об аренде. Октябристы в целом поддержали не только земскую, но и частично кадетскую аграрную программу.

* © Кокшарова А.А. – ассистент Тольяттинского государственного университета

Что касается вопроса о переселении, упорядочивании пользования наделами и развитии мелкого кредита, то в этом кадеты и октябристы были практически полностью солидарны с земскими либералами. Но кадеты дополнили программу земцев планом конкретных мероприятий. В то же время выдвинутое земцами требование реформирования Крестьянского банка кадеты, в отличие от октябристов, обошли своим вниманием.

Одним из постоянных требований земской программы было требование всеобщего начального образования. Октябристы, поддержав земцев в данном вопросе, не озаботились детальной его разработкой, в отличие от кадетов.

Постоянным компонентом либеральной земской программы была проблема мелкой земской единицы. Данное требование нашло отражение в программах либеральных партий.

Таким образом, земский либерализм был важным этапом в становлении русского либерального движения; он оказал огромное влияние на программы либеральных партий и правого (октябристы) и левого (кадеты) толка. Что касается программы партии кадетов, то в ней некоторые требования земского либерального движения получили развитие, а некоторые перешли в нее без изменений. В партии кадетов и ее программе получила законченное оформление тенденция к объединению земских и не земских либеральных сил. Также следует отметить, что в экономической области программа партии кадетов практически полностью базировалась на требованиях всех земцев, тогда как в вопросах государственного устройства и демократических свобод она больше отвечала интересам земских конституционалистов. Что касается программы партии октябристов, то в ней, напротив, некоторым требованиям земского либерализма был дан задний ход, а некоторые были приняты с оговорками. Следует отметить, что октябристы, базируясь на земских требованиях, не сделали «следующего шага», как кадеты. И лишь в трех пунктах октябристы поддержали не только земцев, но и кадетов: в требовании гражданских свобод, реформ местного самоуправления и аграрном вопросе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мирный, С. Адреса земств 1894-1895 и их политическая программа / С.А. Мирный, Д.И. Шаховской. – Женева, 1896.

² НИОР РГБ, фонд 440 (Шипова Д.Н.), к. 2, ед. хр. 10 (Тезисы для предполагавшейся их подачи Государю записки общественных деятелей в 1901 году), л. 1-2.

³ Воззвание «Союза 17 Октября» // Программные документы политических партий и организаций. В 3 ч. Ч. 2: Программные документы политических партий и организаций России второй половины XIX – начале XX века / Хрестоматия. Отв. ред. М.В. Рубан. М., 1991. – С. 134-144.

⁴ Программа конституционно-демократической партии // Там же. – С. 116-125.

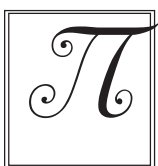
⁵ Архив РАН, ф. 518 (В.И. Вернадского), оп. 4, д. 198 (Программа частного земского съезда 1893 г.), л. 115 об.-119.

⁶ Программа конституционно-демократической партии. – С. 122.

САМАРСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

О.А. Калдымова*

КУПЕЧЕСТВО СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Проблемой изучения купечества в разное время занималось достаточное количество ученых-историков. В 1925 году М.Д. Приселков сделал попытку подробней рассмотреть быт купцов в своем труде «Купеческий бытовой портрет XVIII-XX веков». В 50-е годы XX века были изданы труды В.Н. Яковцевского «Купеческий капитал в феодально-крепостнической России», Ф.Я. Полянского «Первоначальное накопление капитала в России». Наиболее плодотворным оказалось изучение истории купечества в начале 90-х годов XX века. Очевидно, что данный процесс связан со стремлением пополнить явный пробел в этой тематике в советской историографии.

Именно в это время стали появляться труды ученых, посвященные вопросам купечества по отдельно взятым районам. А.Н. Боханов в своих многочисленных работах рассматривал московское, петербургское и южнорусское купечество, А.И. Аксенов всесторонне рассматривал генеалогию московского купечества, монография Ю.М. Гончарова осветила историю купеческой семьи Западной Сибири. Проблематикой изучения купечества Поволжья занималась Н.Л. Клейн, которая в своих работах подробно рассматривает вопросы многоукладности капиталистической системы, анализировала экономику региона. Н.Ф. Тагирова детально изучила деловую деятельность самарского купечества, А.В. Тюстин анализировал в своих работах особенности купечества Пензенской губернии.

Удельный вес купечества в начале XX века в рассматриваемых губерниях был невысок, но Поволжье исконно было торговым регионом и несомненно именно данная социальная группа самобытна как и с социально-экономической и социально-демографической точки зрения, повседневная жизнь купечества Поволжья представляет интересную область исторической науки. В данной статье я исследую особенности социально-экономического и социально-демографического положения купечества в географических границах городов Среднего Поволжья.

Удельный вес купечества среди населения губернских городов Поволжья: Самара, Симбирска, Пензы составлял около 0,5% (0,37% – Самара; 0,48% – Пенза,

* © Калдымова О.А. – аспирант кафедры российской истории Самарского государственного университета

0,51% – Симбирск). Несомненно, что значение данной социальной группы на жизнь городов было весьма значительным, они были самыми заметными и известными горожанами. Купцы и мещане не отличались высокой политической активностью, но тем не менее они имели весомый вес, как на центральном уровне (Государственная Дума, военно-промышленные комитеты), так и на региональном (Городские Думы и земства). Более состоятельные купцы, имеющие большой общественный вес совершенно осознанно стремились занять лидирующие позиции на обоих уровнях.

К концу XIX века в Самарской губернии проживало 16083 купца, доля купеческого населения от общего числа жителей составляла 0,92%, что на треть превышало общероссийский показатель, в Симбирской губернии проживало 3829 купцов, что составляло 0,32% от общего числа жителей губернии. В Среднем Поволжье в конце XIX века 81,3% купцов проживали в городах, что составляло примерно 1% от числа горожан.

Дальнейшее уменьшение численности купечества можно объяснить несколькими причинами. Основной причиной является ликвидация третьей купеческой гильдии и большим отходе купцов этой гильдии в разряд мелочных торговцев. Определенная часть купцов переходила в категорию личных почетных граждан. Одной из причин сокращения количества представителей купеческого сословия явился рост стоимости торговых свидетельств во второй половине XIX века.¹¹

На 1 января 1914 года в Самарской губернии купцов I и II гильдий было 196 человек, в Симбирской – 112 человек. С известной степенью условности на указанный год численность купцов и потомственных граждан можно выразить в следующих цифрах: по Самарской губернии – 1930 человек, по Симбирской губернии – 1645 человек.¹²

Купечество губернских городов Поволжья: Самары, Симбирска, Пензы не являлись особо сплоченной социальной группой, сохраняя строгую стратификацию, в основном по имущественному признаку, а иногда и по конфессиональному. Данные по распределению купечества по гильдиям в губерниях Поволжья выглядят примерно так: в Самарской губернии на конец 1916 года купцов I гильдии было 18%, II гильдии – 82%¹³; в Пензенской губернии на указанный период купцов I гильдии было 35,13%, II – 64,87%¹⁴; данные Симбирской губернии являются идентичными вышеуказанным показателям.

Российское купечество было многонациональным по составу, но несмотря на это примеров антагонизма на религиозной почве было крайне мало. Были примеры, когда в некоторых предпринимательских организациях выражалось недовольство законодательными ограничениями для старообрядцев и лиц иудейского вероисповедания. В среде российского купечества пользовались уважением и превращались в добрые традиции такие качества: отношение к своему делу как к общественному служению, своего рода миссию, возложенную на богатого человека богом и судьбой, веротерпимость и уважение к иной культуре.¹⁵

Рассматривая конфессиональный состав купечества Поволжья на рубеже конца XIX – начала XX века, можно увидеть, что большинство купцов были право-

славные люди. Так, 65,1% самарского купечества в указанный период были православные, 7,4% были старообрядцами, единоверцами, духовными христианами, 22,9% – иудеями, 4,6% – лютеране.¹⁶ Пензенское купечество конца XIX – начала XX века имела в своих рядах 32,43% евреев от общего числа купцов, 63,52% – русских и 4,05% – других национальностей, но преимущественно западного происхождения.¹⁷ Наблюдался высокий процент иудеев, которыми по большей части являются евреи, причем данная пропорция наблюдается по всем рассматриваемым губерниям Поволжья.

О самарском купечестве нам дают представления материалы Самарского Купеческого Старосты. Данные из этих источников позволяют проследить основные моменты в развитии купечества.

В 1909 году в численность самарского купечества (двух гильдий) равнялась 152, по сравнению с 1905 годом сократилось на 32 человека. Численность купцов первой гильдии в 1909 году составляло 17 (14 мужчин и 3 женщины). Полностью исчезли потомственные почетные граждане. Численность купцов второй гильдии была равна в 1909 году 135 (119 мужчин и 16 женщин).¹⁸ В 1916 году численность самарского гильдейского купечества снижается до своего минимума и равнялась 108 человек. Первая гильдия равнялась 20 человек (17 мужчин и 3 женщины), во второй гильдии осталось 88 человек (80 мужчин и 8 женщин).¹⁹ Наиболее интенсивный процесс уменьшения количества купечества наблюдается по всей России в конце XIX – начале XX века, связано это скорее всего с принятием «Положения о новом промысловом налоге от 1898 года», особенно заметен этот процесс был в первое десятилетие XX века.

Купеческое сословие состояло преимущественно из мужчин, их удельный вес Самарского купечества никогда не опускался ниже 87,7%. Данная социальная группа состояла преимущественно не из молодых людей. Купцов до 25 лет почти не было в обеих гильдиях, до 34 лет было только около от 11 до 2% от общего числа за 1907-1916 гг. Основная масса самарского купечества была в возрасте от 35 лет и старше. Самое большое количество купцов самарской гильдии было в возрасте 45-54 года. В основном представители самарского купечества были людьми семейными, но процесс перехода от патриархального общества к европейскому, сказался на трансформации купеческой семьи, она из многодетной превратилась в малодетную, зачастую состоящую из одной семейной пары.

В начале 1917 года в Самаре было 6% евреев от общего количества горожан, в уездных городах 0,6%. В Самаре 75% купцов I гильдии были иудейского вероисповедания, во II гильдии – 11,2%. В Пензе 76,92% купцов I гильдии были иудейского вероисповедания, во II гильдии – 8,33%.²⁰ Традиционной сферой предпринимательства в Поволжье была торговля. В ней находили место капиталисты разного ранга: и торговые дома гильдейского купечества, и мелкие купцы. Купечество играло важную роль в экономике, хотя в общей массе населения его доля была невелика: по переписи 1897 года в Симбирской и Самарских губерниях на 1000 жителей приходилось по 3 купца.²¹

Важным этапом в формировании промышленного производства был период предвоенного подъема накануне мировой войны. В основании известных в Поволжье крупных предпринимательских фирм лежали капиталы торговой

деятельности гильдейского купечества. Распространенной формой торгово-промышленных форм были семейные торговые дома, которые, продолжая вести крупную торговлю, вкладывали средства в производившие отрасли промышленности. В годы предвоенного подъема часть торговых домов была преобразована в торгово-промышленные товарищества, обычно сохранявшие семейный характер, поскольку паи или акции распределялись между родственниками. В Самаре возникли торгово-промышленные товарищества Соколовых, наследников Н.Е. Башкирова. Почти половина суконных фабрик Симбирской губернии существовало в виде товарищества на паях, оставаясь семейными предприятиями.

Монополистические тенденции были налицо в суконной промышленности, сосредоточенной на юге Симбирской губернии. Было создано «Симбирское общество фабрикантов сукон», которое впоследствии стало основой для создания «Всероссийского общества фабрикантов суконной промышленности», одним из видных его деятелей стал владелец крупнейшей в районе Румянцевской фабрики А.Д. Протопопов.

В конце XIX – начале XX века в условиях формировавшегося всероссийского рынка купечеству пришлось изменить направления и формы предпринимательской деятельности. В обороте гильдейского купечества возросла роль товаров местного производства. На первом месте была торговля зерном, а затем и продуктами его переработки – мукой и отрубями. Традиционными для Поволжья торговля продуктами животноводства (салом, кожевенными изделиями) дополнилась изделиями их более глубокой переработки и продуктами химического производства.²²

Купечество в 1917 году обладало существенной экономической силой, составляя элиту городов Поволжья. Преобладающей отраслью хозяйства средневожского региона являлась пищевая промышленность. Значительное место в ней занимало мукомольное производство. Купцы указанных губерний специализировались на хлебной торговле, на обработке зерна, то есть на мукомольном процессе, чаще всего совмещая одно с другим.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Приселков, М.Д. Купеческий бытовой портрет XVIII – XX веков / М.Д. Приселков. – Л., 1925.

² Яковцевский, В.Н. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России / В.Н. Яковцевский. – М., 1953.

³ Полянский, Ф.Я. Первоначальное накопление капитала в России / Ф.Я. Полянский. – М., 1958.

⁴ Галаган, А.А. История предпринимательства российского от купца до банкира / А.А. Галагин. – М., 1997; Барышников, М.Н. Деловой мир России: Историко-биографический справочник / М.Н. Барышников. – Спб., 1998.

⁵ Боханов, А.Н. Крупная буржуазия России конца XIX – 1914 г. / А.Н. Боханов. – М., 1992.

⁶ Аксенов, А.И. Генеалогия московского купечества XVIII века: Из истории формирования буржуазии / А.И. Аксенов. – М., 1988; Он же. Очерки генеалогии уездного купечества XVIII века. – М., 1993.

⁷ Гончаров, Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX в. / Ю.М. Гончаров. – М., 1998; Он же. История предпринимательства в Сибири: XVIII – начало XX в. – Барнаул, 1999.

⁸ Клейн, Н.Л. Экономическое развитие Поволжья в конце XIX – начале XX века. К вопросу о предпосылках буржуазно-демократической революции в России / Н.Л. Клейн. – Самара, 1981; Она же. Предприниматели и предпринимательство в России: исторический очерк. – Самара, 1984. и т.д.

⁹ Тагирова, Н.Ф. Рынок Поволжья (вторая половина XIX – начало XX вв.) / Н.Ф. Тагирова. – М., 1999.

¹⁰ Тюстин, А.В. Пензенское купечество в органах местного самоуправления / А.В. Тюстин // Земство. – № 3. – 1994.

¹¹ Петрова, В.И. Население Среднего Поволжья и Южного Приуралья во второй половине XIX века / В.И. Петров // Монография: РИК ГОУ ОГУ. – 2005.

¹² Статистический ежегодник России. 1914 г. Спб., 1915. – Ч. 1. – С. 75. Эти данные остаются практически неизменными в 1914 и в 1915 гг.

¹³ ГАСО. – Ф. 153. – Оп. 1. – Д. 103; Ф. 146. – Оп. 1. – Д. 85.

¹⁴ ГАПО. – Ф. 109. – Оп. 1. – Д. 1236.

¹⁵ Клейн, Н.Л. Предпринимательство в Поволжье на рубеже XIX-XX столетий: некоторые особенности / Н.Л. Клейн // Предпринимательство Поволжья: истоки, традиции, проблемы и тенденции развития: Материалы научной конференции. – Чебоксары, 23-24 июня 1997 г. Чебоксары.

¹⁶ ГАСО. – Ф. 146. – Оп. 1. – Д. 85.

¹⁷ ГАПО. – Ф. 109. – Оп. 1. – Д. 1236.

¹⁸ ГАСО. – Ф. 146. – Оп. 1. – Д. 85.

¹⁹ ГАСО. – Ф. 146. – Оп. 1. – Д. 85.

²⁰ ГАСО. – Ф. 146. – Оп. 1. – Д. 89.

²¹ Савельев, П.И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век / П.И. Савельев. – Самара, 1994.

²² Гиндин, И.Ф. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности / И.Ф. Гиндин // История СССР. – 1963. – № 2-3; Клейн, Н.Л. Буржуазия Поволжья в условиях формирования российского империализма / Н.Л. Клейн // Социально-экономическое развитие Поволжье в условиях формирования российского империализма в XIX – начале XX веков. – Куйбышев, 1986.

Ю.В. Чурина*

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ КУПЕЧЕСТВА САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

се чаще в последнее время в современной научной литературе и публицистике появляются работы, посвященные российскому предпринимательству конца XIX – начала XX вв., в которых прослеживаются попытки выяснить интересы и внутренний мир купечества России, оценить их вклад в общественную и культурную жизнь страны.

На протяжении долгого времени социальный облик купцов и промышленников воспринимался через призму идеологических догм, их вклад в развитие отечественной культуры практически игнорировался, а участие в общественной жизни страны оценивалось отрицательно.

Большинство авторов традиционно говорило о том, что интересы предпринимателей дореволюционной России лежали в плоскости сугубо материальной, а духовные потребности ограничивались «низкопробными развлечениями» и «чувственными удовольствиями».¹ Такие оценки более всего подходят для характеристики купечества первой половины XIX века. В пореформенный период менталитет российского купечества менялся под воздействием Великих реформ и начавшейся модернизации экономической и духовной жизни общества. Изменения в психологии купечества происходили как в крупных экономических регионах, так и в губерниях, входивших во «внутреннюю окраину» Российской империи. Как известно, торгово-промышленная деятельность активно развивалась и в Самарской губернии.

Степень участия купечества в общественной и культурной жизни Самарской губернии можно проследить основываясь на архивных документах, материалах периодической печати и свидетельствах современников.

В период реформ общественная жизнь купечества сосредотачивалась в основном вокруг городского и сословного самоуправления, культурно-просветительских дел, общественной деятельности и благоустройства. Купцы играли ведущую роль в работе городских дум, земств и управ.

После реформы 1870 года купечество сохранило за собой возможность активно участвовать в органах городского самоуправления, где купцы по-прежнему составляли большинство.

Активность купцов в органах местного самоуправления объясняется тем, что они более других были заинтересованы в улучшении жизненных условий города, торговли и промыслов. При этом, несомненно, часть гильдейцев стремилась использовать общественную службу в личных интересах. Вместе с тем, предприниматели стали осознавать, что работа в городской Думе в качестве гласного является весьма престижным занятием. Общественная значимость этой де-

* © Чурина Ю.В. – аспирантка кафедры российской истории Самарского государственного университета

тельности резко возросла после того, как в Думе стали обсуждаться проекты развития городской инфраструктуры (строительство водопровода, электростанции и других объектов).

Конечно, в публицистической и художественной литературе конца XIX – начала XX вв. отмечалось немало злоупотреблений со стороны купцов, таких, как, например, укрывательство от налогов в городской бюджет или незаконный захват городской земли. Но, на мой взгляд, такие факты становились уже аномалией для значительной части предпринимателей. Заметно искреннее желание помочь не только себе, но и наиболее обездоленным слоям населения.

Социальная и общественная активность купцов проявлялась в том, что они входили в состав различных комиссий и советов при городских муниципалитетах (училищных, библиотечных, строительных, врачебных, продовольственных и др.). Отметим, что работа в комиссиях не была формальной, занимала много времени, и материальных затрат. Обсуждая в своей среде вопросы городской жизни, купцы постоянно сталкивались с проблемой нехватки материальных средств на городские нужды, образование и здравоохранение. В связи с этим, пытались «поправить» местные нужды и пользы за счет пожертвований больших сумм из своего кармана на решение этих проблем.

Например, в 1873 году было открыто Общество попечения о бедных. Уже в первый год своего существования оно имело в своем распоряжении капитал в 2.275 рублей 75 копеек от пожертвований, запасной капитал составлял 1.673 рубля, а 601 рубль был оставлен в оборотном капитале². Обществом был открыт Мариинский приют для детей воинов, который существовал на пожертвования частных лиц Семена Ларионовича Аржанова, Надежды Илларионовны Шахларевой. После неурожая 1880 года, на средства Общества были открыты дешевые столовые, число ежедневных обедов в которых в зиму 1891 года дошло до 1000.³ Эти столовые содержались во многом за счет частных пожертвований Шихобаловых, князя Долгорукова, наследников купца Жильцова и других отзывчивых граждан города.⁴

1 мая 1894 года был открыт Дом трудолюбия, решающий вопрос трудоустройства, открытый на пожертвования Шихобалова Антона Николаевича и Ивана Львовича Санина.⁵

Часть предпринимателей входила в состав разного рода попечительских комитетов учебных заведений, богаделен и приютов.

25 февраля 1873 года было образовано Общество поощрения высшего образования, капитал которого пополняли частные пожертвования местных благотворителей и меценатов купеческого сословия: Марьи Захаровны Курлиной, Альфреда фон Вокано, Евдокии Ивановны Кирилловой.

В 1871 году на средства купца 1-й гильдии Ивана Васильевича Константинова была построена богадельня. 3 августа 1883 год купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин Антон Николаевич Шихобалов внес в Самарский общественный банк 25 тысяч рублей для Константиновской богадельни.⁶ 24 апреля 1887 года Самарский купец 1-й гильдии Семен Ларионович Аржанов пожертвовал 30 тысяч рублей Константиновской общественной богадельне.⁷ На ее содержание самарским купцом Алашеевым Федором Карповичем было пожертвовано в 1883 году 1000 рублей.⁸

Вообще, забота о нуждах образования была одной из главных составляющих культурной деятельности купечества. Хорошо известно, что и Челышovy, и Соколовы, Аржановы, Константиновы и представители других купеческих домов создавали школы и гимназии в Самарской губернии. Многие из них активно участвовали в общественной жизни и придавали этому большое значение.

Культурным просветительством занималось также Самарское общество любителей музыкального и драматического искусства. Оно было образовано в 1882 году, а его руководителем стал губернатор Александр Дмитриевич Свербеев. Показательно, что сборы от любительских спектаклей шли в пользу больниц, приютов, ночлежных домов и других учреждений общественного призрения.

Основные средства от благотворительности, виды и размеры которой были самыми разнообразными, шли на пособия для школ, покупку одежды для приютов, организацию бесплатных столовых, богаделен и ночлежных домов. Традиционно купцы вносили пожертвования в пользу церкви. Как известно, многие предприниматели были чрезвычайно религиозными, и не просто жертвовали деньги, но и принимали активное участие в организации церковных служб и дарении икон.

Например, по сведениям летописи Самарской церкви, в Самаре на средства городских купцов построена церковь во имя святого пророка Божия Илии.⁹ 13 декабря 1890 Самарские купцы Антон Николаевич Шихобалов и Иван Михайлович Плешанов пожертвовали пять тысяч рублей на строительство церкви при губернской земской больнице.¹⁰ Аржанов Лаврентий Семенович оплатил изготовление и поднятие крестов, серебряного облачения престола для единоверческой церкви и многое другое.

Школы, училища, приюты, богадельни, ночлежные дома, церкви, библиотеки, театры – все это плоды благотворительной деятельности дворян, купцов и предпринимателей конца XIX – начала XX вв. Многие из них делали все это безвозмездно, оказывая материальную и иную посильную помощь, руководствуясь лишь патриотическими соображениями. Система, при которой было престижно общественное служение, свидетельствовала о тенденции к социальному и нравственному оздоровлению общества. И отраднo, что и в наши дни благотворительность не является просто словом из дореволюционного лексикона.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бойко, В.П. К вопросу о социальной психологии крупной российской буржуазии второй половины XIX века (по мемуарным источникам) / В.П. Бойко // Из истории буржуазии России. – Томск, 1982. – С. 40.

² Самарское общество попечения о бедных. Краткий исторический очерк за двадцатипятилетие (1874-1898) включительно. – Самара, 1899. – С. 3.

³ Самарское общество попечения о бедных. – С. 5.

⁴ Там же. – С. 5.

⁵ ГАСО. – Ф. 418. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 6.

⁶ ГАСО. – Ф. 153. – Оп. 9. – Д. 510. – Л. 1.

⁷ ГАСО. – Ф. 170. – Оп. 1. – Д. 134. – Л. 94об.

⁸ Казанцева, С. Нравственно обязан / С. Казанцева, О. Зубова. – Самара, 2005. – С. 58.

⁹ ГАСО. – Ф. 32. – Оп. 18. – Д. 251. – Л. 141.

¹⁰ ГАСО. – Ф. 3. – Оп. 226. – Д. 38. – Л. 1-1об.

В.Н. Варламенков*

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ
1917-1929 гг. В ПОВОЛЖСКОМ РЕГИОНЕ
(кратосоциообразовательный опыт исследования)**

Для того чтобы утвердить стабильное существование своей власти, большевикам требовалось обеспечение устойчивого экономического, социального и культурного развития. Только при поддержке общества, профессиональных кадров маховик образования мог бы работать на всех уровнях. В связи с этим государство было обязано с помощью убеждения и принуждения создавать условия доверия к властным институтам и проводить формирующуюся в головах лидеров политику в сфере образования. Чистота эксперимента осложнялась тем, что он проходил в условиях гражданской войны во всех направлениях: на фронтах внешних и внутренних, в сознании грамотных и безграмотных людей.

Для определения уровня взаимодействия власти, общества и образования необходимо увидеть с одной стороны, способность власти выбора верного пути удовлетворения растущих нужд и потребностей общества, производства, образования. А с другой, увидеть отношение граждан общества в решении образовательных проектов государства, степень его мобильности.

Образование властных структур в регионах страны, отвечающих за просвещение и, проявляя дедуктивно-мобильную ответственность, чаще всего шло по одной схеме. В Самарской губернии, в частности, это было так: 24 января 1918 года губисполком утвердил Конституцию губернской власти со следующими основными положениями:

- губисполком является исполнительным органом Советов;
- в период между съездами он обладает правами верховного законодательного органа губернии;
- в качестве исполнителей постановлений губисполкома и съезда Советов губисполком выбирает комиссаров;
- декреты комиссаров проводятся в жизнь по утверждению их губисполкомом и лишь в исключительных случаях – по утверждению Советом губернских комиссаров.

Первым губернским комиссаром просвещения был избран Владимир Аркадьевич Тронин.¹

Губернские комиссариаты по просвещению в Пензенской и Симбирской губерниях были организованы в феврале 1918 г.²

Для того чтобы осуществлять полноценную образовательную деятельность, необходимы помещения, желательно приспособленные для занятий с соответствующей мебелью и оборудованием. Успех работы зависел от взаимопонимания двух ведомств Революционного Совета обороны и Наркомпроса. С одной стороны большое скопление вооруженных людей необходимо где-то размещать,

* © Варламенков В.Н. – преподаватель техникума легкой промышленности г. Самара

и с другой, детей, будущее России, необходимо было выводить из тьмы незнания в свет надежды на лучшую жизнь.

Ревком Самарской губернии предоставлял отделу народного образования право реквизиции помещений в городе, подходящих для школ.³

Представители отделов народного образования сообщали, то школьные помещения нередко захватываются даже при наличии других свободных зданий. Иногда они занимались просто под квартиры отдельных командиров частей или должностных лиц. Считая подобное положение совершенно ненормальным и недопустимым, губернский отдел обратился в Наркомпрос с соответствующим ходатайством о том, чтобы о подобных явлениях было доведено до сведения Революционного Совета Оборона. Положение признавалось губернским отделом настолько серьезным, что в заседании 17 января 1919 г., в связи с полнейшей невозможностью оградить свои интересы он выносит постановление поставить перед Губисполкомом вопрос о своем дальнейшем существовании.⁴

Жгучая потребность в грамоте и общих знаниях, отсутствие взаимодействия губернских и уездных центров образования Пензенской губернии стимулировали население к поиску очертания границ помощи народному образованию и форм индуктивно-мобильной солидарности. В Мокшинском уезде население стало проявлять инициативу, беря на себя весь ремонт бывших помещичьих домов, отдаваемых под школы. В том же уезде население само изготавливало классную мебель. Крестьянские общества, прося о постройке новых школ, давали землю и принимали на себя доставку материалов по постройке и оборудованию их. Таким образом, появлялась возможность открывать новые школы.⁵

Бузулукским и Самарским уездами Самарской губернии предоставлялись проекты школьных построек и соответствующие сметы на рассмотрение технико-строительной комиссии губернского отдела.⁶

На протяжении 20-х годов материальная поддержка городских школ губернии осуществлялась дружнее и веселее. Открывать и содержать школы в сельской местности всегда было хлопотно и затратно. Результат зависел от степени компетентности, добросовестности, подвижничества местных властей, которые были не всегда на высоте положения. Так в Грачевской волости Бузулукского уезда Самарской губернии имелось 15 школ. Школы оборудованы слабо, отопление школ недостаточное. Волостной исполнительный комитет (далее сокращенно ВИК) на школы внимание уделяли мало, а если и отпускали средства, то чрезмерно скудные. Например, на две школы с. Грачевка отпущено 20 рублей. Тяга населения к учению большая, но благодаря малочисленности школ и их необорудованности всех детей школьного возраста обслужить невозможно. Это вызывает недовольство населения. По Курманаевской волости Бузулукского уезда имеется 8 школ. Занятия в школах начались с опозданием – 15 октября благодаря несвоевременного их ремонта (главным образом из-за отсутствия стекол). Наблюдается перебои в снабжении школ топливом. В Мало-Быковской волости Пугачевского уезда дети школьного возраста школами охвачены всего на 50%. Тяга населения к учению большая. Невозможность школам обслужить полностью все детское население вызывает нарекания крестьян. И наконец, крестьяне с. Зубаревка Понамаревской волости Бугурусланского уезда жаловались, что

в их селе на 2500 дворов нет до сего времени школ. Общество ходатайствовало перед ВИКом об открытии школы на средства общества, однако ВИК ходатайство оставил без последствий. Тяга населения села к учению большая.⁷

По истечению десяти лет октябрьского переворота люди с разным уровнем образования понимали, что увековечивание вождей революции должно быть упорядоченно. Поскольку без меры восхваление основателей советского государства в газетно-журнальных вариантах, живописи, скульптуре давало противоположный эффект. Люди задавали резонные вопросы, а можно ли тратить государственные средства более эффективно. Например, подарить детям необходимое образовательное учреждение. Характерно рассуждение учителя Полудневской школы Полудневской волости Бугурусланского уезда Самарской губернии А.Е. Шевченко, который прямо заявлял о злоупотреблении имени В.И. Ленина. Он говорил: «Везде и всюду куда не взглянешь, что не возьмешь книгу, газету, брошюру, на стенах – везде Ленин, и Ленин без конца. Пойдешь в ватер (туалет, уточнение автора), смотришь на полу валяется тоже Ленин. Вообще чересчур превосходит даже противно становится читать, смотреть. А потом, сколько средств уходит на всевозможные памятники ему. Например, сколько ухлопали средств на памятник Ленину в Бугуруслане, ведь на эти деньги можно было открыть 4-5 школ. Вот на Украине, например, был разработан проект памятника Ленину, который обошелся бы в несколько тысяч, а один крестьянин расшиб эту идею и предложил открыть лучше несколько школ в губернии. Предложение его было принято. Так нужно было и у нас в Бугуруслане ставить вопрос, а Уком партии и Уоно как будто бы не заинтересованны в школьном строительстве, а это было бы лучшим памятником Ленину».⁸

Вывод

Специальное изучение кратосоциообразовательных взаимосвязей дает рельефную картину разнообразия функционирования социально-политической системы в ее системообразующих сегментах.

Введение в научный оборот понятия дедуктивно-мобильная ответственность помогла выявить характер и границы взаимоотношений власти, общества, образовательных структур на местах сразу после установления новой парадигмы развития и динамику изменения в перспективе, определило способы воздействия власти на население регионов, эффективность управленческих решений.

Характерной чертой явилось формирование взаимоотношений в период гражданской войны, голода в Поволжском регионе. Взаимосвязи были неустойчивые, нерегулярные, порой формально обозначающие управленческое руководство. Данные явления жизни негативно влияли на эффективность принимаемых решений, поскольку не всегда имели точную, верную информацию о состоянии дел на местах. И на всероссийском и на региональном уровнях проявлялось несогласованность действий структур власти (например, Революционного Совета обороны и Наркомпроса). А из-за кадрового голода некомпетентность работников отрицательно влияла на реализацию принимаемых решений на любых уровнях (политическая благонадежность ставилась выше профессиональной компетенции).

Введение в научный оборот понятия индуктивно-мобильная солидарность помогла определить механизмы общественных инициатив граждан общества

как реакция на отсутствие согласованной политики государственных структур, идеологического пресса и демонстрирует разнообразие состояний солидарности с властью.

Исследование выявляет злоупотребления и поощрения самоуправленческих начал населения регионов представителями власти.

Появляется возможность выяснить совокупность воздействий социума на власть и увидеть разнообразный спектр слаженных действий и столкновений власти, общества и образования, которые нашли свое яркое выражение в Поволжском регионе.

Заявленная кратосоциообразовательная проблематика демонстрирует восприимчивость к системообразующим знаниям, описывая, классифицируя и исследуя по объективным и субъективным показателям.

Вопросы функционирования центральных, губернских, уездных, волостных органов власти применительно к образовательным структурам в тесном переплетении интересов населения Поволжского региона даже с точки зрения накопления фактов изучены недостаточно. Это дает веские основания исследовать все аспекты данной сферы жизнедеятельности общества с точки зрения кратосоциообразовательных научных сведений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Попов, Ф.Г. 1918 год в Самарской губернии. Хроника событий / Ф.Г. Попов. – Куйбышев. 1972. – С. 30-31; Храмков, Л.В. Введение в Самарское краеведение / Л.В. Храмков – Самара. 2003. – С. 209.

² Народное просвещение. 1919. №11-12. С. 120; Народное просвещение. 1919. №13-14. – С.137.

³ Народное просвещение. 1919. № 13-14. – С.1 42.

⁴ Там же.

⁵ Там же. – С. 138.

⁶ Там же. – С. 142.

⁷ СОГАСПИ. – Ф1.– О.1 .– Д.2383. – Л.21

⁸ Там же. – Л.52

Н.Е. Каунова*

**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
ГОЛОДА 1932-1933 гг. В ГОРОДАХ СРЕДНЕ-ВОЛЖСКОГО КРАЯ**

В последнее время появился ряд ярких работ о влиянии трагических событий в начале 1930-х гг. на последующие процессы советского общества. Однако исследования касались в большей степени деревенской жизни. Поэтому представляется интересным проанализировать последствия страшной катастрофы в промышленных центрах.

В 1933 г. голод в Средне-Волжском крае достиг пика своего развития, как в сельской, так и в городской местности. Все без исключения материалы демографической статистики применительно к этой дате отмечают перелом тенденций движения населения в регионе. На протяжении с 1929 г. по 1933 г. городское население неуклонно росло, увеличившись на 10%¹. Одним из важных ресурсов пополнения населения городов был его механический прирост. Приток сельских жителей в промышленные центры происходил и в первые годы индустриализации. Однако он был небольшим. Усиление миграционного движения в города возникло с началом форсированной коллективизации и широким развитием индустрии в годы первой пятилетки. В это время промышленность и транспорт испытывали значительную нехватку рабочих кадров. И эта проблема решалась путем привлечения рабочих рук из сельской местности, где была сосредоточена основная масса трудовых ресурсов. Почти на всех предприятиях с 1931 г. большую часть рабочей силы составляли выходцы из деревни. Доля крестьян резко возросла во всех отраслях тяжелой промышленности: в черной металлургии в 1931 г. на 11,9% по сравнению 1930 г., в транспортном машиностроении – на 15,4%, в автотракторном секторе – на 10,9%. На предприятиях группы «Б» и «В» бывшие земледельцы смогли также поменять социальный статус на рабочего². Города их привлекали продовольственным пайком, заработной платой и жильем. Партийно-государственное руководство всячески поддерживало приток рабочей силы из деревни. Власти через соответствующие постановления осуществляли свою политику по вовлечению сельского населения в промышленное производство.

Такое положение вещей сохранялось лишь до 1931 г., когда партийно-государственное руководство поощряло переселение жителей из села в города. В конце 1932 г. ситуация изменилась. Главной задачей властей стало сдерживание бегства крестьян из сельской местности. Теперь уже деревня начала испытывать нехватку рабочей силы. Введение паспортной системы, обязательной прописки остановило стихийный отток сельского населения в города.

Тем не менее, несмотря на этот барьер, отток жителей из деревни продолжался на протяжении существования советского режима. Для этого использова-

* © Каунова Н.Е. – старший преподаватель кафедры истории отечества Ульяновского государственного университета

лись разные способы, формировавшие своеобразные «каналы» социальных перемещений: учеба в средних специальных учебных заведениях и ВУЗах, вербовка на стройки, на сезонные работы, служба в рядах Красной Армии. Существовали и промежуточные формы, в частности, работа в МТС, откуда механизаторы могли перейти на завод. Таким образом, через эти «каналы» из деревни происходил отток наиболее активной, дееспособной и молодой части населения в города.

Вследствие притока новых кадров быстро менялся социальный облик рабочего. Заводские цеха заполнялись выходцами из крестьянской среды, которые не знали производства, не имели рабочих навыков. Они без конца странствовали в поисках лучшей жизни, порождая огромную текучесть кадров, обилие прогулов на предприятиях края на протяжении десятилетия. Так, в 1938 г. на ульяновских государственных предприятиях при общем количестве рабочих 2671 человек сменилось 1784, что составило 57,4%. На некоторых заводах текучесть кадров достигала 74%³.

Согласно данным Центрального управления народнохозяйственного учета, общая убыль городского населения по Среднему Поволжью в 1933 г. составила 2,9 % среднегодовой численности жителей промышленных центров. Это выше, чем в Северном Кавказе на 2,5% и в ЦЧО 1,9 %⁴. Высокие показатели убыли горожан явились не только следствием снижения рождаемости, но и были связаны с прямым ростом числа погибших в результате голода и эпидемий, сопутствующих ему.

Несмотря на высокую смертность, численность городского населения с 1933 г. по 1937 г. возросла на 32,4%. Однако в 1934 г. этот показатель (кроме Самары) был ниже, чем в предыдущем 1933 г. Это объясняется тем, что Самара, во-первых, являлась краевым центром, который располагал, в отличие от других городов региона, рядом привилегий. Во-вторых, здесь концентрировалось немало количество промышленных предприятий, часть которых принадлежала к особому и первому списку. В-третьих, наличие развитой инфраструктуры государственных организаций и учреждений, железнодорожные и водные пути увеличивали возможность многих вырваться из плена голода, насилия и произвола властей в сельской местности. Эти и другие обстоятельства были доминирующими в стремлении большинства найти условия для изменения своей нелегкой жизни. Именно за счет относительно небольших городов, таких как Ульяновск, Пенза, Кузнецк, Сызрань, произошла убыль жителей промышленных центров.

Таким образом, голод в начале 1930-х гг. не повлек за собой заметных последствий в развитии демографических процессов движения городского населения, как произошло в деревне. Средневожский город быстро восполнил свои людские ресурсы за счет беглецов из села, что являлось типичным явлением и для других регионов европейской части СССР. В то же время необходимо отметить, что процесс урбанизации был искусственно ускорен в результате массового голода в деревне, бывшего по своему содержанию следствием конкретных политических действий высшего партийно-государственного руководства страны.

Социально-экономические последствия латентного голода в промышленных центрах края были куда сильнее и осязательнее, чем демографические. Установление монополии государства во всех сферах жизни и осуществление форсированной индустриализации и насильственной реорганизации единоличных хозяйств стали источником кризисных явлений в экономике и обострения социальной напряженности. Следствием изменения экономической политики был рост товарного дефицита и упрочение системы нормированного распределения товаров. Уровень жизни в начале 1930-х гг. в городах резко понизился. С переходом к централизованному планированию в конце 1920-х гг. недостаток товаров стал неотъемлемой чертой советской экономики и повседневной жизни.

На протяжении 1930-х гг., да и последующих десятилетий острая нехватка продуктов периодически возникала и после того, как миновала трагедия, поскольку особое положение сохранялось за тяжелой промышленностью, доля которой в Среднем Поволжье была значительна мала по сравнению с Центральным регионом, Сибирью и Уралом. Отставание производства товаров широкого потребления приводило к нарастанию товарного голода и постоянному дефициту в продуктах первой необходимости. Даже в относительно неплохие годы хлебные очереди в городах края принимали достаточно тревожные размеры.

В конце 1930-х гг. в спецсводках стали уделять больше внимание «отрицательным настроениям на почве продовольственных затруднений» среди горожан, которые все чаще высказывались публично о наступившем тяжелом времени, причиной которого, как считали они, являлась «советская власть»⁵. Дефицит не ограничивался хлебом. Не лучше было и с прочими продуктами, такими как мясо, молоко, масло и др. Так же не хватало одежды, обуви и различных потребительских товаров, что являлось постоянной темой жалоб⁶.

Дефицит не ограничивался хлебом. Не лучше было и с прочими продуктами, такими как мясо, молоко, масло и др. Так же не хватало одежды, обуви и различных потребительских товаров, что являлось постоянной темой жалоб⁷.

К 1939 г. страна по сути находилась накануне возврата к карточной системе распределения промтоваров и продуктов питания. Отсутствие продуктов привело к огромным очередям⁸. Отчаявшиеся горожане сами просили ввести систему нормированного распределения, дабы что-нибудь приобрести⁹. Повсеместно были введены нормы отпуска товаров в одни руки, заставлявшие людей обегать десятки магазинов, чтобы запастись продуктами и не стоять в бесчисленных очередях¹⁰. Расхватывание товаров усугублялось постоянными слухами о войне, которая всё ближе продвигалась к границам Союза.

Партийно-государственное руководство пыталось использовать свой главный метод борьбы с очередями – репрессии. В сталинскую эпоху милиция получила разрешение за нарушение «изымать» приезжих из очередей и выдворять их за черту города. Кроме того, Политбюро пошло ещё дальше. Оно вообще запретило очереди. Очередь могла стоять только внутри магазина и только в часы его работы. Но люди приспособились и к этой ситуации. Они прятались в подъездах близлежащих домов, использовали несовершеннолетних детей, которые помогали производить им покупки.

Призрак карточной системы продолжал существовать и после официальной её отмены¹¹. Созданные закрытые распределители, ЗРК, ГРК и ГорПО для защиты трудового населения от последствий дефицита и связи нормирования товаров с занятостью, быстро поменяли свою функцию после официальной отмены и стали специализироваться на обеспечении привилегированного снабжения определенных категорий граждан. Это выражалось в различных формах: особые пайки, элитные закрытые магазины, столовые, жилье, путевки в дома отдыха, особое обслуживание и т.п. Такое положение отражало отношение советского руководства к своим гражданам и давало возможность контроля за их желудками, а значит и за жизнью.

Огромный прирост городского населения, ставший одним из главных следствием проводимой коллективизации на селе и голода, привел к новой проблеме – жилищному дефициту. Почти до самого хрущевского периода не делалось ничего, чтобы как-то справиться с перенаселением, которое долгое время оставалось характерным для советских промышленных центров.

Господство плано-бюрократической экономики, частью которой было централизованное нормированное распределение, вело также к деформациям в психологии и поведении людей. В общегосударственном масштабе привилегии имели не те рабочие, которые работали хорошо, а изначально рабочие наиболее важных индустриальных объектов. Хороший труд не был источником обеспеченной жизни. Материальные стимулы не действовали. Это не только вело к более активному использованию административных методов управления и применению репрессий, но и было источником инертности массы, пассивности на производстве¹². На протяжении 1930-х гг. производительность труда не достигала в среднем 80 %¹³. Однако вплоть до настоящего времени подобные проблемы в постсоветском пространстве не преодолены.

Даже в последующие эпохи советских партийных лидеров положение в распределении потребительских товаров оставалось главной проблемой нашей экономики. Получив «сталинскую закалку», народ показывал чудеса приспособляемости, изворотливости и сопротивляемости, он обладал поистине огромным опытом выживания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Среднее Поволжье в цифрах / стат. справ. – Самара-М., 1929. – С. 7; Осокина, Е.А. Жертвы голода 1933 года: сколько их? / Е.А. Осокина // История СССР. – 1991. – № 5. – С. 23.

² Из истории социалистической индустриализации Среднего Поволжья. – Куйбышев, 1973. – С. 261.

³ Центр хранения документов новейшей истории Ульяновской области (далее ЦХДНИУО). – Ф. 13. – Оп. 1. – Д. 1625. – Л. 55об.

⁴ Осокина, Е.А. Жертвы голода 1933 года: сколько их? / Е.А. Осокина // История СССР. – 1991. – № 5. – С. 20.

⁵ ЦХДНИУО. – Ф. 13. – Оп. 1. – Д. 1718. – Л. 59, 61, 62.

⁶ Там же. – Д. 1229. – Л. 102.

⁷ Там же. – Л. 102.

⁸ Там же. – Д. 1805. – Л. 16.

⁹ Там же. – Д. 1229. – Л. 21.

¹⁰ Там же. – Л. 18.

¹¹ Там же. – Д. 1268. – Л. 6, 7.

¹² Осокина, Е.А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения / Е.А. Осокина. – М., 1993. – С. 135.

¹³ ЦХДНИУО. – Ф. 13. – Оп. 1. – Д. 1229. – Л. 147об.

Ю.А. Кузнецова*

САМАРА – СЕНТ-ЛУИС: ИСТОРИЯ ОТНОШЕНИЙ

В начале девяностых годов XX века Самарская область, ранее закрытая для международных контактов, начала налаживать экономические и культурные связи с партнерами из ближнего и дальнего зарубежья. Областной центр – город Самара, принял активное участие в этом процессе. С 1993 года начало действовать Управление международных связей городской администрации, основными направлениями работы которого стало развитие международных связей, создание положительного имиджа города, расширение контактов муниципальных предприятий и бизнесменов Самары с зарубежными партнерами.¹ Но еще раньше, чем появилась это Управление, Самара уже заключила соглашение о партнерстве с немецким городом Штутгарт и настойчиво искала расширения связей с городами дальнего зарубежья, в первую очередь Америки. Штутгарт предложил в качестве города-побратима для Самары своего партнера – американский город Сент-Луис. Так у Самары появился шанс расширить контакты с тем миром, в который, по словам тогдашнего мэра Олега Сысуева, «мы так стремились».²

В дальнейшем на страницах местной прессы неоднократно упоминалось о развитии партнерских отношений между Самарой и Сент-Луисом, но их направления и конкретные результаты не анализировались. Ускользнул этот сюжет и от внимания историков и краеведов. В данной статье мы бы хотели рассмотреть историю развития отношений Самары и Сент-Луиса и выявить факторы, влиявшие на их развитие в 1994-2005 годах.

На наш взгляд, изучение связей городов-побратимов Самары и Сент-Луиса представляет научный интерес, поскольку позволяет выявить как специфику американо-российских отношений на уровне муниципальных образований, так и степень их зависимости от общих тенденций в развитии отношений России и США. Рассмотрение данной проблемы имеет и практическое значение, поскольку анализ развития связей городов-побратимов был бы полезен для налаживания более эффективного взаимодействия сторон.

Источниками для исследования послужили материалы Государственного архива Самарской области (ГАСО), текущего делопроизводства Департамента международных и межрегиональных связей Администрации городского округа Самары, материалы местной и зарубежной прессы. Была использована также информация, размещенная на официальном сайте Администрации городского округа Самары³ и а также на сайте Центра международных связей города Сент-Луис.⁴ К сожалению, удалось использовать не все интересные источники.

Выбор Самары в качестве города-побратима не основывался лишь на рекомендации Штутгарта. В мае 1993 года делегация из Сент-Луиса посетила Сама-

* © Кузнецова Ю.А. – аспирант кафедры зарубежной истории Самарского государственного университета

ру.⁵ По мнению главы делегации Джоан Гладней, исполнительного директора Центра Международного Сотрудничества (Сент-Луис), города были похожи как братья-близнецы.⁶ Более подробно черты сходства двух городов описала журналистка газеты «Сент-Луис Пост Диспетч» Катлин Нельсон. По ее словам, Самару и Сент-Луис объединяло то, что оба города находились в месте слияния двух рек, каждый имел предприятия оборонного профиля, пивной завод и химическое производство, население каждого города приближалось к 2 миллиону человек.⁷ Подобное сходство, по мнению тогдашнего мэра Сент-Луиса Фримэна Р. Босли, открывало широкие возможности для взаимодействия.⁸ Поэтому 24 февраля 1994 года Самара и Сент-Луис заключили Соглашение о сотрудничестве.⁹ Несмотря на небольшой объем (Соглашение легко умещалось на одном листе бумаги) документ говорил о намерениях сторон развивать партнерские отношения во многих областях. В поле зрения составителей попали: культура, спорт, управление городским хозяйством, экология, здравоохранение, народное образование и деловые проекты,¹⁰ – то есть практически все сферы жизнедеятельности граждан.

В дальнейшем партнерские отношения должны были развиваться и укрепляться в ходе реализации совместных проектов в этих областях. При рассмотрении ряда мероприятий, которые были проведены, можно прийти к выводу, что одним из наиболее плодотворных направлений совместной деятельности было здравоохранение. В 1997 году Комитет городов-побратимов Сент-Луис-Самара и больница Св. Джона оказали значительную помощь, отправив в Самару медицинское оборудование, в том числе аппарат искусственного дыхания для операций на открытом сердце, анестезиологическое оборудование и лабораторию для анализа крови.¹¹ В октябре 1997 завершилась 2-х летняя программа совместных работ между кафедрой кардиохирургии Самарского медицинского университета (СМУ) и Барнет госпиталем.¹² В том же году в Сент-Луисе побывали врачи самарского кардиологического центра. Они проходили стажировку в одной из клиник Сент-Луиса.¹³ В 2000 году в США побывала группа специалистов в области оказания первой медицинской помощи. Целью поездки было посещение центров первой медицинской помощи, а также подписание соглашения о сотрудничестве между американским Международным Союзом здравоохранения и Управлением здравоохранения Самарской области.¹⁴ Еще одна партия медицинского оборудования для кардиологического центра была отправлена из Сент-Луиса в Самару в июне 2002 года.¹⁵

Продуктивными являлись партнерские связи между городами в области образования. Это не удивительно, учитывая, что очень большую роль в установлении побратимских отношений между Самарой и Сент-Луисом сыграли профессор из университета Вебстера, приезжавшие преподавать в Самарском государственном университете (СамГУ).¹⁶ В июле 1997 Самарским государственным университетом и университетом Вебстера был завершен 2-ой этап программы подготовки помощников юристов.¹⁷ В том же году Комитетом городов-побратимов Сент-Луис-Самара был создан фонд стипендий для студентов, приезжающих в Сент-Луис из Самары, также были организованы стажировки студентов Сент-Луиса в Самаре.¹⁸ Изданием монографии российских и американс-

ких ученых завершился опыт сотрудничества Самарского государственного университета и Южно-Иллинойского университета (округ Сент-Луис) в области социологических исследований и общественного мониторинга.¹⁹

Но приходится констатировать, что количество направлений совместной работы, заявленных в Соглашении, к 2002 году практически сократилось до двух: здравоохранение и образование. Не удалось наладить экономические связи, которые стали бы более прочной основой отношений городов-побратимов, хотя именно развитие деловых контактов признавалось приоритетным направлением и той и другой стороной. Заинтересованность в развитии торговли и инвестиционных проектах в Самаре в 1993 году высказывали руководители химической компании «Монсанто».²⁰ В то же время, как отмечал директор по международному развитию компании Брэдди Хилл, «американский интерес сильно сдерживала политическая нестабильность в России, медленное течение реформ и существующая система налогообложения».²¹ Поэтому в дальнейшем сотрудничество с «Монсанто» ограничилось закупками средств защиты растений производства этой компании.²²

Не спешили вкладывать деньги в совместные проекты и самарские предприниматели. Ни одно из 40 предприятий, бизнес-описание которых подготовил для потенциальных самарских инвесторов исполнительный директор Центра Международного Сотрудничества Сент-Луиса Роберт Херманн,²³ не стало основой для налаживания инвестиционных связей сторон. В 2001 году представители Сент-Луиса выразили заинтересованность в совместном проекте по производству соевой продукции.²⁴ Со стороны Самары в данном проекте выразили готовность участвовать компании «Волга-Соя» и «Союшка».²⁵ Но проект так и остался в стадии теоретической разработки.

Были реализованы несколько совместных проектов и в области культуры. В мае 1997 года в здании самарской Администрации прошла экспозиция городов-побратимов, в том числе и Сент-Луиса.²⁶ В 1999 году успешно прошли гастроли труппы театра «Самарская площадь» в Сент-Луисе.²⁷ В июне 2000 года музеями Самары и Сент-Луиса была организована программа художественного обмена.²⁸ В том же году во время пребывания в Самаре делегации из Сент-Луиса в самарской филармонии выступил пианист Фрэнк Шиндлер.²⁹ На этом совместные проекты в области культуры практически исчерпывались. С 1994 года Самару посетили пять делегаций из Сент-Луиса, а представители самарской Администрации трижды отправлялись в Сент-Луис.³⁰ Обмен делегациями, безусловно, имел большое значение для укрепления связей между городскими администрациями. Но более широкие слои населения Самары и Сент-Луиса достаточно редко получали возможность познакомиться с образом жизни и культурой своего побратима.

Внимание привлекает не только то, что связи Самары и Сент-Луиса вылились в ряд отдельных проектов, затрагивающих в основном сферы здравоохранения и образования, но и неравномерность, скачкообразность их развития. Можно заключить, что более или менее стабильными они были лишь в отдельные годы описываемого периода: 1997-1999, 2001-2002.

Первый, если можно так выразится, «пик» в развитии связей городов-побратимов, очевидно, связан с началом реализации программы Региональной Инвестиционной Инициативы (РИИ) в Самарской области. Деньги, выделяемые Правительством США на оказание информационной и технологической поддержки руководителям и предпринимателям Самарской области, частично шли и на укрепление связей городов-побратимов Самары и Сент-Луиса.³¹ Однако, финансовый кризис 1998 года, хотя и с отсрочкой, сильно сказался на величине городского бюджета. Поддержание стабильных связей с таким далеким партнером, как Сент-Луис стало весьма дорогим удовольствием для городской казны. В то же время, и американская сторона не всегда могла обеспечить их финансирование. Например, в письме от 7 июня 2000 года Роберт Херманн винит экономическую депрессию в США и отсутствие средств в городском бюджете в том, что финансирование поездки делегации Сент-Луиса в Самару было задержано.³²

Второй пик в отношениях городов-побратимов вызван общим потеплением американо-российских отношений, связанным с вступлением России в анти-террористическую коалицию, возглавляемую США. Мэр Сент-Луиса Хейзелвуд Карр, во время своего пребывания в Самаре в июне 2002 года выразил уверенность что этот «исторический выбор России» будет основой нового, более плодотворного этапа, как в отношениях наших стран, так и в отношениях городов-побратимов.³³ В ходе этого визита обсуждались проекты регулярных стажировок студентов и преподавателей в университетах Самары и Сент-Луиса, участия американских побратимов в фестивалях джаза, авторской песни, кукольных театров и других всероссийских мероприятиях, проводимых в Самаре, обмена информацией о жизни городов-побратимов по каналам Интернет.³⁴ В то же время, обращает на себя внимание кратковременность этого всплеска взаимного интереса. С 2003 года Самару не посетила ни одна делегация из Сент-Луиса, и ни одна самарская делегация не отправилась за океан. Наступил перерыв даже в переписке.

Рассматривая динамику развития отношений городов-побратимов Самары и Сент-Луиса в 1994-2005 годах, можно сделать вывод, что называть такие отношения сотрудничеством было бы несколько преждевременно. В данный период были осуществлены несколько совместных проектов, которые затронули в основном две сферы жизни горожан: здравоохранение и образование. Но контакты не были продолжены, не сложилась система взаимодействия. Не удалось создать экономических связей между предпринимателями Сент-Луиса и Самары, которые послужили бы основой более стабильных отношений.

Существовал целый ряд как объективных, так и субъективных причин для подобного развития связей Самары и Сент-Луиса. К объективным можно отнести географическую удаленность города-побратима, которая определяла величину расходов на поддержание связей с ним. Самаре все эти годы было гораздо выгоднее поддерживать связи с не столь отдаленной Европой. В то же время существовали препятствия чисто бюрократического характера. В своем приветственном слове к делегации Сент-Луиса (июнь 2002 года) мэр города Г.С. Лиманский выразил сожаление, что до сих пор ни в России, ни в США не предусмотрен льготный порядок оформления виз для въезда в США в рамках партнерских

связей между городами. Поэтому при оформлении виз требовалось потратить значительное время и уплатить консульский сбор.³⁵

Однако существовали и субъективные причины нестабильности связей Самары с заокеанским побратимом. Они коренились в зависимости последних от американско-российских отношений на государственном уровне, о чем свидетельствует выявленная взаимосвязь «пиков» в развитии связей городов-побратимов с потеплениями в отношениях России и США.

В последние годы в отношениях России и США накапливались противоречия. Это не позволяет слишком оптимистично рассматривать перспективы отношений городов-побратимов Самары и Сент-Луиса. Но, с другой стороны, накоплен опыт развития связей с заокеанским партнером, сохраняются предпосылки экономического сотрудничества. В этих условиях большое значение приобретает деятельность специалистов Департамента международного и межрегионального сотрудничества Администрации городского округа Самары и Центра Международного Сотрудничества Сент-Луиса по поддержанию контактов, снабжению другой стороны бизнес-информацией, развитию связей в области образования, здравоохранения, культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Киселев, В. Международное лицо Самары / В. Киселев // Самарская газ. – 1997. – 29 мая.

²Цит. по: Караулова, Л. Поезжайте в Сент-Луис. Встретят вас по-братски / Л. Караулова // Самарская газ. – 1993. – 19 мая.

³<http://city.samara.ru/economics/1/96>

⁴www.slcir.org/sc_samara.asp

⁵Адидова, С. Сент-Луис ценит дружелюбие /С. Адидова // Самарские известия. – 1993. – 13 мая.

⁶Там же.

⁷Nelson Kathleen Sister City: St. Louis' Newest Sibling Opens Doors for Tourists/ Kathleen Nelson // St. Louis Post-Dispatch. – 1993. – August 15.

⁸Цит. по: Nelson Kathleen Sister City: St. Louis' Newest Sibling Opens Doors for Tourists/ Kathleen Nelson // St. Louis Post-Dispatch. – 1993. – August 15.

⁹Соглашение о сотрудничестве между городом Самарой (Российская Федерация) и графством Сент-Луис (США). // Департамент международного и межрегионального сотрудничества, Администрация городского округа Самара (ДММС). Текущее делопроизводство.

¹⁰Там же.

¹¹ГАСО. – Ф. 4758. – Оп. 2. – Д. 98. – Л. 94.

¹²Там же.

¹³Там же.

¹⁴Материалы к встрече Главы города Самары Лиманского Г.С. с делегацией Госдепартамента и Посольства США 26 марта 2002 года // ДММС. Текущее делопроизводство.

¹⁵Программа пребывания делегации Сент-Луиса (США) в Самаре 15-19 июня 2002 года // ДММС. Текущее делопроизводство.

¹⁶Адидова, С. Вебстер нам поможет. Чем сможет / С. Адидова //Самарские известия. – 1993. – 22 декабря.

¹⁷ГАСО. – Ф. 4758. – Оп. 2. – Д. 98. – Л. 94.

¹⁸ Материалы к встрече Главы города Самары Лиманского Г.С. с делегацией Госдепартамента и Посольства США 26 марта 2002 года // ДММС. Текущее делопроизводство.

¹⁹ Там же.

²⁰ Volland, V. Russian Kin' Seek Investors / Victor Volland // St. Louis Post-Dispatch. – 1994. – February 15.

²¹ Цит. по: Volland, V. Russian Kin' Seek Investors / Victor Volland // St. Louis Post-Dispatch. – 1994. – February 15.

²² <http://city.samara.ru/economics/1/96>

²³ Письмо исполнительного директора Центра Международного Сотрудничества, Сент-Луис, Р. Херманна к ведущему специалисту Департамента международных и межрегиональных связей, Самара, Е. Калугиной от 7 июня 2000 года // ДММС. Текущее делопроизводство.

²⁴ Письмо исполнительного директора Центра Международного Сотрудничества, Сент-Луис, Р. Херманна к ведущему специалисту Департамента международных и межрегиональных связей, Самара, Е. Калугиной от 11 августа 2001 года // ДММС. Текущее делопроизводство.

²⁵ Там же.

²⁶ Бондаренко, А. Международный потенциал Олега Сысуева / А. Бондаренко // Вечерняя Самара. – 1996. – 23 августа.

²⁷ Материалы к встрече Главы города Самары Лиманского Г.С. с делегацией Госдепартамента и Посольства США 26 марта 2002 года // ДММС. Текущее делопроизводство.

²⁸ Письмо исполнительного директора Центра Международного Сотрудничества, Сент-Луис, Р. Херманна к ведущему специалисту Департамента международных и межрегиональных связей, Самара, Е. Калугиной от 7 июня 2000 года // ДММС. Текущее делопроизводство.

²⁹ Чеботарев, Н. Разговор с Америкой / Н. Чеботарев // Волжская заря. – 2000. – 14 июня.

³⁰ www.slcir.org/sc_samara.asp

³¹ ГАСО. – Ф. 4758. – Оп. 2. – Д. 98. – Л. 95.

³² Письмо исполнительного директора Центра Международного Сотрудничества, Сент-Луис, Р. Херманна к ведущему специалисту Департамента международных и межрегиональных связей, Самара, Е. Калугиной от 7 июня 2000 года // ДММС. Текущее делопроизводство.

³³ Гости из Сент-Луиса // Ваш выбор – Самара. – 2002. – 20 июня.

³⁴ Там же.

³⁵ Материалы к встрече Главы города Самары Лиманского Г.С. с делегацией Госдепартамента и Посольства США 26 марта 2002 года // ДММС. Текущее делопроизводство.

САМАРСКИЙ АРХИВ

Н.Н. Петровский*

УРУ-ТЮПЯ

арев курган... Когда-то эта одинокая голая гора, так разительно отличавшаяся от заросших лесом Жигулевских и Сокольных гор, была местом паломничества. Его посещение было чуть ли не обязательным для каждого жителя Самары, желающего утвердиться в звании культурного человека. И для гостей города тоже.

Свидетельства очевидцев и труды историков сообщают, что Царев Курган удостоен посещения многих знаменитостей. Здесь кроме ученых исследователей и путешественников бывали императоры Петр Великий и Александр Первый, декабрист Алексей Веденяпин, революционеры Софья Перовская и Владимир Ильич Ленин. С Царева Кургана делал зарисовки украинский поэт и художник Т.Г. Шевченко. Не только он – многие российские и иностранные художники и фотографы запечатлели для потомков курган таким, каким его создала мать-природа. Почему к нему шли?

Он не просто возвышался над окружающей местностью. В нем присутствовала некая мистическая притягательная сила. Может быть от того, что с его голой вершины открывались неоглядные дали на все стороны света, где человек наиболее явственно ощущал свою ничтожность перед величием Природы, ее могуществом. Сияние Солнца и шелест Ветра, Горы, Леса, Великая Волга и Великая Степь – все это под покровом небесного свода неосознанно воспринималось как единое языческое Божество, перед которым люди рабски простирались ниц. Он был Царевым задолго до появления здесь царя Петра и Ленина. На нем когда-то стоял, обнажив голову и повесив пояс на шею¹, внук Чингисхана царь Бату, возносивший молитвы Вечному Небу. С его вершины, как с минарета, разносились протяжные голоса муэдзинов царя Узбека, призывая гордых степняков-мангытов уверовать в Пророка Мухаммеда. В золототканном шатре, установленном на Царевом Кургане, играл в шахматы с другом и духовником сейдом² Береке непобедимый хромой Тимур – царь Тимур-Аксад, известный в Европе под именем Тамерлана. Не ошибался флотский офицер Трубников 8 сен-

* © Петровский Н.Н. – столяр Самарской областной универсальной научной библиотеки

тября 1824 года, когда стоя с Александром Первым на вершине Кургана, говорил Императору: «Ваше Величество, под сим наименованием ОН был известен еще под татарским владычеством». Видимо Трубников хорошо знал предмет разговора – Царев Курган (1).

Но Курган не всегда был Царевым. Степняки, пригонявшие свои стада к берегу Волги, называли его скромным именем Уру-Тюпя (2).

Русский военный историк М.И. Иванин в труде «О военном искусстве... при Тамерлане» посвящает несколько страниц походу Тимура в междуречье Волги и Урала и его битве с ханом Золотой Орды Тохтамышем на реке Кондурче в июне 1391 года. Одержав победу, Тимур направился, по словам Иванина, «на цветущие луга урочища Уру-Тюпя, где было обыкновенно летнее пребывание ханов Золотой Орды /вероятно, в окрестностях г.Ставрополя, близ так называемого ныне Царева Кургана, острова на реке Волге» (3).

О местности Уртупе /Уру-Тюпя/ известно из второго тома «Сборника материалов, относящихся к истории Золотой Орды», составленного В.Г. Тизенгаузеном, для которого основным источником сведений о Тимуре и, в частности, о его походе на Волгу явилась «Книга побед» /Зафар-Намэ/ Шерефаддина – современника и апологета Тимура. В Зафар-Намэ есть такие строки: «Тимур-Завоеватель двинулся вслед своим войскам, ушедшим в погоню за неприятелем, прибыл к берегу Итиля, и равнина Уртупе стала местом лагеря султана» (4).

В книге «Распад Золотой Орды» историк М.Г. Сафаргалиев пишет: «Остановившись лагерем на одном из островов Волги, носившем имя Уртюбе, Тимур в течение 26 дней приводил в порядок свои войска» (5).

Попробуем разобраться: где же, все-таки, приходила в себя армия Тимура после жестокой битвы на Кондурче?

Если верить историко-топонимическому словарю России Е.М. Поспелова, тюркское слово «Уратюбе» переводится на русский язык как «холм, окруженный рвом с водой» (6). Зная этот перевод, М.Г. Сафаргалиев с легкостью называет место отдыха тимуровской армии островом на Волге. Но...

Любой волгарь /не волжанин/ хорошо знает, что собой представляют острова в среднем течении Волги. Это низменные, заросшие осокой, ветлой, вязом и кустарником, пойменные земли, часто с многочисленными озерами и старицами. Никак нельзя согласиться с тем, что мудрый Тимур решил разместить армию с огромными обозами и лазаретами, полными раненых бойцов, в столь неудобном месте с ограниченным обзором местности, где тучи слепней, мошки и комаров отравят существование и изнурят не только воинов, но и их боевых коней и вьючных животных. Видимо М.Г. Сафаргалиев посчитал этот эпизод незначительным, не достойным серьезного изучения. И поспешил с выводами.

При определении места, где «Тамерлан, получив несметную добычу, провел 26 дней в пиршествах», более точен М.И. Иванин, назвав его «урочищем Уру-Тюпя» близ острова по имени Царев Курган. Советский энциклопедический словарь объясняет, что урочище – это «в широком смысле – любая часть местности, отличная от окружающих /например, моренный холм, заболоченная кот-

ловина и др./» (7). А вот как толкует это слово В. Даль. «Урочище, живое урочище – всякий природный знак, мера, естественный межевой признак, как: речка, гора, овраг, гривка, лес» (8). Вспомним, что выше мы называли Царев Курган горой Уру-Тюпя. Она, как нельзя лучше, подходила к значению природного знака, естественного межевого признака, способного обозначить, отмежевать прилегающую местность, придав ей свое имя. Но почему одинокий лысый курган носит имя, означающее «холм, окруженный рвом с водой» и даже «остров»?

Вот как описывает Царев Курган член Петербургской Академии наук Петр Паллас /1741 – 1811/. «В этом углу, который делает к Волге стремящаяся от северо-востока река Сок, находится на ровном месте продолговато-круглый холм. С двух сторон окружает его текущая там излучиною река Сок, а с западной стороны речка Курум» (9). Ну, чем не остров!

Более впечатляющее описание Царева Кургана как острова дает писатель и исследователь волжских берегов Д.Н. Садовников /1847 – 1883/. Вот как он это делает. «Сок... с двух сторон обтекает Царев бугор. На западе мимо него вьется другая речка – Курум. Весной, в большой разлив, кажется, будто величавый бугор выходит из самой середины Волги и перегораживает путь идущему вниз пароходу. Тому очень легко ошибиться и поверить глазу». И добавляет: «Почти отовсюду Царев Бугор отрезан водой» (10).

Даже в наше время, несмотря на построенные у кургана дороги, мосты, дамбы – если не островом, то холмом, окруженным водой, Царев Курган назвать можно. Без сомнения. Особенно в половодье. Если же отодвинуть историю ко времени Бату-хана, когда курган и округа не имели следов человеческой деятельности, и лишь Волга, Сок и Курум разрушали его каменистые склоны, то... В то время его «островное» имя Уру-Тюпя не вызывало сомнений. Оно звучало естественно, как наиболее подходящее для холма, окруженного водой. Он был отличительным знаком окружающей местности, которую стали называть его именем – Уру-Тюпя. Здесь, в этом урочище после кровопролитной битвы отдыхала армия Тимура с 22 июня по 17 июля 1391 года.

Приходилось слышать, что местом отдыха армии Тимура могла быть Самарская Лука, которой легко подходит название Уру-Тюпя /Уратубе, Уртупе, Уртубе/ как местности, окруженной водами Волги и реки Усы. Это опровергается тем, что в планы Тимура с момента выхода армии из-под Ташкента не входило форсирование Великой Реки Итиль. А если учесть жестокий урон, понесенный его армией в битве на Кондурче, то эта идея стала трудно выполнимой. Да и зачем Тимуру менять приволье степного, равнинного левобережья на неудобье заросших лесом гор?!

Но почему гора /бугор, холм/ Уру-Тюпя сменил имя и стал Царевым Курганом?

Первые документальные сведения о горе Уру-Тюпя как о Царевом Кургане исходят от немецкого ученого и много путешествовавшего дипломата Адама Олеария /1603 – 1671/. Его записки о путешествии по Волге в 1636 году были 11 лет спустя опубликованы в Германии. «С левой стороны, недалеко от берега, пишет Олеарий, увидели мы голый песчаный холм, лежащий на плоской рав-

нине. Называли его «Царев Курган». Нам рассказали, что в нем похоронен татарский государь по имени Момаон. Солдаты его, которых было бесчисленное множество, шлемами и щитами собрали столько земли для погребения, что возникла эта гора» (11). Эту же легенду повторяет в своих записках голландский путешественник Ян Стрейс /1630 – 1694/, добавляя в качестве другой версии, что Царев Курган сложен из костей воинов разбитого здесь татарского войска. Похожие легенды оставили потомкам и другие, более поздние авторы, в числе которых живописец и путешественник Корнелиус де Бруин /1652 – после 1711/, член Петербургской Академии наук Петр Паллас /1741 – 1811/, географ А.В. Трупчинский, академик И.И. Лепехин. А немецкий писатель, участник экспедиции Олеария Пауль Флеминг изложил ее в стихах с прекрасным заключительным изречением:

«Орда кишела здесь, теперь тут все молчит.

Не то же ль вообще история гласит:

Забвенье ждет нас всех, как кто бы не кичился!» (12).

Существуют легенды и о том, что Царев Курган был отсыпан по приказу царя Ивана Васильевича Грозного и даже Степана Разина.

Рукотворность кургана легко и необычно для современного языка опровергает академик П. Паллас: «Сей холм бесспорно от прочих гор отделен рекою Соком и сделался круглым от наводнений; но для одного не порядка и конической его фигуры приписано ему по простой сказке другое и весьма удивительное происхождение. Рассказывают о нем различным образом, однако выходит напоследок следующая басня: в старинные времена шло по сей стране многочисленное войско, предводитель которого для памяти великой своей силы велел каждому воину принести на сие место одну только полную шапку земли, отчего и произошла ныне находящаяся превеликая куча; но она к опровержению сей небылицы по большей части состоит из таких больших диких камней, которые ни в какую шапку не вмятятся, и никакой воин нести не может» (13).

А вот что предлагал академик И.И. Лепехин в 1768 году: «Наименование сего бугра происходит, как сказывают, от некоего Касимовского царевича, который при сем месте имел усадьбу, почему и до днесь находящееся при нем село Царевщиною называется». Однако известно, что освоение Самарского Заволжья земледельцами, с созданием крестьянских поселений и помещичьих усадеб из-за опасности набегов кочевников, началось лишь в 18 веке. По этой причине Адам Олеарий не мог в 1636 году видеть села Царевщины, которое получило свое название почти век спустя от имени Царева Кургана, а не наоборот. Это подтверждается географическими картами 19 века, где Царевщина – ныне поселок Волжский, значится как Царевокурганская Слобода или село Царевокурганское. Упоминание же историков о раннем существовании сезонной рыболовецкой ватаги в устье Сока никак не связано ни с названием Царева Кургана, ни с названием будущего села. Тем более, что располагались строения ватаги значительно ниже кургана, на одном из островов дельты Сока, надежно прикрытого от степняков заросшими лесом Сокольими горами и речными протоками.

С уверенностью можно сказать, что переименование горы Уру-Тюпя про-

изошло из-за не ежегодного, но и не редкого нахождения поблизости от нее летней «кочевой столицы» Золотой Орды. Русские речники, контролировавшие судоходство на Волге, не однажды видели у подножия и на вершине кургана царский блеск златотканых шатров ханов и средневековых туристов из числа кочевой золотоордынской знати (14). Судовщики и нанимавшие их купцы не только проплывали мимо, но и привозили к подножию кургана различные товары для продажи, а также подымались по реке Сок к кочевьям и болгарским поселениям. Они знали, что во время нахождения ханского двора в урочище Уру-Тюпя, на кургане бывали лишь царь и царедворцы. Русские всегда называли татарских ханов своими царями, что соответствовало действительности и название кургана, где, бывало, властно возвышались царские шатры, напрашивалось само собой. Окончательно как Царев Курган оно утвердилось после Кондурчинской битвы – события, породившего легенды о бесчисленном войске, его предводителе и о кургане из костей погибших воинов.

Бывал ли на горе Уру-Тюпя последний царь Улуса Джучи Тохтамыш? Вряд ли найдутся документы, подтверждающие это. Столь незначительные события могли просто не замечаться летописцами, считались недостойными быть запечатленными на драгоценном листе бумаги или пергамента. Не по поводу ли отсутствия сведений о подобных «незначительных событиях» и других «мелочах» говорит в своих заметках по истории Золотой Орды русский востоковед Н.И. Веселовский? Он пишет: «История Золотой Орды, как известно, разработана крайне неудовлетворительно, что происходит от тех серьезных, иногда прямо непреодолимых трудностей, которые преследуют исследователя на каждом шагу» (15). Однако, не следует не принимать во внимание, что столь энергичный государственный деятель и любознательный человек как Тохтамыш мог и не избежать влияния притягательной силы горы Уру-Тюпя. Не на ее ли вершине стоял он поздней осенью 1380 года, радуясь победе русских на Куликовом Поле. Он глядел на замерзающую Волгу, готовясь перейти ее по льду, чтобы, догнав и пленив узурпатора Мамаю в Приазовской степи, отпустить его в Крым на погибель. Выходец из заяицких степей, Тохтамыш, овладев Улусом Джучи, писал в Москву, что он «сел на Волжское царство» (17). Волга всегда была стержнем Улуса Джучи, и ее география, и ее берега не могли остаться без внимательного изучения Тохтамышем и его предшественниками. И конечно же, не осталась без внимания самая яркая достопримечательность левого берега Волги – гора Уру-Тюпя, к определению имени которой как Царева кургана все татарско-русские цари невольно, а может быть и вольно приложили руки.

Прошли столетия. Кости погибших и умерших от ран бойцов Тохтамыша и Тимура, обнаженные паводками и ветрами, долго белели в степи и среди камней, скатившихся со склонов Кургана, пока время не превратило их в прах. Превратился в прах и сам Царев Курган, некогда попираемый стопами Велико-го Железного Хромца.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Повесить пояс на шею – у монголов: всецело отдать себя на волю Неба.
² Сейид – потомок пророка Мухаммеда.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сидоров, А.А. Царев Курган: находки и открытия / А.А. Сидоров // Самарский край в контексте русской истории. – Самара, 2002. – С. 306.
2. Географические названия мира. Топонимический словарь. – М., 2002. – С. 432-433.
3. Иванин, М.И. О военном искусстве при Тамерлане / М.И. Иванин. – СПб., 1875. – С. 199-202.
4. Тизенгаузен, В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2 / В.Г. Тизенгаузен. – М.-Л., 1941. – С. 172, 298.
5. Сафаргалиев, М.Г. Распад Золотой Орды / М.Г. Сафаргалиев. – Саранск, 1960. – С. 156.
6. Поспелов, Е.М. Историко-топонимический словарь России / Е.М. Поспелов. – М., 2000. – С. 185.
7. Советский энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 1403.
8. Даль, В.И. Толковый словарь русского языка / В.И. Даль. – М., 2001. – С. 678-679.
9. Паллас, П.С. Путешествие по разным провинциям Российской Империи. – Ч.1 / П.С. Паллас. – СПб., 1773. – С.218-219.
10. Садовников, Д.Н. Царев Бугор / Д.Н. Садовников // Самарский край в контексте Российской истории. – Самара, 2002. – С. 311.
11. Олеарий, А. Описание путешествия через Московию в Персию и обратно / А. Олеарий. – СПб., 1906. – С.381-382.
12. Там же.
13. Паллас, П.С. Указ. соч. – С. 218-219.
14. Вернадский, Г.В. Монголы и Русь / Г.В. Вернадский. – Тверь-М., 2001. – С. 270.
15. Веселовский, Н.И. Заметки по поводу Золотой Орды / Н.И. Веселовский. – Петроград, 1916. – С. 1.
16. Устюжский летописный свод, ПСРЛ. – М.-Л., 1950, под 6889; Гумилев, Л.Н. Древняя Русь и Великая степь / Л.Н. Гумилев. – М., 2002. – С. 606, 661.
17. Насонов А.Н. Монголы и Русь. – М.-Л., 1940. – С. 196.
18. Атлас географический. Геогр. Департ. – СПб., 1800.
19. Атлас географический. – СПб.: Изд. картогр. завед. Ильина, 1876.

А.Б. Окунь*

**«ГОЛОДАЮЩЕЙ РОССИИ...»
(Л. ТОЛСТОЙ И АМЕРИКАНСКАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ПОМОЩЬ
ВО ВРЕМЯ ГОЛОДА В ПОВОЛЖЬЕ В 1892 Г.)**

оссийско-американские общественные связи имеют долгую историю развития. Они не прерывались даже в периоды обострения или разрыва официальных отношений между странами. Одной из интересных страниц этой истории является благотворительная деятельность американской общественности во время голода в России 1891-1892 гг. Этот голод для России был одним из наиболее тяжелых в XIX в. Им было охвачено 29 губерний с населением около 25 млн. человек. По оценке Л.Толстого, голодала треть населения страны. Активную роль в борьбе с голодом с самого начала играла российская общественность: были созданы многочисленные фонды, собиравшие средства для помощи голодающим, открывались бесплатные столовые в регионах, охваченных голодом.

Ситуация в России вызвала горячий отклик в различных странах мира, в том числе и в США. Уже осенью 1891 г. в американской прессе появились сообщения о грядущем России голоде и стали распространяться призывы Британско-американской церкви Санкт-Петербурга о сборе средств в фонд помощи голодающим, созданный этой церковью¹. В январе 1892 г. в западных газетах стали появляться репортажи о начавшемся в России голоде, сопровождавшиеся критикой в адрес российского правительства и императора². Эти публикации, изобиловавшие ужасающими сценами из жизни голодающих крестьян, способствовали возникновению в США общественных организаций и движений помощи голодающим России. В Вашингтоне был создан «Американский комитет помощи голодающим России» под председательством бывшего губернатора Дж. Хойта. В него вошли представители политической и церковной элиты США: вице-президент Л.Мортон, сенаторы, губернаторы, епископы различных конфессий. Подобные комитеты создавались также в отдельных штатах и городах. Одним из наиболее активных стал «Комитет помощи России» в Кливленде (шт. Огайо). Его председателем был Дж. Барнетт, но основную работу по сбору средств, переписке, отправке денег в Россию вел секретарь-казначей комитета Джеймс Гарфилд-младший, преуспевающий бизнесмен, сын 20 президента США Дж. Гарфилда.

Кливлендский комитет направлял адресные подписные листы предпринимателям, общественным деятелям и организациям города. В этих листах описывалось тяжелое положение населения голодающих регионов России, упоминалось о помощи, которую Россия оказала Америке во время гражданской войны, и содержался призыв оказать посильную помощь русскому народу. В каче-

* © Окунь А.Б. – доцент кафедры зарубежной истории Самарского государственного университета

стве гарантии честного распределения средств использовалось имя Л.Н. Толстого, которому предполагалось направить собранные средства³. Всего Кливлендский комитет распространил 285 таких подписных листов. В соответствии с финансовым отчетом секретаря-казначей Гарфилда 203 из них достигли цели, т.е. были возвращены с чеками на различные суммы⁴. Деятельность комитета, его цели вызвали отклик у самых разных групп населения. В его архиве находится целый ряд очень интересных писем от школьников, собравших несколько долларов (от 3 до 10) в помощь своим голодающим сверстникам в России⁵. Всего школьники 56 школ Кливленда прислали 627 долларов. В целом же Кливлендскому комитету удалось собрать 5 тыс. долларов (по тогдашнему курсу эта сумма равнялась 10 тыс. рублей)⁶.

После этого возникла проблема отправки этих денег в Россию максимально эффективным способом, так чтобы они дошли до адресатов – голодающих крестьян. Изначально было принято решение о передаче собранных средств в фонд Л. Толстого, но обсуждались и другие варианты. Национальный комитет использовал для этого Красный Крест и предлагал Кливлендским коллегам воспользоваться этим же каналом. Генеральный консул США в Петербурге Дж. Кроуфорд в конфиденциальном письме Гарфилду писал о сложных отношениях Л. Толстого с российским правительством, советовал в связи с этим не отправлять ему собранные деньги и одновременно критиковал работу Красного Креста в России. Он сообщал о многочисленных жалобах на деятельность сотрудников Красного Креста, не совместимую с целями этой организации, в качестве примера приводил Самару, где они, выдавая крестьянам денежную помощь, брали с последних письменное обязательство в течение трех лет возвратить полученные средства. При этих обстоятельствах Кроуфорд предлагал свои услуги для распределения собранных средств, предполагая направить их на финансирование отправки продовольствия, пришедшего в Россию на пароходе «Индиана», немецким колонистам, страдавшим от голода в Поволжье⁷. Однако Кливлендский комитет принял решение отказаться от посредничества каких-либо других организаций и направить деньги непосредственно в распоряжение Л. Толстого, чей высокий авторитет являлся гарантией их целевого использования. Косвенным образом в этом решении выразилось недоверие к официальным государственным структурам и особенно к российской бюрократии. Собранные средства пересылались Л. Толстому тремя порциями через посла США в России Ч. Смита и поверенного в делах США в России Дж. Уортса в марте – мае 1892 г.⁸. В качестве подтверждения получения денег Л. Толстой направил три письма-расписки Гарфилду, которые в настоящее время хранятся в архиве Кливлендского комитета. Первое из них, датированное 1 апреля (20 марта по Российскому календарю), представляет собой расписку, написанную кем-то из секретарей. Но оно содержит приписку, сделанную рукой Толстого, в которой выражается сердечная благодарность за щедрый дар (3 тыс. рублей)⁹. Посол Ч. Смит в своем сопроводительном письме написал, что Толстому текст расписки показался слишком сухим, и он дописал слова благодарности¹⁰. Второе письмо целиком написано Л. Толстым, датировано 14 (2) апреля 1892г., адресовано лично Дж. Гарфилду, содержит подтверждение получения чека на 4020 рублей и выражение благо-

дарности Кливлендскому комитету¹¹. Третье письмо от 17(5) июня 1892 г. было написано Дж. Уортсом и лишь подписано Толстым¹². Эти письма немедленно отправлялись в Америку и никогда не публиковались в нашей стране.

Есть основания предполагать, что полученные таким образом деньги были использованы в организации бесплатных столовых для крестьян в Поволжье, чем в основном занимался фонд, созданный Л. Толстым.

После стабилизации продовольственного положения в России Кливлендский комитет помощи прекратил свое существование, опубликовав в местной газете подробный финансовый отчет о своей деятельности и поименный список предприятий, организаций и частных лиц, внесших деньги в его фонд.

Деятельность Кливлендского комитета помощи голодающим России представляет собой маленький эпизод из истории российско-американских общественных отношений, однако он позволяет сделать выводы о большом интересе к России, проявлявшемся в США, о развитых традициях благотворительности и гуманитарной помощи и о стремлении американской общественности развивать непосредственные связи с российским народом, минуя официальные каналы и не отягощая их политическими целями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Francis A. The Famine In Russia. British & American Church, St. Petersburg, 21st October, 1891 // Harry Garfield Papers, box 104, Manuscript Division, Library of Congress, Washington, D.C.

² Pall Mall Gazette. 1892, January 6, 7, 9.

³ The Russian Relief Committee Subscription List // Harry Garfield Papers, box 104.

⁴ Report of the Treasurer of the Russian Relief Committee of Cleveland, Ohio // Harry Garfield Papers, box 105.

⁵ Harry Garfield Papers, box 104.

⁶ Report of the Treasurer of the Russian Relief Committee..

⁷ J.M. Crawford to J.R. Garfield, March 26, 1892 // Harry Garfield Papers, box 104.

⁸ Report of the Treasurer of the Russian Relief Committee..

⁹ L. Tolstoy to Cleveland Relief Committee, April 1, 1892 // Harry Garfield Papers, box 104.

¹⁰ C.E. Smith to J.R. Garfield, April 12, 1892 // Harry Garfield Papers, box 105.

¹¹ L. Tolstoy to J.R. Garfield, April 14, 1892 // Harry Garfield Papers, box 104.

¹² L. Tolstoy to G.W. Wurts, June 17, 1892 // Harry Garfield Papers, box 105.

БОРИС ДМИТРИЕВИЧ КОЗЕНКО
(1927-2007)

18 марта 2007 года ушел из жизни доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы России, заведующий кафедрой зарубежной истории Самарского государственного университета Борис Дмитриевич Козенко. Его жизненный путь неразрывно связан с историей: историей своей страны и историей как наукой, в развитие которой он внес неоценимый вклад.

Борис Дмитриевич родился 21 июля 1927 г. в Тощих лагерях близ Самары в семье командира РККА, участника гражданской войны, рабочего по происхождению Дмитрия Леонтьевича Козенко. Как все мальчики военного городка ничего не думал о своем будущем, оно было ясным: путь в Красную Армию. Начавшаяся 22 июня 1941 года Великая Отечественная война разбила эти мечты. Бориса не взяли в армию даже на не строевую должность. По совету мамы, учителя истории, он поступил на исторический факультет Саратовского государственного университета (1945 г.) в надежде заниматься военной историей: учился отлично (был Кировским стипендиатом), с первого курса проявил интерес к истории США. Он защитил дипломную работу на тему «Внешняя политика США в годы Первой мировой войны». После окончания университета началась преподавательская работа: семь лет в Тюмени, а с 1958 г. в Саратовском университете.

По рекомендации кафедры новой истории Козенко поступил в аспирантуру Института истории АН СССР. В ту пору в институте и на кафедре новой и новейшей истории МГУ работал цвет отечественной американистики, гордость советской науки. Высокий уровень требований коллектива сотрудников сектора к его работе, доброе, товарищеское отношение очень помогли Борису Дмитриевичу. Он с благодарностью вспоминает многолетнее плодотворное сотрудничество с Л.И. Зубоком, Г.Н. Севостьяновым, И.А. Белявской, И.П. Дементьевым, Р.Ф. Ивановым, Г.П. Куропятником, Н.В. Курковым, В.Л. Мальковым, В.В. Согринным, Н.В. Сивачевым, П.П. Черкасовым, Е.Ф. Язьковым, И.Д. Парфеновым и А.И. Аврусом.

В 1965 г. вышла его первая монография "Рабочее движение в США в годы Первой мировой войны", которая была защищена как кандидатская диссертация. По окончании аспирантуры, в 1960-х годах, Б.Д. Козенко работал сначала старшим преподавателем, а затем доцентом кафедры новой и новейшей истории Саратовского университета. Здесь увидела свет его вторая монография, посвященная яркому лидеру и организатору рабочего движения Юджину Деббсу.

"В жизни ученого самые значительные события – мысли, самые важные явления – книги", – сказал как-то В.О. Ключевский. Интенсивность и качество работы Б.Д. Козенко вызывают уважение. Им опубликовано более 100 научных работ. Этапной стала монография "Новая демократия" и война" – фундаментальное исследование внутренней политики США в один из переломных этапов в истории страны. Монография, написанная свыше 20 лет назад, остается в отечественной науке первым систематическим исследованием этого периода американской истории, а выводы, ставшие предметом научных дискуссий, ныне

прочно вошли в отечественную американистику. По материалам опубликованной работы Б.Д. Козенко в 1982 г. защитил в Институте всеобщей истории АН СССР докторскую диссертацию. Он стал автором глав в четырех томной "Истории США", изданной в начале 80-х годов и ставшей заметным событием в научной жизни страны.

В 80-90-х годах научные работы Б.Д. Козенко регулярно публиковались в авторитетных отечественных научных изданиях. Широк диапазон проблем, которые затронуты в его книгах, статьях, многочисленных рецензиях. От изучения проблем американского рабочего и демократического движения Б.Д. Козенко перешел к анализу внутренней политики администрации В. Вильсона. В начале 90-х годов появились статьи, посвященные спорным вопросам внешней политики США кануна и периода Первой мировой войны, в которых предложена новая трактовка посреднической политики В. Вильсона, проблемы наметившегося в те годы российско-американского сближения.

В последние годы в центр внимания ученого все чаще попадали вопросы, связанные с общей оценкой характера и причин Первой мировой войны. Борис Дмитриевич был активным участником научных дискуссий, которые ведутся по этой проблематике в современной отечественной историографии. В 2004 по инициативе Б.Д. Козенко на историческом факультете СамГУ была проведена межвузовская конференция, посвященная 90-летию начала Первой мировой войны, по материалам которой был издан сборник "Война и общество". В 2005 году вышла в свет монография, написанная в соавторстве с Г.М. Садовой, "Происхождение Первой мировой войны". Одной из последних работ Б.Д. Козенко была обстоятельная рецензия на монографию Роберта Иванова "Гражданская война в США" (М., Наука, 2005).

С 1971 г. Б.Д. Козенко возглавлял кафедру зарубежной истории Самарского государственного университета. Новое дело приходилось начинать буквально с нуля. Борис Дмитриевич сам разрабатывал и читал курсы по истории, историографии зарубежных стран различных периодов. Лучшие студенты первых выпусков университета, специализировавшихся по зарубежной истории, были направлены в аспирантуры ведущих вузов страны. Многие из них защитили кандидатские и докторские диссертации и сегодня работают на кафедре зарубежной истории Самарского государственного университета, составив ее костяк. В 80-х и 90-х годах при кафедре были созданы аспирантура, а затем докторантура. Среди учеников Б.Д. Козенко – более 10 кандидатов и 1 доктор наук. Основная тематика их работ – история США и первой мировой войны. Без преувеличения можно сказать, что Борисом Дмитриевичем создана в Самаре крупнейшая в российской провинции школа исследователей-американистов.

Большое место в жизни ученого занимала популяризация научных знаний. Многие годы Б.Д. Козенко выступал перед учителями Самары и Самарской области с лекциями по различным разделам зарубежной истории и истории США. Понимая, насколько остро отечественная школа нуждается в популярной, доступной и в то же время доброкачественной учебной литературе, Б.Д. Козенко в соавторстве с академиком Г.Н. Севостьяновым опубликовал "Историю США", которая успешно используется в учебном процессе не только в средней, но и

высшей школы. Под его руководством коллектив авторов, в основном сотрудники кафедры зарубежной истории СамГУ, подготовил и издал учебник по истории нового времени (1870-1918), адресованный учащимся старших классов.

Бориса Дмитриевича всегда отличали скромность, удивительное трудолюбие и требовательность к себе. Несмотря на большую университетскую нагрузку, он всегда старался выкроить несколько часов в свободный день утром для того, чтобы поработать над очередной статьей, очерком, монографией. И те, кто знает его привычки, только в самые экстренные случаи беспокоили его в эти часы. Веселый, ироничный собеседник, любитель поэзии и классической музыки – таким Б.Д. Козенко был в дружеском кругу.

Борис Дмитриевич Козенко навсегда останется в памяти его коллег и учеников как образец честного отношения к себе и своему делу, как человек, сочетавший в себе качества большого ученого, прекрасного педагога, наставника и друга.

*Преподаватели исторического
факультета Самарского
государственного университета*

СОДЕРЖАНИЕ

Соловьева С.В., Костомаров А.С. Как в первый раз...	3
--	---

ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ

Фролова С.А. Пансион для благородных девиц Мельцер в Саратове (1810-1811)	13
Леонов М.И. География эсеровских организаций на рубеже XIX – XX вв. (Европейская Россия: Великороссия, Запад)	19
Шерстнева Г.С., Михеева А.В. Городской голова Федор Семенович Плотников (16.04.1798 – 25.09.1857 гг.)	32
Дорошенко А.А. Наш земляк, житель самарского края В.Н. Львов. Путь от консерватора-конституционалиста до национал-большевика	40
Санникова Н.А. Великая Отечественная война в переписке и творчестве Н.К. Тиханова	44

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

Русяев П.С. Взаимоотношения членов императорской фамилии в царствование императора Александра I (Историография вопроса)	50
Павлова Е. Дворцовый переворот 1801 года и русское общество в отечественной исторической литературе	59
Кокшарова А.А. Влияние земской либеральной идеологии на программные установки «Конституционно-демократической партии» и «Союза 17 октября»	64

САМАРСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Калдымова О.А. Купечество Среднего Поволжья конца XIX – начала XX века	66
Чурина Ю.В. Социальный портрет купечества Самарской губернии конца XIX – начала XX вв.	71
Варламенков В.Н. Государственная политика в сфере образования 1917-1929 гг. в Поволжском регионе (кратосоциообразовательный опыт исследования)	74
Каунова Н.Е. Демографические и социально-экономические последствия голода 1932-1933 гг. в городах Средне-Волжского края	78
Кузнецова Ю.А. Самара – Сент-Луис: история отношений	83

САМАРСКИЙ АРХИВ

Петровский Н.Н. Уру-Тюпя	89
Окунь А.Б. «Голодающей России...» (Л. Толстой и американская благотворительная помощь во время голода в Поволжье в 1892 г.)	95